

Роман Петров, Илья Сименко

РЕКОНИЗМ

<http://reckonism.org>

*Как информационные технологии
делают репутацию сильнее власти,
а открытость — безопаснее
приватности*

Роман Петров, Илья Сименко

Реконизм

Как информационные технологии
делают репутацию сильнее власти, а
открытость — безопаснее приватности

Оптимизировано для печати на листах А4 (210 x 297 мм.)

ISBN 978-966-413-319-4

ББК 66.1

УДК 008.2:[330.341.2/342.1/111.4:004+334.012.74]

Одесса, издательство «ВМВ», 2012

Содержание

Предисловие.....	4
Введение.....	5
От стада к государству.....	11
История общества.....	11
Как меняется общественный строй.....	16
Современный правящий класс.....	18
Вопрос, на который не ответил Маркс.....	19
Основная тенденция.....	23
Информация как ключевой ресурс.....	26
Информизм.....	26
Средства удержания контроля.....	31
Закат информизма.....	40
Проблемы гиперцентрализации.....	40
Оппортунизм власти.....	49
Реконизм.....	63
Техническая база реконизма.....	68
Криптография.....	69
Open Source.....	71
P2P.....	72
Искусственный интеллект.....	73
Нетехнические риски.....	74
Общество тотальной слежки.....	76
Все люди — «Большие Братья».....	81
Активные социальные сети.....	83
Сеть будущего.....	88
Децентрализация.....	92
Принцип Lloyd's.....	94
Финансы.....	96
Реконизм или тоталитаризм?.....	104
Безбилетники.....	107
Общество.....	117
Преступление и наказание.....	119
Международная политика и национальная идея.....	123
Новая элита.....	125
Скучающие аристократы.....	126
Заключение.....	130
Приложение.....	134
Прозрачность госструктур.....	134
Электронная демократия.....	136
ОИС.....	138
Распределённые финансы и управление.....	141
Литература.....	142

Предисловие

Мы все сделаны по одному и тому же чертежу, образу и подобию. Одни и те же идеи, изобретения, формулы приходят в разные головы с поразительной синхронностью. Именно поэтому в науке так много законов и формул с двойными и даже тройными названиями. И жители почти каждой достаточно амбициозной страны уверены, что всё самое интересное придумали их соотечественники, а конкуренты из соседних стран просто передрали всё под копирку. На самом деле, то же радио изобретали несколько десятков человек по всему миру почти одновременно.

Из-за такого единообразия на свет ежеминутно появляются развесистые «велосипеды» — решения и концепции, на девять десятых повторяющие что-то, давно придуманное кем-то ещё. Как говорил Остап Бендер: «Такой удар со стороны классика!» И тем приятнее встретить в чужой голове мысли, очень похожие на твои, но ещё не оформившиеся окончательно, не успевшие превратиться во что-то осязаемое, существенное, заслуживающее отдельной статьи в энциклопедии. Ведь при этом одновременно получаешь подтверждение того, что ты не одинок в своих фантазиях, а значит, возможно, не такую уж нелепость придумал, как иногда кажется в особо неудачные дни, и шанс войти в историю как первооткрывателю чего-то значительного и нужного, как представляется в дни удачные. Ну и заодно, конечно, можно успеть исправить кучу ошибок и неточностей, которые тот, другой, наделал в твоей идее по недомыслию.

Именно так появилась на свет эта книга. В какой-то момент оба автора обнаружили поразительное сходство во взглядах на проблему приватности и вектор социальной эволюции, при почти полном отсутствии чего-то завершённого и конкретного на ту же тему в окружающем информационном пространстве. В то же время идеи явственно носились в воздухе. То тут, то там, независимо друг от друга разные люди в разных местах вели себя так как будто уже прочитали книгу, которую мы ещё не начали писать. Мы устали бомбардировать друг друга по Скайпу ссылками с неизменной припиской «Призрак бродит по Европе». Мироздание прозрачно намекало, что уже давно пора. И мы засучили рукава.

* * *

Авторы благодарны своим друзьям, родным и знакомым, которые читали эту книгу на разных этапах её написания и сделали полезные замечания: Александру Довничу, Дмитрию Дубине, Николаю Кравченко, Анастасии Москалюк, Андрею Мужуку, Алексею Начарову, Екатерине Стрельниковой, Денису Сыропоршневу, Светлане Толмачёвой, Михаилу Янчуку, Максиму Яценко.

Введение

Вам никогда не добиться перемен, сражаясь с существующей реальностью. Чтобы поменять что-то, следует выстроить новую модель, которая сделает существующую модель непригодной

Ричард Бакминстер Фуллер

Геномы человека, шимпанзе и гориллы, по разным оценкам совпадают на 97 – 99%^[1]. При этом генетические различия между гориллой и шимпанзе не приводят к глубоким отличиям в социальном устройстве, интеллекте и культуре. А между человеком и высшими обезьянами лежит пропасть.

Слабое место большинства утопий и анархических движений — в непонимании природы этой пропасти. Её можно сравнить с пропастью между разными операционными системами. На один и тот же компьютер можно установить совершенно несовместимые между собой ОС, непохожие друг на друга так же сильно как человеческое общество на стадо шимпанзе. Предлагая переписать с чистого листа весь «софт», анархисты и утописты переоценивают роль «железа», полагаясь на такие вещи как сотрудничество, мораль или чувство справедливости как будто они в готовом виде присущи любому человеку изначально, а не привиты обществом. Человеческое общество не может существовать без принуждения в той или иной форме. Даже если человек ведёт себя сознательно и альтруистически, в основе такого поведения всё равно лежит мощный аппарат насилия. Чтобы успешно обороняться от агрессивных соседей и при случае самому урвать кусок пожирнее, государству необходима сильная армия. А сильная армия — это превосходство в технологиях, поддержка народа и богатство. Эти вещи невозможны без развитой науки, эффективной, не страдающей от коррупции и воровства экономики и максимально мобилизованного общества. А для этого нужно иметь действующую систему правосудия, всеобщее образование и общие ценности и цели. Вот и выходит, что прививая с детства высокую нравственность и гражданскую сознательность, государство обеспечивает своё экономическое и военное превосходство. Школы содержат за счёт налогов, которые собирают принудительно. В случае необходимости родителей заставляют гуманно относиться к детям и давать им образование под угрозой лишения родительских прав. Если сегодня отказаться от принуждения, завтра окажется, что пропасть между людьми и шимпанзе не так уж и велика.

С другой стороны, можно и нужно исследовать пути смягчения и гуманизации методов принуждения, если это не уменьшает его эффективности. Значительная часть человечества уже отказалась от смертной казни. Это было совершенно немислимо несколько сотен лет назад. В каменном веке основной метод принуждения вообще был прост и прямолинеен — дубиной по башке и никаких проблем! Пока тебя самого такой же дубиной не принудят. Сегодня вместо одного мощного удара мы используем десятки и сотни мягких, почти незаметных толчков и прикосновений. Пара слов, тоненькая ленточка, преграждающая дорогу, цветная лампочка в светофоре, яркая картинка в

журнале влияют на наши мысли и поступки, тонко подстраивая наше поведение под требования и желания других людей. Тем же отвечаем и мы.

Вполне логично предположить, что в будущем мы продолжим двигаться в том же направлении. Методы принуждения станут ещё мягче и тоньше, но их будет больше и применяться они будут чаще и шире. Из этого предположения следуют два важных вывода. Во-первых, суммарный эффект от этих воздействий будет сильнее, чем от эпизодических ударов дубиной. Известно, что закон соблюдается строже в тех странах, где вполне реально получить штраф за брошенную мимо урны бумажку, а не в тех, где регулярно устраивают показательные казни. Во-вторых, суммарный ущерб свободе и благополучию человека от них будет меньше. Ведь, если корректирующее воздействие применяется лишь от случая к случаю, приходится пропорционально увеличивать его силу, что приводит к повышенному риску побочных эффектов. Очевидно, что тысяча мелких штрафов травмирует меньше, чем пуля в затылок. Кроме того, сильные и нечастые воздействия легко контролировать небольшой группе людей и использовать в преступных целях, что великолепно иллюстрирует любой диктаторский режим или поток информационных помоев в телевизоре.

В этой книге мы проанализировали вектор развития общества. Мы, как нам кажется, выделили ключевой фактор, который определял условия существования той или иной общественной формации. Мы исследовали сегодняшний день, предположили завтрашний и представили себе послезавтрашний. Эта книга посвящена обоснованию того, что общество рано или поздно придёт к новой общественной формации, выросшей на принципах массового сотрудничества. Это приведёт к интересному эффекту — полной взаимной прозрачности. Мы назвали этот предполагаемый общественный строй будущего реконизмом, от английского слова «reckon» — подсчитывать, учитывать, полагать, рассматривать, иметь мнение. Мы считаем, что основным методом самоорганизации и принятия коллективных решений станет непрерывный учёт мнений всех компетентных и заинтересованных лиц вместо создания иерархических структур, решения в которых принимаются только верхушкой. Технически такой учёт осуществим при условии всеобщей информатизации и информационной прозрачности.

В принципе, общепринятая сегодня республиканская форма правления может считаться зачаточной, примитивной формой реконизма, когда учёт производится раз в несколько лет, круг вопросов, решаемых этим учётом, очень ограничен, а для принятия окончательного решения используется примитивный метод подсчёта большинства равноценных голосов. При этом 99% всех решений по-прежнему принимает иерархическая верхушка как бы от нашего имени. Если применять вместо детсадовской арифметики и ручного заполнения бюллетеней современные компьютерные сети и алгоритмы, учитывающие множество факторов, влияющих на силу голоса, делать это непрерывно и повсеместно, то от посредников в лице политиков и бюрократов можно будет отказаться почти полностью. Прописанные в большинстве конституций мира слова о том, что единственным источником власти в стране является народ, перестанут быть просто словами.

Необходимость прозрачности в такой модели управления обществом следует из продемонстрированного выше распыления методов принуждения. Ведь чтобы принуждающее воздействие было эффективным, надо знать, где, когда и как воздействовать. Когда инструменты принуждения в руках тысяч людей, а не одного «всеведущего» вождя или царя, каждому из этих тысяч нужна информация. И чем полнее и точнее она будет, тем тоньше, безвреднее и гуманнее будет воздействие. Любой секрет можно раскрыть, и тот, кто его раскроет, будет обладать монополией на некоторые

способы воздействия. А где монополия — там и злоупотребления. Скрывая слишком много, мы отдаём рычаг влияния в руки структур, которым мы, вообще-то говоря, не очень доверяем — спецслужб и корпораций. И в то же время блокируем возможности взаимного контроля и координации между нами и такими же мы людьми. Мы отчуждены друг от друга и при этом открыты и беззащитны перед чиновниками и бюрократами.

Именно поэтому всеобщая информатизация часто воспринимается нами как угроза. Однако простое отрицание всего нового и потенциально опасного не может быть эффективным. Спротивляясь любым попыткам сбора и использования персональных данных, закрываясь от внешнего мира анонимностью и шифрованием, мы доставляем себе множество неудобств. Большинство последователей «пиратских партий» и анонимных кибер-активистов критикуют попытки заблокировать распространение любой информации государством или «копирастами» и в то же время выстраивают такие же защитные бастионы вокруг себя. Несправедливую и потенциально опасную асимметрию информационной прозрачности в пользу политических и коммерческих элит они хотят развернуть в свою сторону. Хотя логичнее было бы её уничтожить полностью. Современный правящий класс хочет бесплатно получать от нас любую информацию, но при этом не спешит делиться с нами тем, что имеет сам. Однако желание «скачать бесплатно» всё что угодно, от последнего голливудского блокбастера до совершенно секретных документов, оставаясь при этом анонимными и неуловимыми, выглядит как инфантильное желание «отнять и поделить».

Асимметрия в возможностях доступа к нашей персональной информации должна быть устранена. Полная прозрачность предполагает прозрачность взаимную. Сложные системы не могут работать без обратной связи. Необходимо контролировать контролируемых, иначе они превратятся в «Большого Брата». Но ни в коем случае нельзя самим оставаться неподконтрольными и безответственными. Раб и хозяин — две стороны одной медали. Раб не станет свободным, просто поменявшись с хозяином местами. Свобода предполагает взаимные уступки и обязательства, а не возможность безнаказанно плевать на головы бывших господ. Без этой взаимности развитие информационных технологий может привести только к тоталитаризму и бесчеловечной антиутопии.

Вы рассказываете о себе все в Фейсбуке. По вашим запросам в интернете можно узнать, что вы ищете. Легко определить, какие программы вы смотрите, и какие книги и фильмы скачиваете. Можно прочитать все ваши любовные эсэмэски и прослушать все ваши разговоры (не только телефонные). В кэше сохраняются все ваши комментарии. Телефон передаёт ваше местонахождение. По базам данных можно узнать, какой ваш контейнер из Китая застрял на растаможке и что вы не оплатили две квитанции за превышение скорости. Вездесущие камеры наблюдения и программы распознавания лиц в толпе. Все ваши предпочтения, от политических до религиозных как на ладони... и так далее, вплоть до вашей коллекции порно и пятен на вашей одежде.

Конечно, это пугает. Большой Брат следит за тобой. Все под контролем. Ты и тварь дрожащая, и права не имеешь. Ты совершенно открыт, беззащитен и прозрачен той самой набоковской прозрачностью. Причём если в «Приглашении на казнь» у главного героя хотя бы было некое подобие выбора: «С ранних лет, чудом смекнув опасность, Цинциннат бдительно изощрялся в том, чтобы скрыть некоторую свою особенность. Чужих лучей не пропуская, производя диковинное впечатление одинокого тёмного препятствия в этом мире прозрачных друг для дружки душ, он научился все-таки притворяться сквозистым... но, в

действительности, Цинциннат непроницаем», то ты даже такого права лишён. Если нужно будет — из космоса найдут.

Кажется, есть три стратегии в этой ситуации:

- Контролировать все. Ни байта мимо. Ни слова лишнего. Все разговоры шифруются. Только псевдонимы и динамический айпи. Их копыта не оставляют следов.

- Жить совершенно открыто. Говорить только правду. Честному человеку нечего скрывать. В конце концов, это просто дело привычки. Совсем недавно невозможно было на людях показать голую коленку.

- Не обращать на это никакого внимания. Кто я такой и кому интересна моя жизнь?

Но! Рассуждая об ужасах грядущей открытости нельзя забывать и о несомненных плюсах. Например, что, как нам, кажется, совершенно недооценивается — появятся вещи гораздо важнее денег. Это будет репутация.

Открытость даёт вам уникальную возможность сделать выбор — к какому учителю отдать ребёнка, или какому врачу лечить родителей. О каждом специалисте можно будет прочитать мнение людей, которые с ним сталкивались. Никакой анонимности — я, пенсионерка Зоя Ивановна Чистякова, лечилась у такого-то врача с таким-то диагнозом. Вот анализы, вот результаты лечения. Низкий поклон ему. И такие вещи будут очень дорого стоить. По обратной связи будет приниматься решение о компетенции сотрудников. Вплоть до увольнения и запрета на профессию в тяжёлых случаях.

И любой чиновник десять раз подумает, прежде чем намекнуть на взятку или посылать человека за ещё одной бесполезной справкой. Фактически мир превратится в большую деревню, где все друг друга прекрасно знают — вот это прекрасный плотник, только задаток не давай — в запой уйдёт, а вот от этого лучше держаться подальше. При свободе выбора репутация станет важнее денег.

И первыми совершенно прозрачными станут политики и чиновники. Слишком высока их ответственность.

Блог Дмитрия Чернышева <http://mi3ch.livejournal.com/1895031.html>.

Словосочетание «полная прозрачность» подразумевает всеобщность и целостность информационного поля, а не его абсолютность и тотальность. Совершенно необязательно устанавливать видеокамеры в спальнях и туалетах, вживлять в мозг передатчики и наносить на лоб штрихкоды. Степень прозрачности и учёта должна быть достаточна для уверенного отслеживания идентичности и репутации человека, беспрепятственного проведения повседневных транзакций и не более того. Сегодняшняя информационная среда — мутная и непрозрачная, с небольшими островками прозрачности в виде отдельных сообществ или баз данных, слабо связанных друг с другом. Полная прозрачность означает обратную ситуацию — среда в целом прозрачна, но в ней вполне могут существовать полностью или частично непрозрачные места, лишь бы они не нарушали целостность прозрачного пространства, не изолировали его отдельные участки друг от друга.

То же можно сказать и о «полной» децентрализации. И с технической, и с политико-экономической стороны тотальная децентрализация не только не нужна, но и не эффективна. Лучше всего работают гибридные модели. Но мы считаем, что ведущую роль будут играть именно децентрализованные структуры, а иерархические — должны дополнять их и прикрывать их слабые места. Пока что чаще бывает наоборот. Подобно тому, как индустриализация не уничтожила полностью сельское хозяйство, а информационное общество не отказалось от промышленности, реконизм не

предполагает абсолютную горизонтальность во всём. Он лишь подчёркивает, что горизонтальные связи станут основной и самой характерной чертой будущего общества.

До сих пор концепции «ноосферы» или «глобального мозга» носили метафорический или даже мистически-религиозный характер. Мы считаем, что уже в ближайшем будущем ноосфера станет вполне реальным и конкретным объектом. Материальной основой её будут компьютеры, объединённые в глобальную сеть. Главным отличием такой сети от сегодняшнего Интернета будет целостность, основанная на открытых стандартах и децентрализованных технологиях. Пока что Интернет состоит из множества лоскутков, кое-как сшитых друг с другом. Один из авторов не поленился и подсчитал количество своих аккаунтов на разных сайтах, платёжных системах, форумах и так далее. Семьдесят восемь! А ведь есть ещё десятки информационных систем и баз данных, слабо или вообще никак не связанных с интернетом — банковских, государственных, муниципальных и коммерческих. Загляните в свой бумажник: каждая дисконтная и платёжная карта — часть такой системы. Каждый документ, от паспорта до последней справки из ЖЭКа — тоже.

Процесс объединения таких систем уже начался, так, в интернете всё шире используется аутентификация с помощью OpenID, когда один «главный» аккаунт позволяет входить на разные сайты, не создавая дополнительных паролей и учётных записей. Большинство успешных проектов по модернизации государственного или муниципального аппарата предусматривало объединение и стандартизацию информационных систем. Эстония — один из мировых лидеров в такой модернизации — использует децентрализованную систему «X-Road» для унификации доступа к разрозненным государственным и частным базам данных. Когда такой подход станет общепринятым, вполне можно будет говорить о ноосфере как о повседневной реальности, а не как о философской идее.

В концепции реконизма каждый сможет найти своё:

- анархисты — ликвидацию государства и закона, противоречащего обычаю,
- тоталитаристы — воплощение идейного единства общества,
- монархисты — реализацию идеи чистого лидерства и сплочения людей ради общей цели, лишённую грязи и коррупции,
- неомарксисты — использование концепции отчуждения и общественного бессознательного,
- социалисты — реальную возможность планировать экономику, то есть, в ряде случаев, точно определять спрос до производства товара,
- капиталисты — полную свободу предпринимательства и идею зависимости веса голоса от вклада,
- почитатели Платона — идею прозрачности и подотчётности политических элит,
- сторонники идеи открытого общества Поппера — его крайнюю форму, «абстрактное общество»,
- либертарианцы — работоспособный механизм отказа общества от насилия, так как просто насилие становится невыгодным, а насилие со стороны государства — ненужным,
- любители кибер-панка — всеобъемлющую компьютерную модель реальности, электронное государство и матрицу Уильяма Гибсона, а не братьев Вачовски,
- демократы — истинное народовластие и воплощение идеалов классического периода Древней Греции,
- республиканцы — действенный инструмент избегания диктатуры большинства,
- работники спецслужб — воплощение мечты о тотальном контроле и «Большом Брате» (и доведение её до абсурда),

- коммунисты — строй, в котором отсутствуют деньги в том смысле, в котором они есть сейчас,
- антиглобалисты — путь к децентрализации,
- глобалисты — идеи, объединяющие мир,
- любители теории заговора — очередную гримасу мировой закулисы. («Давид» Микеланджело на обложке по задумке авторов символизирует открытость, победу простого парня из народа над агрессивным милитаристом-Голиафом и дальнейшую карьеру этого парня в роли мудрого и справедливого царя. Но кто знает, что им может прийти в голову? Ведь Давид — еврей!)

Реконизм можно рассматривать как некую социологическую сингулярность, когда, как написано выше, сторонники разных политических взглядов получают то, что хотели «всё в одном».

* * *

В главе **«От стада к государству»** мы изложили историю социальной эволюции общества и показали, что смена общественного строя всегда происходила после того как оформлялся новый ключевой ресурс, позволявший управлять и подчинять. Такими ресурсами в своё время были сила, земля и капитал.

В главе **«Информация как ключевой ресурс»** описан ключевой ресурс современного мира — информация и основные способы, с помощью которых власть использует асимметричность информации в своих целях.

Глава **«Закат информизма»** рассказывает о том, как властная элита постепенно теряет контроль над информацией, о викификации экономики и о катастрофических последствиях гиперцентрализации. Мы показываем общую тенденцию развития и приходим к выводу о переходе к новому общественному укладу — реконизму, основанному на викификации экономики и власти, прозрачности и репутации.

Глава **«Техническая база реконизма»** посвящена материальной основе реконизма — информационным технологиям и компьютерным сетям. В ней показано, что современный уровень развития IT позволяет создать информационную систему, достаточно мощную и всеобъемлющую, чтобы служить фундаментом для нового общественного строя, и предложены возможные подходы к реализации такой системы.

В главе **«Децентрализация»** мы описали способы децентрализованного управления и принятия решений, которые могут быть не менее эффективными, чем решения централизованные, но без их недостатков. Мы рассмотрели возможность децентрализации многих функций государства, рассказали о том, как может быть децентрализована финансовая система и как эмиссией денег в виде прав требования может заниматься кто угодно.

В главе **«Общество»** мы представили, каким будет общество и мораль будущего, что станет с преступностью, цензурой, политикой, национальной идеей и какой будет новая правящая элита.

Дополнили мы свою работу **Приложением**, где мы рассказали об уже существующих в настоящем «кирпичиках», которые могут лечь в основание реконизма. Если, читая книгу, вам покажется, что авторы потеряли чувство реальности — откройте приложение. Иногда действительность превосходит даже самые буйные фантазии.

От стада к государству

История общества

Чем меньше полномочий у царской власти, тем она долговечнее.

Аристотель

Чтобы нарисовать убедительную и достоверную (насколько это возможно) картину будущего общественного строя, необходимо сначала вернуться в прошлое и проследить эволюцию человеческого общества с самого его зарождения и до наших дней.

На тот момент, когда сформировался вид *Homo Sapiens*, уже существовали закрепленные генетически формы общественного устройства — стаи птиц, косяки рыб, рои насекомых, стада антилоп, прайды львов^[2]. Однако человеку предстояло впервые в истории планеты создать чрезвычайно стабильные и необыкновенно крупные организованные сообщества, основываясь не на инстинктивном групповом поведении, а на культуре, традициях, законах — специфичных для человека способах самоорганизации и накопления информации.

Вначале было стадо. Первобытное человеческое стадо досталось нам в наследство от предков и по своему устройству мало чем отличалось от стада обезьян или стаи волков. Но роль этой формы самоорганизации исключительно важна. Это единственная из всех известных нам форм, закрепленная на генетическом уровне. Когда диктатор многомиллионного государства именуется «отцом» каждого гражданина — он использует дремлющие в нас генетические программы в целях пропаганды. Вся националистическая, ура-патриотическая или ксенофобская риторика построена на этих атавизмах — «кровь предков», «родина», «семья братских народов», «чужеродный», «инородцы». Снова и снова, на уровне государства, корпорации, армии, церкви, школы, спортивной команды, всплывают образы божества-прародителя, старейших и мудрейших отцов-основателей или кровной связи между членами сообщества. Инстинкты живучи, и в ближайшие века они не изменятся ни на йоту. Биологическая эволюция — крайне медленный процесс. Тысячелетия социальной и культурной эволюции — лишь легкий налёт на поверхности глыб, созданных эволюцией биологической. Чтобы увидеть, с какой лёгкостью, в случае выпадения социальной группы из контекста современной культуры, внутри неё образуется типичное первобытное стадо, достаточно посмотреть на подростковые банды, сообщество заключенных в тюремной камере или казарму в условиях дедовщины. Само слово «дед» достаточно прозрачно намекает на генетическую основу неуставной армейской иерархии.

Начиная со времени объединения первобытных стад и родов в более крупные образования — племена и общины, включился новый механизм естественного отбора — социальная эволюция. Эволюция культур и способов общественной организации. Несмотря на то, что она имеет совершенно другую материальную основу — язык,

традиции, письменность и законы вместо ДНК для хранения и передачи информации, и изобретения, открытия, образы и идеи вместо мутаций в качестве источника изменений, её механизм и закономерности имеют ту же природу. Точно так же как при биологическом отборе отсутствует цель и направление мутаций, никто не планирует очередной виток общественного развития — теория общественного договора^[3-5] сейчас выглядит так же наивно, как и теория разумного творения^[6]. Первобытные люди никогда не собирались вместе и не решали, что вот теперь пора объединяться в племя, потому что так удобнее и безопаснее. Просто в какой-то момент оказалось, что несколько родов, действуя согласованно, и не нападая друг на друга в силу каких-то сиюминутных соображений или договорённостей, легко могут перебить соседей и расширить своё жизненное пространство. После чего во всех регионах, где возникли такие объединения, те роды, которые не смогли организовать в племена, очень быстро вымерли или были вытеснены в труднодоступные, изолированные места — горы, острова, джунгли, пустыни.

Что служило «клеем» для такого объединения? Чтобы понять это, достаточно сравнить племя с сообществом животных, например, львиным прайдом. Члены прайда узнают друг друга по запаху, внешнему виду, голосу, динамике движений. А члены человеческого племени говорят на одном языке и имеют общий культурный фон, например, ведут свой род от одного и того же тотемного животного или мифического персонажа^[28], имеют схожие ритуалы.

Язык и базирующаяся на нём культура, как более ёмкие и удобные инструменты передачи информации, стали первым социальным клеем. Развитие средств коммуникации человека открывало ему больше возможностей для узнавания соплеменников, что привлекало в круг своих еще больше особей и, в свою очередь, снова требовало усовершенствования коммуникаций в возросшей группе. И чем больше усложнялся язык, чем больше информации накапливалось в негенетических хранилищах, тем крупнее могли становиться общественные образования, тем более богатую культуру они имели и тем более сложный язык и более совершенные средства коммуникации им требовались.

Но одного лишь языка было недостаточно для создания сколько-нибудь стабильного крупного сообщества. Первобытная родовая община вела кочевой образ жизни. Для того чтобы прокормить несколько десятков охотников и собирателей, нужна была территория в сотни квадратных километров. Встречи с другими кочующими стадами были редким и не очень желательным явлением, а о поддержании стабильной связи или совместных действиях не могло быть и речи. Всё изменилось с освоением земледелия. Приёмы повышения плодородности почвы и первые попытки культивации растений, вначале бывшие лишь способом немного повысить эффективность собирательства (так из практики поджигания сухих растений перед началом сезона дождей возникло подсечно-огневое земледелие^[7]), со временем позволили значительно уменьшить территорию, необходимую для выживания и перейти к оседлому образу жизни. Тут уже пришлось договариваться с соседями.

Эти два процесса — развитие языка вместе со средствами хранения и обработки информации и рост производительности труда за счет совершенствования технологий, поддерживая и усиливая друг друга, раскрутили маховик истории, позволив ничем не примечательным приматам всего за несколько тысячелетий (доля секунды с точки зрения биологической эволюции!) стать доминирующим видом на планете. Объединение родовых общин в племена — качественный скачок в развитии человека, сделавший

возможным последующее укрупнение социальных структур до уровня вождеств, а затем и государств. Вместе с укрупнением социальных структур менялась и база внутрисоциальных отношений, которые сначала основывались на родстве, после на кланах и, в конце концов, с образованием государств, на классах и территории. Отвязка от родства и расширение общества на большие пространства вовлекало в его структуру все больше племен, а затем и этносов. Это приводило к необходимости использования многих языков, обогащению культуры и требовало (и сопровождалось развитием) информационных технологий. И самое главное, с ростом общественных образований все большую роль в управлении играли монополизирующие право на силу и информацию чиновники^[8]. Переход к каждой следующей форме общественного образования (родовая община, племя, вождество, государство) происходит тогда, когда становится возможным содержать необходимое количество людей, не занятых в производстве (сначала — один вождь, затем его окружение, затем — все возрастающая армия чиновников, имеющая к моменту образования государств развитую многоуровневую структуру) и когда появляются новые разновидности информационного «социального клея» (язык, затем мифы и религия, затем письменность).

Ещё один вывод, который можно сделать, изучая историю социальной эволюции, на первый взгляд, парадоксален. В нашей культуре прочно утвердилась иерархическая, пирамидальная модель общества, та самая, которая основывается на инстинктивных представлениях об «отцах». Как бы само собой разумеется, что те, кто пробился на вершину пирамиды, управляют, принимают решения, от них зависит процветание или упадок страны. Но так ли это? Властную элиту с завидной регулярностью выносят из дворцов ногами вперёд с петлёй на шее, их грандиозные планы почти всегда оканчиваются ничем, войны и кризисы, как правило, возникают совершенно неожиданно для них самих. Это так они управляют!?

Они больше похожи на серфингистов — кто-то более искусен, хорошо чувствует волну и не дергается, не делает глупостей — вуаля! Имеем «мудрого» и «дальновидного» царя или президента. Другие барахтаются и падают, едва взобравшись наверх, или упорно плывут против течения, задерживая развитие страны иногда на десятилетия — это «плохие» лидеры. В случае с серфингом нам очевидно, что тот, кто гордо рассекает на гребне волны, ни в коей мере этой волной не управляет. Он просто знает, как оказаться наверху в нужный момент и продержаться там как можно дольше. В случае с обществом — мы до сих пор не знаем всех законов, по которым возникают и движутся «волны». И поэтому, если приказы лидера неукоснительно исполняются, его проекты и кампании неизменно удаются, а враги терпят позорное поражение, мы склонны видеть в этом его личную заслугу. Заслуга, конечно, имеется, но состоит она в том, что он отлично ориентируется в ситуации и просто-напросто не отдаёт тех приказов, которые не могут быть выполнены, не начинает проектов, которые невозможно закончить, и не пытается бороться с врагом, которого нельзя победить. Другими словами, он не лезет на рожон и не мешает ситуации развиваться по собственным законам. Он просто выявляет и усиливает тенденции, которые зреют в обществе. Он чувствует волну.

Особенно это видно издалека. Возможно, рядовые члены племени Мумбо-Юмбо почитали своего вождя и твёрдо верили, что от его решений зависит их жизнь и будущее. Если рассматривать только краткосрочную перспективу — в этом есть доля правды. Но через несколько тысяч лет совершенно очевидно, что не вожди сыграли наибольшую роль в жизни потомков Мумбо-Юмбо, а те безвестные земледельцы, ремесленники и

охотники, которые, поколение за поколением, совершенствовали орудия и приемы работы.

Сегодняшние их потомки уже далеко не такие безвестные, но их имена всё равно помнит гораздо меньше людей, чем имена царей и полководцев. Например, конкретно три человека — Эдвард Дженнер, разработавший вакцину от оспы, Александр Флеминг, открывший антибиотики и Норман Борлоуг, отец «Зелёной революции» — спасли (и продолжают спасать, несмотря на то, что все трое уже мертвы) больше людей, чем угробили все «великие полководцы» всех времен вместе взятые. Рассуждая о роли личности в истории, мы часто обращаем внимание не на те личности, которые этого заслуживают. Электричество, автомобиль и компьютер изменили мир гораздо сильнее, чем любая война или государственный переворот.

Александра Македонского помнят как завоевателя, но его империя пережила его всего на три года, так и не оказав значительного влияния на культуру «покорённых» им народов. Птолемеи, которые правили Египтом после Александра, хоть и были эллинами, но рисовать египтян анфасы так и не научили. Наполеон был успешен до тех пор, пока не пошел по инерции дальше на восток. Гитлер просто уничтожил свою страну, а руководимый Сталиным Советский Союз победил в войне скорее вопреки вождю и его системным проявлениям воли, а не благодаря ему. А история СССР и Германии после войны в длинной перспективе мало коррелировала с тем, кто же именно дошел до столицы врага.

Укрупнение общественных структур и само появление царей и вождей вызвано развитием технологий и повышением производительности труда. Как это часто бывает, эволюция подхватила первый попавшийся ей кусок материала и прилепила его приблизительно в нужное место. В ходе эволюции общества таким куском оказались вожаки и лидеры человеческого стада. Их основным занятием всегда были грабеж и война, но и с постройкой ирригационных сооружений или дорог они кое-как справлялись.

Получается, что успех или неудача правителя и страны в целом зависит не только и не столько от личности того, кто на вершине власти, а от «волны». Ключевые фигуры, на самом деле творящие историю, могут занимать высокое или низкое место в иерархии, или вообще быть вне любых иерархий. Кто бы ни был наверху, волна всё равно придет, разница только в том, сможет ли страна оседлать волну и стремительно обогнать конкурентов, или её вынесет на берег, побитую и жалкую, через много лет после того как волна схлынула. И чем чаще идут волны, тем чаще надо менять власть, иначе страна будет обречена вечно барахтаться где-то внизу. Именно поэтому современная модель демократии, с относительно частой и регулярной сменой власти, дроблением этой власти на конкурирующие ветви и расширением прав и свобод каждого отдельного человека показала себя более успешной в быстро меняющемся мире. Если до эпохи промышленных и научных революций между двумя волнами могло смениться несколько поколений, и пожизненная абсолютная власть этому мало мешала, то сейчас эта модель совершенно очевидно неповоротлива и беспомощна. СССР или КНДР — отличное тому подтверждение.

Доминирование в сегодняшнем мире представительных демократий подводит к ещё одному важному выводу. Целенаправленный и разумный поиск решения рано или поздно превосходит слепой естественный отбор. Колесо быстрее копыт, самолёт быстрее птицы. Искусственное распределение бремени власти на большее количество людей, ее

децентрализация в демократическом государстве намного эффективнее возникавших естественным путем монархий или тираний.

Современных политиков часто ругают за то, что они не склонны планировать дальше следующих выборов, тогда как при пожизненном правлении достаточно молодой монарх или диктатор заинтересован думать на десятилетия вперед. А на самом деле всё получается наоборот. Фараоны тратили огромные ресурсы на совершенно бесполезные пирамиды, а при нынешних скоропортящихся президентах люди строят гигантские небоскрёбы, плотины и заводы. Почему так? Может быть всё-таки потому, что они «царствуют, но не правят»? Может быть такую полезную функцию власти как координация усилий множества людей ради общего дела, возможно реализовать без её участия? Может быть ключевую роль в постройке пирамид, плотин и кораблей играли не цари и министры, а инженеры и изобретатели?

Может быть сейчас, впервые в истории человечества, развитие науки и технологий достигло такого уровня, при котором вообще не нужен единый центр управления? И общество сможет самоорганизоваться, отбросив, наконец, рудименты в виде централизованной власти, которая с упорством мухи, бьющейся о стекло, инстинктивно стремится «укреплять вертикаль» как это делали альфа-самцы в стаде.

Ведь почти все конкретные решения сейчас принимают уже не министры и депутаты, а советники и эксперты. Времена, когда царь собственноручно строил военный флот, давно прошли. Современное общество слишком сложно, чтобы им могли управлять несколько сотен профессиональных функционеров. Их приходится терпеть, так как до недавнего времени в принципе не существовало возможности быстро выработать компетентное коллективное решение по любому вопросу. В таких условиях наличие «главного», который принимал все решения единолично, иногда позволяло сделать верный шаг и «поймать волну».

Сейчас, с появлением Интернета и дешевых мощных компьютеров, задача создания системы, способной в реальном времени координировать действия крупных групп людей уже не выглядит утопией. И зачем тогда вообще нужны президенты и парламенты? В каждой конкретной сфере решения должен принимать ситуативный лидер, который чувствует «волну». Как показывает опыт, отсутствие гарантий сохранения власти на длительный срок имеет больше плюсов, чем минусов. Широкие возможности для злоупотреблений при пожизненной неограниченной власти значительно перевешивают преимущества дальнего горизонта планирования. Да и сама возможность такого планирования сомнительна. А благодаря прозрачности и системе учета репутации, «страна будет знать своих героев», и герои будут это отлично понимать, так что ни один из них не станет жертвовать долгосрочным успехом ради сиюминутной выгоды.

Впрочем, мы забегаем вперёд. Прежде чем двигаться дальше, стоит подробнее рассмотреть эволюцию государства как доминирующей формы социального устройства в наши дни.

Как меняется общественный строй

Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать.

Фридрих Энгельс

Государство в своём развитии также прошло несколько этапов, или, пользуясь терминологией Маркса — общественно-исторических формаций^[9]. Марксизм выделяет пять главных формаций — первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. С коммунизмом как-то не срослось, зато первые четыре выглядят достаточно убедительно, и, учитывая, что в общественных науках трудно выделить единственно верный подход, особенно в вопросах классификации и периодизации, которые являются искусственным упрощением непрерывного и изменчивого мира, мы рискнём воспользоваться идеями Маркса, сделав до того небольшое отступление.

Те, кто ещё застал учебники истории советского образца, помнят какое значение в них придавалось революциям, прежде всего буржуазным и социалистическим. Учение о смене общественного строя в результате революции подводило солидную идеологическую базу под большевистский переворот 1917 года. Из-за этого часто возникает путаница между более общей трактовкой термина «революция» как коренных качественных изменений в какой-либо области (научная, мировоззренческая революция и т.п.) и частным случаем революции как государственного переворота^[13]. Переворот, или революция политическая, далеко не всегда сопровождался сменой строя, то есть революцией социальной. И наоборот, глубокие социально-экономические изменения часто происходили без каких-либо бунтов и восстаний.

Например, во Франции в год взятия Бастилии было что угодно, но только не смена строя. События во Франции можно охарактеризовать как голодный бунт против сытых аристократов и капиталистов, так как капиталистические отношения уже сложились там задолго до начала всех этих событий^[10].

С другой стороны, невозможно связать какое-либо конкретное восстание со сменой рабовладельческого строя феодальным^[11]. Также никто не наблюдал никаких переворотов при смене капитализма довоенного образца на «новый», образца конца XX – начала XXI века^[12], который, по сути, уже и не капитализм вовсе, так как уже давно не капитал является ресурсом, с помощью которого правящий класс занимается эксплуатацией.

Зато нам рассказывали про буржуазные революции и приводили пример Нидерландов, Франции и Англии (забывая про остальные страны), выводя из этих «буржуазных революций» неизбежность социалистических.

Что же на самом деле происходило во время буржуазных революций? Так или иначе, то, что у нас называют «революцией», на самом деле не было «классовой борьбой». Это было или восстание Нидерландов против испанской короны^[14], или религиозные распри с выяснением, кто в Англии главнее^[15], король или парламент, или голодный бунт во

Франции. Все политические институты, которые вводились — конституция, республиканское управление, парламент — либо уже существовали, либо были позаимствованы у соседей, либо, что вообще интересно, вытягивались с пыльных полок истории и ставились в пример. Республиканское управление в те времена — это шаг назад, а не вперед. Это — возврат к классике, к Риму, к Греции. Кроме того, уже до революций существовали производственные отношения, сводившие власть феодалов на нет и делавшие их неисключительным классом.^[16]

Откуда вообще бунтовщики могли знать, до появления теоретической базы социального развития, каким именно должен быть строй после революции? Как может сформироваться в массовом сознании нечто новое, не существовавшее ранее? Не говоря уже о том, что сам термин «массовое сознание» достаточно искусственен. Марксу приходилось оперировать в своих работах «классовым сознанием», а на практике оказалось, что оно отсутствует, и рабочие и крестьяне никаким таким «сознанием» не обладают^[17]. Проблему мобилизации общества решил В. Ленин, указав в своей работе «Что делать?»^[18] единственный правильный путь — организацию малочисленных законспирированных групп, влияющих на остальное население. Но, даже если массы были как-то или кем-то мобилизованы, то откуда лидеры масс черпали вдохновение? Историки просто классифицируют ту или иную заварушку как «революцию», которая приводит к резкой смене общественного уклада.

И устроители, и исполнители октябрьской революции даже не представляли, что они делают. Они считали, что строят «коммунизм» по заветам Маркса. На самом деле они построили государственный капитализм. Капитал остался орудием эксплуатации. Рабочие работали за зарплату. Материальная выгода была главным стимулом. Чиновничество, высмеянное Гоголем и Чеховым, управляло ресурсами. Однако то был первый опыт направления хода революции к какой-то, казалось бы, осознанной цели. Направления при помощи пропаганды, чего никогда не было ранее и что будет с того времени всегда.

Настоящие социальные революции всегда занимали длительное время, и люди, жившие в эпоху перемен, не осознавали революционного характера изменений. По всем признакам сейчас мы имеем дело с новой революцией. Замечаем ли мы это? Скорее всего, нет. Осознание того, что произошло, и что чем сменилось, придет к человечеству уже после перемены, но не во время неё. Эта книга как раз и призвана показать тот, завтрашний, день. Она позволяет взглянуть на сегодняшнюю революцию с завтрашней точки зрения. Чтобы понимать, что происходит на самом деле, чего опасаться, а чему не сопротивляться.

Современный правящий класс

Одна из величайших угроз человечеству в наши дни состоит в том, что его может задушить стремительно растущая, но хорошо замаскированная бюрократия

Норман Борлоуг

Каждая социальная революция была спровоцирована изменением в производительных силах. Научно-технический прогресс позволял производить продовольствие все меньшим количеством рук, а значит, общество могло позволить себе сначала слои, не занятые в производстве еды — ремесленников, а и в производстве вообще — армию, аристократию, духовенство.

Пришедший на смену феодализму капитализм с его принципом эксплуатации капитала просто позволил обществу заполучить еще одну непроизводящую прослойку, за счет экономии человеческих ресурсов не только в сфере производства продовольствия, но и в промышленности.

Современное общество совсем нельзя назвать «чистым» капитализмом. Это «регулируемый» капитализм. И тут всплывает интересный вопрос: кто регулирует? Современный строй от капитализма отличает наличие еще одного правящего класса, стоящего над капиталистами — чиновничества.

Здесь и далее под словом «чиновник» мы будем иметь в виду не только государственных служащих, но и наёмный менеджмент корпораций. Чиновники существовали давно, однако именно сейчас их чисто исполнительная функция превратилась в эксплуатационную. В силах чиновников закрывать и открывать предприятия, перераспределять материальные блага, получать эксклюзивный доступ к ресурсам и быть главным бенефициаром любой коррупционной или лоббистской системы.

Чиновники, пользуясь властью, закрепляют свои права и привилегии, управляют чужим имуществом, пишут законы, в свою пользу, и даже передают свое классовое положение по наследству. *«Может ли сын полковника стать генералом? – Нет. Потому что у генерала есть свой сын»*

Кто дает деньги чиновникам, и кто содержит их аппарат? Капиталисты, акционеры (якобы хозяева) и остальные люди. Каким образом? Деньги поступают в виде налогов, которые идут как на содержание самого аппарата, так и на оплату государственных закупок, которые, несмотря на развитое законодательство о тендерных процедурах, производятся совсем непрозрачно и в пользу людей, принимающих те или иные решения — чиновников. Деньги чиновникам платят и акционеры корпораций. Это и явные платежи в виде зарплат и бонусов менеджменту, рост которых часто вообще никак не связан с реальными успехами компаний. Корпоративные чиновники, так же как и государственные, имеют отдельный и существенный заработок, осуществляя закупки для корпорации тех или иных товаров или услуг.

Кто зависит от чиновников? Все. Никому не стоит ссориться с этим классом. От кого зависят сами чиновники? Ни от кого. Все признаки правящего класса налицо.

Вы читаете этот текст на русском языке и пытаетесь применить сделанные здесь выводы к экс-СССР. Однако такая система присутствует везде, в том числе и в странах с развитым корпоративным капиталом. Никогда раньше какой-то помощник какого-то

мэра какого-то городка не обладал столькими полномочиями, привилегиями и реальной властью как сейчас.

Посмотрите, кому принадлежат самые дорогие автомобили, кто летает на частных реактивных самолётах, кто имеет привилегии, закрепленные законом или уставными документами корпораций, и вы всё четко увидите.

У нас сложился новый общественный строй и новый правящий класс. Чиновники и менеджеры управляют армией, полицией, фискальной системой, деньгами, финансами и даже каждым конкретным человеком. Этот строй начал зарождаться с появлением первых тоталитарных режимов типа «социализма» или нацизма, когда именно государственный аппарат становился у руля общества.

Новый правящий класс, который пришел к власти благодаря умению манипулировать информацией, который получает доход именно за счет создания асимметричности информации, способен, впервые в человеческой истории, тщательно скрывать свое привилегированное положение, контролируя информационные потоки. Зачем явно показывать окружающим, что ты — вампир и кровосос? Тем более что существующие законы явно против коррупции. Лучше продолжать делать вид, что все стабильно и спокойно. Однако время, когда весь информационный поток мог находиться в руках правящего класса, подходит к концу, и это хорошие новости.

Сейчас же в состоянии этого общественного строя находится любое развитое общество. Некоторые называют его нетократией^[12]. Мы считаем, что уместнее назвать его по имени ключевого ресурса, который служит источником власти — информизм.

Вопрос, на который не ответил Маркс

Карл Маркс, развивая свою теорию и описывая революционный характер смены общественного строя, так и не смог определить универсальный механизм, при помощи которого предыдущий общественный строй заменяется следующим^[19].

Рассматривая то или иное общество, стоит помнить, что оно не абстрактно и люди мобилизуются исключительно для получения общественного блага. Если нахождение в группе не приносит индивиду никакой дополнительной выгоды, он будет игнорировать свое участие в ней. Таким образом, если мы говорим о каких-либо группах, то нам стоит всегда находить то общественное благо, тот общий ресурс, который совместно эксплуатируется этой группой.

Если говорить о жильцах дома, то совместная эксплуатация, скажем, лифта выгоднее, чем покупка каждому персонального подъемника. Несмотря на то, что такая совместная эксплуатация требует, кроме собственно расходов на лифт, еще и расходов на бюрократический аппарат, создаваемый с целью сбора взносов и расходов на содержание «безбилетников»^[20] — тех, кто уклонится от уплаты взносов, но лифтом продолжает пользоваться. Причём этот аппарат не всегда эффективен. Иногда, чтобы заставить должника платить, приходится задействовать очень громоздкие бюрократические механизмы, вплоть до суда. При этом проблема элегантно и без привлечения бюрократов решается установкой платных лифтов^[21], которыми просто невозможно воспользоваться без специальной карты, то есть путем превращения общественного ресурса в персональный при помощи информационных технологий. Далее мы увидим ещё много примеров того как информационные технологии делают ненужной бюрократию.

При каждом общественном строе правящий класс потому и называется правящим, что он обладает эксклюзивным доступом к некому ключевому общественному ресурсу. Это

определяет отношения в обществе и методы управления им. Также это определяет фокус усилий общества. Если правящему классу нужно иметь больше ключевого ресурса, то все общество решает этот вопрос, ведомое волей правящего класса.

Общественный строй меняется как раз тогда, когда меняется тот самый ключевой ресурс. Новый ресурс потому и появляется в обществе, что он позволяет управлять старым ключевым ресурсом, поднимаясь на следующий уровень абстракции по отношению к некому фундаментальному ресурсу, например, к еде. Новый ключевой ресурс может иметь право на жизнь только при условии, что управление им легче и менее затратно, чем управление предыдущим ресурсом.

Например, если мы посмотрим на Персидский залив как на ресурс, который интересен геополитикам, то поймем, что он важен не сам по себе^[22]. Персидский залив — транспортная артерия для нефтяных танкеров, везущих ближневосточную нефть потребителям по всему миру. Таким образом, тот, кто контролирует Персидский залив — контролирует нефть. Не нужно иметь военный контингент в каждой нефтеносной стране региона. Достаточно иметь свой флот в самом заливе. То есть Персидский залив является ресурсом следующего уровня абстракции по отношению к нефти. Сама нефть является также ресурсом следующим, по отношению, например, к топливу. А топливо, производимое из нефти, питает двигатели танков, самолетов и кораблей. То есть тот, кто контролирует Персидский залив, контролирует армии других стран.

Теперь посмотрим на следующий уровень абстракции. И окажется, что ключевым ресурсом, который контролирует всё, что происходит в Персидском Заливе, является Ормузский Пролив. И флот во всем заливе держать не надо, а нужно только обеспечить военное присутствие в Ормузском проливе.

Однако, сам Ормузский пролив не просто водная гладь, а набор островков^[23] через которые проложен фарватер. Сами островки по непотопляемости намного превосходят любой авианосец и, также как и авианосцы, снабжены взлетно-посадочными полосами, оружием, ангарами и военными гарнизонами. Получается, что тот, кто контролирует эти самые островки, контролирует до 40% мирового морского нефтяного транспортного потока и, выходит, контролирует мировую экономику.

И островки эти принадлежат Ирану. С этой точки зрения становится понятным, почему у США и Ирана весьма напряженные отношения.

Итак, теперь понимая ту роль, которую играет ключевой ресурс и роль, которую начинает играть новый ключевой ресурс на следующем уровне абстракции, мы сможем проследить, как менялся общественный строй от одной общественной формации к другой.

Разумеется, стоит начать с еды, воды, воздуха, тепла, доступа к особям противоположного пола — базовых ресурсов, необходимых человеку. Однако ничто из этого не является общественным ресурсом и общество вокруг этого сформироваться не может. Еда, вода и тепло — ресурсы, которые люди могли добывать каждый сам для себя. Если есть неиссякаемый источник еды или воды — пальма или река.

Но, так сложилось, что часть ресурсов ограничена и не существует в изобилии все время. Для устойчивого существования общества требуется создавать запасы и, соответственно, хранилища запасов. Запасники семян, еды и воды, амбары, колодцы стали тем самым первым общественным ресурсом. Ресурсом, который невыгодно содержать в одиночку, но очень удобно формировать и эксплуатировать сообща. Об этом даже пчелы «догадались».

А когда в одной из общин амбар с зерном сгорел, община была вынуждена ограбить соседнюю общину и отобрать у нее запасы. Так были заложены предпосылки к созданию

следующего общественного ресурса — обороны. Все вкладчину оборонялись от врагов или, наоборот, действуя сообща, отбирали еду у соседей. В конце концов, оказалось, что можно не добывать и собирать еду, а жить разбоем. Так появился следующий ключевой общественный ресурс — ополчение, и правящим классом стали эти сами ополченцы. Разумеется, это привело к смене общественного строя. Эгалитаризм сменился первой в истории клептократией^[8].

Теперь мы, используя приведенную выше логику, попробуем проследить то, как менялся ключевой ресурс при переходе человечества от одной формации к другой. Разделение истории на формации — достаточно условное в силу того, что отношения, характерные для какой-то конкретной формации, так или иначе, имеют место в других формациях^[24]. Например, финансы, как система отношений, существовали еще в древние времена^[25], само понятие «капитал» возникло в Древнем Риме (от лат. *capitalis* — главный, главное имущество, главная сумма). В то же время, рабовладение, так характерное для рабовладельческого строя, существует до сих пор в том или ином виде^[26,27]. И если даже взять общества, сравнимые с точки зрения истории — совокупность греческих полисов, то всего разнообразия полисных форм государственности не охватит никакая типология. Например, с точки зрения политического устройства, в полисах устанавливались режимы умеренной или крайней олигархии, умеренной или крайней демократии. Пожалуй, двух «полисов-близнецов» в Элладе нельзя было найти^[28]. А само классическое древнегреческое общество, скорее всего, характеризуется как родоплеменное, обогащенное использованием письменности, нежели как чисто рабовладельческие.

Кроме того, способ развития ключевого ресурса, показанный ниже, является не исключительным, а преобладающим. Например, при чистом рабовладении количество рабов хоть и возрастало сначала только за счет набегов на соседей, но все остальные вместе взятые источники (особенно в развитых рабовладельческих обществах) со временем приносили больше рабов, чем военные действия^[29]. Рост территории, масштабы землевладения и необходимость в большей механизации труда стали предпосылкой к смене строя. На вершину социальной пирамиды поднялись землевладельцы. И если раньше военные эксплуатировали или даже просто грабили землевладельцев, то затем землевладельцы стали нанимать армию. Да, и там, и там деньги идут от землевладельца к военному, но меняется сама парадигма. Такие же аналоги есть и в каждом следующем переходе от формации к формации:

- При **рабовладении** доминирующим в мире способом правления была тирания, а правящий класс был представлен военной аристократией. Даже в Древней Греции и Римской Республике демократические порядки распространялись лишь на привилегированное меньшинство. Античная демократия была скорее отголоском родоплеменного совета старейшин и постепенно вытеснялась единоличной властью тиранов и императоров. Экономика, основанная на рабском труде военнопленных, требовала постоянной подпитки свежей рабочей силой. Ключевым ресурсом являлись рабы, которые вначале добывались в войнах, а затем воспроизводились внутри страны. Тирания обладала соответствующими методами управления, состоявшими в праве на убийство или физическое насилие в отношении подчиненных. Информационные технологии были представлены очень бедно. Информация передавалась либо устно, либо, с развитием письменности, письменно, но о тиражировании письма речь еще не шла. Постоянная экспансия приводила к росту территории, что, в свою очередь, провоцировало появление крупных землевладельцев, способных оборонять свои наделы, нанимая собственную армию. С этих времен инициатива перешла от армии к землевладельцам, так как большая армия уже не могла прокормить себя, а снабжение крупных армий пищей становилось ключевой задачей военных стратегов^[30]. В этих

условиях, тот, кто контролировал запасы провианта — контролировал армию, и инициатива постепенно переходила к крупным землевладельцам. Рабовладельческий строй сменялся феодальным. Так проводившаяся ради военной добычи экспансия привела к тому, что военные перестали быть правящим классом.

- При **феодализме** тирания сменилась монархией, которой сопутствовали сложные формы вассальных взаимоотношений, а правящий класс был представлен либо землевладельцами, либо, в засушливых районах, владельцами источников воды. Общество, как и раньше, управлялось при помощи прямого насилия, однако ввиду его неэффективности на новом этапе развития, насилие постепенно заменялось материальной стимуляцией и религиозной пропагандой, внушавшей покорность и смирение перед мирскими властями ради посмертного воздаяния или небесной гармонии. Ключевым ресурсом стали новые земли. В это время совершать набеги на соседей становилось все более накладно, поэтому требовались земли, не занятые такими же вооруженными до зубов феодалами. Само вооружение требовало соответствующей технической базы — начали появляться цеха и мануфактуры. Стало больше ремесленников и купцов. Стали развиваться денежные отношения. Вначале деньги были золотыми, затем золото постепенно заменялось золотыми девизами, например, расписками тамплиеров, а затем появились первые банкноты. Купцам и торговцам требовался все более совершенный транспорт, который, в свою очередь, позволял феодалам получать для себя новые земли за счет географических открытий. Усложнение экономики и технологий требовало всё большего количества грамотных людей и книг. Появилось книгопечатание. Удаленность новых колоний, требовавшая развитой логистики и развитого института торговли, необходимость постоянных географических открытий, денежные, а затем и финансовые взаимоотношения, мануфактуры, а затем и фабрики, вытеснившие ремесленников-одиночек, делали феодалов зависимыми от тех, кто был способен содержать флот, фабрику или банк. Появился не связанный с землей капитал и класс капиталистов, от которых теперь зависели феодалы. Так развивавшиеся ради блага феодалов торговля, производство, финансы и географические открытия привели к тому, что феодалы перестали быть правящим классом.

- Основанная на промышленности и финансах **капиталистическая экономика** опиралась на олигархическое управление государством. Постепенно угасала роль церкви как инструмента управления обществом. Протестантизм сместил акценты с подчинения авторитетам и иерархии к трудовой этике и индивидуализму. Процветала материальная стимуляция и зарождалась, с появлением СМИ, массовая пропаганда. Развитие финансов позволяло концентрировать все больший капитал, что позволяло укрупнять производство, получая выгоду от эффекта масштаба. Укрупнение состояний требовало смены основы денежных отношений, и постепенно золотые девизы — банкноты — заменялись абстрактными бумажными деньгами. При капитализме началась промышленная революция, которая питалась плодами развития информационных технологий. Развитая полиграфия, средства массовой информации, а затем и телеграф с телефоном, позволяли людям обмениваться информацией в глобальном масштабе и изобретать для блага капиталистов все новые станки, машины и устройства. Индустриализация позволяла капиталу производить все больше продукции на единицу вложенных денег. Автоматизация промышленности, ускорение циркуляции оборотных средств, развитие информационных технологий и связи сделали капиталистов зависимыми от нанятых ими управляющих, которые смогли организовать себе привилегии и обеспечить асимметричность доступа к информации, в том числе информации о качестве управления доверенным капиталом. То же самое происходило и на государственном уровне. Инициатива от капиталистов стала переходить к

распорядителям информации. Так, проводившиеся ради блага капиталистов формализация управления, информатизация производства, развитие документооборота и усиление роли СМИ привели к тому, что капиталисты перестали быть правящим классом.

- В XX веке начал формироваться новый общественный строй, который мы назвали «**информизм**», а один из крупнейших социологов современности Мануэль Кастельс — информационализм (informationalism)^[51]. Строй, в котором бюрократическая элита или нетократия является правящим классом и контролирует капиталы. Бюрократы решают, что, когда и как финансировать. Бюрократы делят прибыль корпораций и налоговые поступления в стране. Постепенно, с ростом благосостояния народа, парадигма управления отходит от стимуляции и все больше опирается на мотивацию и манипуляцию. Первые ростки дает еще более новая парадигма управления — соучастие. Экономика становится все больше зависима от финансов, и центрами деловой активности становятся не производства, а банки, страховые компании и биржи. Абстрактные бумажные деньги почти полностью вытесняются еще более абстрактными записями на счетах и электронными деньгами. В ряде стран услуги становятся основной частью валового продукта, что позволяет говорить о постиндустриальной экономике. Среди самих услуг начинают доминировать услуги информационного характера: юридические, брокерские, консультационные, аудиторские, логистические, аналитические, маркетинговые, образовательные, дизайнерские, медийные и так далее. Информация становится ключевым ресурсом. Тот, кто владеет информацией — владеет миром. Во что и как инвестировать? Что, где и сколько стоит? Кто кому что сказал? Каков дизайн? Каковы объемы продаж? Каковы конкурентные позиции? Сколько товара на складе? Глобальные корпорации требуют более качественного информационного обмена, и начинается информатизация. Телекс, телефакс, затем компьютер с электронной почтой и, наконец, Интернет были востребованы корпорациями. Товары обзавелись штрихкодами, а затем и уникальными серийными номерами. Развиваются технологии тотального учета, от баз данных покупателей супермаркета до систем видеонаблюдения со сплошным покрытием улиц городов.

Аккумуляция больших объемов информации и стремительное удешевление средств их обработки дают возможность не облеченным властью людям получать информацию о власти и контролировать её. В созданном для нужд информистов информационном пространстве развиваются виртуальные социальные сети. В них люди делятся друг с другом сведениями, доступ к которым раньше был монополизирован властью. Пропаганда перестаёт работать. Мир сжимается до «глобальной деревни». Информация становится зависимой от репутации ее источника. Одна запись в социальной сети теперь может обанкротить корпорацию. Инициатива постепенно переходит от информистов к тем, кто создает репутацию — вики-сообществам и социальным сетям. Так проводившаяся ради блага нетократов информатизация привела к тому, что власть начала терять монополию на информацию, чего история не знала до сих пор.

Основная тенденция

Если мы посмотрим на эволюцию способов правления, то увидим тенденцию к увеличению численности правящей верхушки. Это обеспечивается, в первую очередь, развитием технологий, которые:

- позволяют прокормить больше людей, занятых распределением общественных ресурсов;
- обеспечивают появление новых общественных ресурсов, для управления которыми нужны дополнительные администраторы (например, с появлением канализации понадобились люди, ею управляющие, её строящие и поддерживающие её в рабочем состоянии);
- сокращают транзакционные издержки^[52]. Появление письменности позволило фиксировать решения группового органа власти и, вместе с развитием дорог, оперативно поддерживать связь между большим количеством управляющих, находящимися на большом расстоянии друг от друга. Появление телефона, печатных машинок и копировальной техники усилило этот эффект, а роль интернета как современного инструмента, сокращающего издержки и позволяющего людям сотрудничать, несмотря на расстояние и количество участников, переоценить практически невозможно.

Транзакционные издержки — затраты, возникающие в связи с заключением контрактов (в том числе, использованием рыночных механизмов); издержки, сопровождающие взаимоотношения экономических агентов. Выделяют

- издержки сбора и обработки информации,
- издержки проведения переговоров и принятия решений,
- издержки контроля,
- издержки юридической защиты выполнения контракта.

Транзакционные издержки являются следствием сложности окружающего мира и ограниченной рациональности экономических субъектов и зависят от того, в какой координационной системе проводятся экономические операции^[33] Слишком высокие транзакционные издержки могут помешать осуществлению экономического действия. Социальные и государственные институты (например, биржа) позволяют снизить эти издержки при помощи формальных правил и неформальных норм.

Транзакционные издержки являются центральным понятием неоинституциональной экономики^[34] и теории транзакционных издержек. Рональд Коуз, проводя мысленный эксперимент, описывающий экономику без транзакционных издержек, показал, что в таком случае действие социальных институтов становится неважным (соответственно неважными становятся экономические формации), так как люди могут договориться о любом выгодном решении без затрат^[35].

http://ru.wikipedia.org/Транзакционные_издержки

Научно-технический прогресс позволяет меньшему числу людей управлять большим. Этому способствует развитие связи, инфраструктуры, математики, изобретение систем контроля, таких как личные документы, паспорта, прописка. Прогресс в области вооружений позволяет меньшему числу вооруженных людей контролировать большее число безоружных. Также важную роль играет накопленный опыт стандартных решений.

Но оказаться внутри правящей прослойки мечтает каждый. Качество жизни, а, следовательно, и возможности для размножения, у правящей прослойки больше и она будет расти в числе, а люди, ее составляющие, находят себе применение до тех пор, пока это позволяют излишки производства, образующиеся от деятельности всего общества благодаря научно-техническому прогрессу.

Таким образом, правящий класс имеет такую численность, которую общество может себе позволить благодаря научно-техническому прогрессу. Экстраполируя эту тенденцию, можно предположить, что рано или поздно должна возникнуть общественная формация,

где правящий слой общества будет численно подавляюще превосходить эксплуатируемый слой. Крайняя точка этого процесса выглядит в виде отсутствия подчиненных классов. Когда каждый принимает непосредственное влияние на решения, куда и на что потратить общественные фонды. Новый правящий класс возвышается над предыдущим правящим классом и эксплуатирует его за счет того, что управляет неким новым ресурсом, необходимым для развития ресурса, принадлежащего старому правящему классу.

Стоит также проследить эволюцию средств обращения. Когда поднимается на новый уровень абстракции ключевой управляющий ресурс, на новый уровень переходят и средства обращения. Происходит переход от материальной основы денег к абстрактным бумажным деньгам и записям на счетах. Сам же ключевой ресурс развивается в том направлении, в котором это выгодно правящему классу. Если феодалам нужно больше земли — феодалы начинают спонсировать экспедиции, отправляемые на поиски новых земель. Желание развивать ключевой ресурс стимулирует прогресс и порождает новый ресурс, необходимый правящему классу для развития старого. Распорядители нового ресурса становятся выше правящего класса, так как именно они контролируют ресурс, который принадлежал предыдущей элите.

Переход управления ключевым ресурсом на новый уровень абстракции все больше отдаляет сам ключевой ресурс от физической власти человека над человеком и физических ресурсов, необходимость в которых определяется естественными надобностями человека. Соответственно меняются и методы мобилизации общества — методы управления. Они становятся все более мягкими и эволюционируют от прямого насилия к стимуляции, манипуляции и далее к массовому сотрудничеству.

Возникает соблазн продолжить список общественных укладов, приведенный выше. Если сегодняшнему правящему классу выгодно^[36] развивать информатизацию, то можно предположить, что репутация будет новым ключевым ресурсом по отношению к информации. Можно предположить, что новым правящим классом станут сообщества независимых индивидуумов, объединённых в облако массового сотрудничества, которое будет управляться не стимуляцией или мотивацией, а соучастием. Мы можем предположить дальнейшее абстрагирование денег и развитие пиринговых финансов. Видя эту перспективу, мы теперь посвятим большую часть книги доказательству того, что именно к этому сейчас общество и стремится, и описанию последствий наступления новой формации.

Таким образом, ответом на вопрос Карла Маркса о механизме смены общественного строя является то, что новая формация основывается на ресурсе, выстроенном старой формацией. Именно развитие некоего ключевого ресурса для существующего правящего класса порождает необходимость в новом ресурсе, владение которым регулирует доступ правящего класса к его ключевому ресурсу.

История напоминает «Дом, который построил Джек»: армия занята экспансией и охраной территории для землевладельцев, которые зависят от капиталистов (индустрии и финансов), которые зависят от информистов-неонократов (корпоративной и государственной бюрократии), которые всё больше и больше зависят от облака массового сотрудничества активных и независимых профессионалов — экспертов, учёных, журналистов, художников, блогеров.

Информация как ключевой ресурс

Чтобы сделать деталь на трехмерном принтере, нужен пластик и файл с чертежом. Причем второе — явно важнее, так как пластик — характерная банальность каждой детали. Всё живое на нашей планете состоит из одного и того же набора аминокислот. И только информация, содержащаяся в ДНК, делает слона и муравья такими разными.

Сейчас уже не актуальна поговорка «разговорами сыт не будешь» — информация в прямом смысле слова кормит нас. В современном мире львиную долю урожая того же хлеба обеспечивает информация, а не сами семена и почва. Это и знания, добытые селекционерами и генетиками, и химия удобрений, и исследования, и затем применение результатов исследований — чисто информационные товары, деньги берутся за ноу-хау, а не за себестоимость.

Также важны знания, добытые метеорологами, информационное наполнение сложной хлебоуборочной техники, оснащённой навигатором и бортовым компьютером, логистика. Без всего этого урожай был бы раз в десять меньше и, таким образом, мы, только при помощи информации кормим 90% населения, и лишь 10% — «материальным» хлебом.

Влияние информации на общество будет с каждым годом только расти. Уже сейчас семья фермеров спокойно работает на десятке тысяч гектар, нанимая комбайнеров и покупая услуги элеваторов, практически реализуя идею производства еды при помощи информации. В то же время, хлеб сам по себе — не информация, и знанием химического состава удобрения действительно сыт не будешь, не имея поля, в которое это удобрение нужно вносить. Что же такое информация с экономической точки зрения? Это — управляющий ресурс. Такой же, каким был капитал еще недавно. До капитализма таким ресурсом была земля сама по себе. До земли — физическая сила, также сама по себе.

Информизм

Приватные сведения — обычный источник почти всех нынешних крупных состояний.

Оскар Уайльд

В предыдущей главе мы проследили, каким образом правящий класс приобретал влияние в обществе через владение ключевым ресурсом, который давал ему привилегии и позволял эксплуатировать остальных. Такой инструмент, или эксклюзивный, закрепленный правовыми нормами, ресурс и составлял суть общественного строя:

- рабовладение — сила;
- феодализм — земля;
- капитализм — капитал;
- информизм — информация.

Начнем с простых вещей: что является основным «орудием труда» чиновника? Правильно — документ. А документ — это информация. В любой момент, когда чиновник требует от вас какой-то документ, он осуществляет свою власть над вами. Любой документ, который вам нужен от чиновника, в свою очередь, также бесплатно и легко получен не будет. Чиновник, управляющей корпорацией, также «кормится» при помощи документов.

Кому надо «откатить», чтобы подписать договор? Кто «пилит» бюджет? Сколько стоит лицензия на производство алкоголя? А на самом деле, сколько надо заплатить? Сколько стоит разрешение о переводе офиса в нежилой фонд? А о переводе в жилой? А на самом деле, сколько платят? Мы все во власти документов и бумажек. От самого рождения и до самой смерти. Нельзя родиться без бумажки и нельзя без бумажки умереть.

Однако дело не только в бумажках. Бумажки — лишь иллюстрация. Власть над информацией дает еще и возможность манипулировать. Чиновнику не нравится чей-то бизнес. Его легко «убить» одним телефонным звонком. Чиновник — хозяин всех денег страны или корпорации. Он решает, строить ли мост через реку, открывать или закрывать завод, пускать или не пускать товары через границу. В его силах задушить любого капиталиста и в его силах возвысить любого.

Простое владение информацией, которая считается коммерческой тайной или частным делом человека, дает чиновнику огромные преимущества. Разумеется, в интересах правящего класса усиливать этот информационный контроль. Разумеется, правящий класс будет писать все больше и больше законов и распоряжений, направленных на такое усиление. Поводы могут быть любыми, однако их результат одинаков — в руках чиновников сосредотачивается все больше и больше информации.

Информация с «раздевающих» сканеров в аэропортах, с камер наблюдения, из баз данных клиентов дисконтных карт, транзакций по платежным картам... Правящий класс все больше и больше контролирует информацию. Это и СМИ, и интернет — даже слежение за спутниками на орбите осуществляется исключительно государственными структурами. При помощи информации управляют обществом.

В середине двадцатого века в СССР даже предпринимались попытки создать единую компьютеризированную информационную сеть. Эти попытки провалились, причём не только и не столько из-за технических проблем (в процессе создания ядерного оружия или освоения космоса решали и не такие проблемы), сколько из-за противодействия гражданских и военных чиновников, безошибочно почуявших перспективу оказаться без работы.

Почему в СССР не появился интернет

В пятидесятые-шестидесятые годы кибернетика была «модным трендом» — учёные с энтузиазмом исследовали доселе невиданные возможности для автоматизации учета и управления экономикой страны. Этому способствовал и сильно централизованный, стандартизированный, плановый характер советской экономики. Популярная пресса начала называть ЭВМ «машинами коммунизма», и даже ЦРУ забеспокоилось: был создан специальный отдел для изучения советской кибернетической угрозы. Этот отдел выпустил целый ряд секретных докладов, где отмечал, среди прочих стратегических угроз, намерение Советского Союза создать «единую информационную сеть». На основе докладов ЦРУ в октябре 1962 года ближайший советник президента Джона Кеннеди написал секретный

меморандум о том, что «советское решение сделать ставку на кибернетику» даст Советскому Союзу «огромное преимущество»^[37]:

«...к 1970 году СССР может иметь совершенно новую технологию производства, охватывающую целые предприятия и комплексы отраслей и управляемую замкнутым циклом обратной связи с использованием самообучающихся компьютеров».

В декабре 1957 года Академия наук СССР предлагала создать в каждом экономическом районе вычислительный центр для решения задач планирования, статистики, технического проектирования и научных исследований.

Однако чиновники настороженно отнеслись к подобным инициативам — перспектива замены армии бюрократов сетью вычислительных центров просматривалась достаточно чётко.

В октябре 1962 года директор киевского Института кибернетики Виктор Глушков опубликовал в «Правде» статью, в которой предостерегал: без радикальной реорганизации планирования экономики к 1980 году планированием придется занять «все взрослое население Советского Союза». Глушков предложил создать «единую государственную автоматическую систему по переработке плано-экономической информации и управлению экономикой» на основе сети вычислительных центров.

Единая государственная сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ) должна была состоять из шести тысяч низовых центров сбора и первичной обработки информации, пятидесяти опорных центров в крупных городах и одного головного вычислительного центра в Москве.

Сеть должна была обеспечить «полную автоматизацию процесса сбора, передачи и обработки первичных данных».

Авторы проекта надеялись с помощью компьютеров полностью устранить повсеместно распространенную практику подтасовки данных, передаваемых «наверх»: «Только такая организация системы информации способна обеспечить все органы планирования и управления точной и полной информацией как бы из первых рук, минуя всякие промежуточные этапы, устраняет возможность утечки и искажения информации». Заранее предчувствуя сопротивление бюрократического аппарата новой системе, авторы проекта постарались закрыть все возможные лазейки для обхода автоматизированного процесса сбора данных. Проект предусматривал, что «циркуляция экономической информации вне ЕГСВЦ не допускается».

Глушков исходил из того, что новая автоматизированная система управления будет контролировать все производство, выплату зарплат и розничную торговлю, и потому предложил исключить из обращения бумажные деньги и полностью перейти на электронные платежи: «[Подобная система сможет] если не полностью закрыть дорогу, то, во всяком случае, сильно ограничить такие явления как воровство, взяточничество, спекуляцию».

Но предложение Глушкова об упразднении бумажных денег так и не получило одобрения партийных властей. Глушков стремился создать всеобъемлющую систему, которая бы определяла, регулировала и целиком контролировала процесс управления советской экономикой. По сути, он предлагал трансформировать всю советскую бюрократическую пирамиду: «...необходимо подробно проектировать рабочий день и рабочую неделю каждого должностного лица, создавать подробные классификаторы обязанностей, документов, четко (во времени и лицах) определять порядок их рассмотрения и т.д.». План ЕГСВЦ также предусматривал, что примерно один миллион работников сферы учета, планирования и управления будут «высвобождены» и смогут «перейти в сферу непосредственного

производства». Эти радикальные предложения встретили ожесточенное сопротивление советского управленческого аппарата.

В конце концов, план ЕГСВЦ был фактически похоронен, а вместо него возникло множество ведомственных автоматизированных систем управления. Чиновники отраслевых министерств пришли к выводу, что из компьютеризации можно извлечь пользу, не теряя ни крупницы своей власти. Каждое министерство построило собственный вычислительный центр и начало создавать автоматизированную систему управления (АСУ) для своих внутренних потребностей. С 1971-го по 1975 год количество таких систем увеличилось почти в семь раз. Отраслевые АСУ зачастую использовали несовместимые аппаратные средства и программное обеспечение и не были связаны никакой межведомственной компьютерной сетью. Создавая специализированные АСУ, отраслевые министерства закладывали техническую основу для укрепления централизованного контроля над подчиненными им промышленными предприятиями. При такой организации дела министерствам уже не надо было делиться своей управленческой информацией — иными словами, властью — с какими-либо конкурирующими ведомствами.

По материалам: Gerovitch, S. "InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network" *History and Technology* 24 (2008): 335-50^[37].

Тем временем в США делала первые шаги военная сеть ARPANET^[38]. У советских военных тоже было что-то подобное, но как это было принято в СССР, абсолютно секретное и закрытое. Министерство обороны США было гораздо более открыто и, в конце концов, на базе ARPANET возник Internet^[39]. А остатки советской единой информационной системы были окончательно похоронены с развалом СССР.

Впрочем, похоронено было не всё. Силловые ведомства знают цену информации. В странах бывшего СССР, как и в любой другой достаточно развитой стране, у спецслужб есть системы, куда стекается вся информация о людях — их номера телефонов и история звонков, реквизиты аккаунтов в интернете, номера документов, даты пересечения границ, имущественные сделки, банковские счета. Доступ к таким системам имеют силовики и правящая верхушка.

В США существовал проект «Эшелон»^[40], который вылился сейчас в нечто более серьезное и на другом уровне. При помощи системы сбора информации и теории игр США уже сейчас умеют, в определённых пределах, предсказывать^[41] результаты дипломатических переговоров до их начала и вести переговоры так, чтобы добиться нужного для себя результата.

Понятие приватности сегодня, как никогда, выглядит лицемерно односторонним^[42]. И власть будет заботиться о приватности именно для того, чтобы не терять контроль над информацией^[43-48]. Оруэлл писал^[49] про «Большого Брата»? Вот он, приятно познакомиться. Под интересным углом теперь можно рассматривать известные нобелевские работы Джорджа Акерлофа, Кеннета Эрроу, Майкла Спенса, Миррлиса и Викри, показавших, что в основе любого бизнеса лежит неравномерное распределение информации, и в любой сделке выигрывает тот, кто знает больше.

С точки зрения общественного устройства нас интересует асимметрия распределения информации во взаимоотношениях более осведомленного или даже монополизировавшего^[8] право на информацию наемного менеджера (чиновника), оказывающего услуги управления менее осведомленному или даже лишённому

фундаментального права на знание^[50] собственнику имущества (фондов, собранных налогов).

Асимметричность информации в микроэкономике (англ. asymmetric(al) information, в русской литературе также называется несовершенной или неполной информацией) — это неравномерное распределение информации о товаре между сторонами сделки. Обычно продавец знает о товаре больше, чем покупатель, хотя бывает и обратная ситуация. То есть, грубо говоря, вас обманывают в момент покупки.

Впервые это свойство было отмечено Кеннетом Эрроу в статье 1963 года, озаглавленной «Неопределённость и экономика благосостояния в здравоохранении»^[51].

Джордж Акерлоф в своей работе^[52] в 1970 году построил математическую модель рынка с несовершенной информацией. Он отметил, что на таком рынке средняя цена товара имеет тенденцию снижаться, даже для товаров с идеальным качеством. Возможно даже, что рынок коллапсирует до исчезновения.

Из-за несовершенства информации нечестные продавцы могут предложить менее качественный (более дешёвый в изготовлении) товар, обманывая покупателя. В результате многие покупатели, зная о низком среднем качестве, будут избегать покупок или соглашаться покупать только за меньшую цену. Производители качественных товаров в ответ, чтобы отделиться в глазах потребителя от среднестатистического продавца и сохранить за собой рынок, могут заводить торговые марки, сертификацию товаров. Важная роль торговых марок в развитой рыночной экономике — служить признаком стабильного качества.

Потребители, оценивая качество продуктов, составляют репутацию рынков и продавцов. Появление интернета существенно облегчило процесс обмена информацией среди потребителей. Позволяя узнать непосредственно характеристики товара либо его репутацию, интернет снижает асимметричность информации.

Майкл Спенс предложил теорию сигнализирования^[53,54]. В ситуации асимметричности информации люди обозначают, к какому типу они принадлежат, тем самым уменьшая степень асимметричности. Изначально в качестве модели выбрана ситуация поиска работы. Наниматель заинтересован в наборе обученного/обучаемого персонала. Все соискатели, естественно, заявляют, что они отлично способны учиться. Но только сами соискатели обладают информацией о действительном положении вещей. Это и есть ситуация информационной асимметрии.

Майкл Спенс предположил, что окончание, к примеру, института, служит надёжным опознавательным сигналом — данная персона способна к обучению. Ведь окончить институт проще для того, кто способен учиться и, следовательно, подходит данному нанимателю. И наоборот, если человек не смог окончить институт, его способности к обучению весьма сомнительны.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Асимметричность_информации

Считающиеся в теории верными решения проблемы асимметричности информации, такие как обязательная сертификация продукции, лицензирование, содержание государственных надзорных органов по защите прав потребителей, не привели к ликвидации проблемы, а просто переместили ресурс асимметричности информации из рук капиталистов в руки чиновников, которые вместе с корпоративными бюрократами

сформировали существующий сейчас правящий класс — бюрократическую элиту, окончательно подтвердив, что капиталисты уже не правят миром, и существующий общественный строй капитализмом назвать крайне сложно^[12].

Новый правящий класс уже вошёл в силу. Интернет используется правительствами и корпорациями для обеспечения собственной монополии на информацию и вторжения в личную жизнь и приватность граждан^[40]. Покрытие городов сетью видеокамер наблюдения, используемой бюрократической элитой не только «в целях безопасности», но и в собственных оппортунистических целях — уже реальность. Доступом к базам данных, содержащим личную информацию, не обладает никто, кроме спецслужб — типичных представителей нетократии. Банки и корпорации охотятся за различного рода реестрами потенциальных клиентов, чтобы использовать их для маркетинга и андеррайтинга рисков. Однако, вместе с расцветом уже видны и признаки скорого конца информизма. Ярким, но не единственным примером отчаянной, ввиду ее очевидной уже проигрышности, борьбы правящего класса за информационные ресурсы является современная война с «пиратством»^[55].

Средства удержания контроля

Мораль и табу

При любом общественном строе правящий класс предпринимал меры для расширения влияния своего орудия эксплуатации, а также старался упрочить контроль над этим орудием:

- В рабовладельческом обществе вопрос привлечения новых рабов решался набегами на соседей;
- В феодальном обществе была эра великих географических открытий;
- При капитализме была промышленная революция и роботизация;
- При информизме — информатизация и компьютеризация.

Мы живем в информационном обществе, и информационные технологии — инструмент, нужный правящему классу. Никто бы не осаждал Трою, никто бы не посылал Колумба в Америку, никто бы не платил денег Томасу Эдисону, если бы это было не выгодно власти имущим. Информатизация современного общества — расширение сферы влияния правящего класса. Информатизация в нынешнем виде — процесс односторонний. Государство и корпорации знают о нас всё больше и больше. Мы же знаем о них очень мало. Более того, часто мы знаем друг о друге гораздо меньше, чем знают о каждом из нас спецслужбы или Facebook. Одно из главных препятствий к такому знанию для нас — понятие «тайны личной жизни» или приватности.

Представление о ценности личной информации, которая заставляет людей быть сторонниками защиты приватности и недопущения передачи личной информации соседям, поддерживается естественно, в силу общественного характера^[19] или искусственно, кем-то, кто монополизировал свое право на такую информацию. То есть подслушивать телефонные переговоры нельзя, но спецслужбам можно, вроде бы в целях обеспечения безопасности.

Перенос тех или иных вещей в разряд табу — наиболее удобное средство контроля общества, в том числе современного^[56]. Табуировать лучше всего наиболее базовые, жизненно необходимые вещи: еда, испражнения, секс^[57]. Дыхание табуировать сложнее,

как и сердцебиение, по понятным причинам. Хотя и в дыхании есть табу: например, неприлично зевать в обществе. А ряд религиозных культов и медитативных учений практикует регламентируемое, осознанное дыхание. Дыхание на счет или дыхание определенным образом. Право на знание — одно из фундаментальных прав человека. Настолько фундаментальных, что о нем не написано ни в одной конституции. Точно также, ввиду их очевидности, не пишут про права на отправление естественных надобностей. И это право также можно табуировать.

В основе табуирования раскрытия личной информации лежат рациональные мотивы. Ведь даже самый нелепый и архаичный ритуал или предрассудок всегда является отголоском когда-то функциональных моделей поведения. У каждого человека есть неотъемлемое право хранить секреты. Своя, неприкосновенная информационная территория, на которую нет входа чужакам. Где проходит граница этой территории? Ответ всегда субъективен. Это зависит и от профессии, и от положения в обществе, и от самого общества, и от характера человека. Когда территория приватности растет или уменьшается, где-то становится хуже, а где-то лучше. В крайних точках минусов явно больше, чем плюсов. Если территория равна нулю — человек гол и незащищен как лабораторная крыса в пронумерованной клетке. Если покрыть тайной абсолютно всё — человек бесконечно одинок и почти все блага современной цивилизации ему недоступны. Где-то между этими полюсами есть оптимум. Наиболее выгодная с точки зрения комфорта и безопасности точка.

Зачем мы защищаем свою территорию? Что заставляет нас чувствовать дискомфорт, когда наши тайны раскрываются? Мы боимся, что другие причинят нам ущерб, зная наши секреты. Украдут, засмеют, ударят туда, где больнее всего. Если нет возможности причинить ущерб — нет смысла хранить тайну. Если ты живешь в государстве с низким уровнем преступности и коррупции и простыми умеренными налогами, то нет смысла тратить усилия на сокрытие своих доходов. Если ты живешь среди людей, которым наплевать на твои религиозные убеждения или сексуальные предпочтения, то тебе нет смысла «для вида» ходить (или не ходить) в церковь и старательно демонстрировать «высокую мораль». Если в твоей стране результаты всех выборов не известны заранее, и журналисты, публикующие злобные пасквилы и придирчивые расследования о президентах и министрах, все как один живы, здоровы и гуляют на свободе, то тебе нет смысла скрывать своё невысокое мнение об интеллекте и нравственности нынешнего правительства.

Итак, приватность не имеет никакой ценности сама по себе. Она важна только при неблагоприятных внешних условиях. В тропических странах люди обходятся почти совсем без одежды. Ближе к полюсам — кутаются в несколько слоёв. Заметьте! Одежда — самый простой и очевидный, но при этом самый неудобный и бесперспективный способ борьбы с холодом. Она мешает, местами давит и стесняет движения. Но как еще можно перестать страдать от холода? Можно уехать в теплые края, то есть сбежать от плохих условий. Однако это далеко не всегда возможно и приемлемо. Можно построить теплый дом, то есть частично изменить условия. Можно начать закаляться и избавиться от части одежды, то есть изменить свою реакцию на внешние условия. Все эти три способа требуют гораздо больших усилий вначале, и сопряжены с риском, зато дают куда более устойчивое и удобное решение.

Полностью отказаться от «одежды» невозможно. Но не стоит забывать, что все это в каком-то смысле экстренная, временная мера, что гораздо большую безопасность и комфорт в будущем можно обеспечить, только влияя на сам источник угрозы, либо делая себя невосприимчивым к угрозе без всякой дополнительной защиты.

Вместо того чтобы прятаться самим, лучше добиваться того, чтобы государства и корпорации имели меньше секретов от нас. Хотите иметь на нас полное досье? Пожалуйста, только не надо скрывать и свою деятельность. Даже сейчас необходимость публично отчитываться, фиксировать и предоставлять гражданам и акционерам информацию о своей работе сильно связывает руки недобросовестным «слугам народа». Если у них становится больше информации о нас, то и мы должны иметь больше информации о них, чтобы быть уверенными, что никто не злоупотребляет знанием наших секретов. Это справедливый обмен, тогда как соблюдение приватности — нет. Кому из нас выгоднее охранять свои секреты — среднестатистическому гражданину, который в детстве пару раз стырил деньги из кармана родителей, в молодости участвовал в паре пьяных драк без особых последствий, а в зрелые годы несколько раз изменил жене со случайными знакомыми, которых через год забыл, как звали, или одуревшему от халявы и безнаказанности политикану, который разворовал бюджет на несколько миллиардов, «заказал» пару конкурентов в лихие 90-е и содержит целый гарем любовниц?

Это рациональный подход к проблеме тайны личной жизни. Однако традиционная мораль относится к приватности гораздо жёстче. «Нельзя, потому, что нельзя никогда!» Табуирование — легчайший путь морального порабощения. Система табу — наиболее эффективный способ держать массы в повиновении. При помощи табу можно заставить человека ежесекундно рефлексировать на тему «а правильно ли я делаю?», удерживая постоянно в голове мысли об источнике табу. Нет религии, которая бы не имела табу. Нет политического строя, который бы не имел необоснованных и нелогичных запретов и предписаний. Чем виртуознее табуирование, тем четче управление.

Табу — социально-культурный запрет на какие-либо действия. Основанием для табу могут служить религиозные верования, традиции, мораль. Нарушение табу вызывает резко негативную реакцию членов общества — страх, гнев или отвращение. Слово «табу» происходит от тонганского «тари» — запретный, священный. Сложные системы табу были характерны для плёмен Полинезии и регулировали практически все стороны жизни полинезийцев. В той или иной мере табу существуют во всех культурах и религиях мира. Табу могут быть связаны практически с любыми сферами жизни человека: сексом, смертью, пищей, демонстрацией определённых частей тела, произнесением определённых слов, приёмом психоактивных веществ, дефекацией, мочеиспусканием, другими физиологическими функциями.

Не существует универсальных, общечеловеческих табу, однако некоторые из них (запрет на каннибализм, преднамеренное убийство, инцест) встречаются практически повсеместно. Табу могут выполнять различные функции, но часто бывает, что табу очень долго остаётся в силе после того как исчезла реальная причина, породившая запрет. Табу часто распространяется и на обсуждение табуированных действий. Вместо полного запрета часто происходит замещение «неприличных» слов эвфемизмами.

<http://en.wikipedia.org/wiki/Taboo>

Понятие приватности возникло, в том числе и в ответ на засилье разнообразных табу как «отдушина», способ хоть немного расслабиться и побыть самим собой. Но, по мере ослабления табуирования многих сфер жизни, сама приватность превратилась в табу. Табу такого же рода как запрет ходить голым на людях. Мы считаем, что общество может существовать в условиях не централизованного, а общественного контроля над информацией, в том числе личной, государственной и корпоративной, постепенно освобождаясь от табу на знания и нарушение приватности.

Безопасность, секретность и копирайт

Если между свободой и безопасностью народ выбирает безопасность, в конечном итоге он теряет и то, и другое.

Бенджамин Франклин

Другой распространённый предлог для блокирования доступа к информации, который используют чиновники — безопасность. Именно ради «безопасности» правящий класс имеет право на монопольное владение личной информацией граждан.

Ради «безопасности» идет «борьба с терроризмом». Ради неё же огромные суммы бюджетных (то есть наших с вами) денег уходят на секретные и сверхсекретные (от нас с вами) нужды государства. «Безопасность» стала отличным предлогом для введения цензуры и ограничения прав и свобод, для увеличения финансирования спецслужб и расширения их полномочий. Это очень выгодно при обсуждении тем, угрожающих авторитету спецслужб и государства — так, указание на очевидную беспомощность^[58] запретительной системы в борьбе с наркомафией легко можно превратить в «пропаганду употребления наркотиков», а уж «экстремизмом» можно обозвать почти всё что угодно.

При помощи рассуждений о «безопасности», чиновники преувеличивают свою контролирующую роль, рассказывая всем, что без их надзора предприниматели стали бы добавлять синильную кислоту в печенье, чтобы придавать ему миндальный вкус. Хотя те же чиновники умеют смотреть сквозь пальцы, когда продукты пичкают различными добавками или когда содержимое продукта вообще не отвечает его названию. Главное, чтобы по бумажкам всё было в порядке. Чиновники фактически утверждают, что каждый предприниматель — потенциальный преступник без морали и совести, и готов убивать людей, чтобы получить лишнюю копейку, а на самом деле часто в роли преступника оказывается сам чиновник, за взятку позволяющий обходить любые запреты, в том числе и вполне разумные.

Власть делает все ради безопасности. Вопрос только в том, ради чьей безопасности? Когда мы хотим позаботиться о безопасности в нашем доме, то мы делаем что угодно, но только не обеспечиваем конфиденциальность личной информации. Мы делаем общие коридоры с соседями, и соседи узнают о нас больше. Мы сажаем в подъезд консьержа и теряем возможность незаметно приводить в дом любовника или любовницу. Мы представляемся людям, чье доверие нам необходимо. Мы раскрываемся. И любое такое раскрытие — сужение своей собственной личной сферы.

Идеально безопасная община — та, в которой стены прозрачны, люди на виду, и каждый о каждом все знает. Но близкие к такому состоянию общины, как правило, плохо управляемы бюрократическим аппаратом. Вспомните коллективизацию и раскулачивание 1920-х годов. Люди в деревнях жили именно с «прозрачными стенами» и было невозможно надежно монополизировать информационный поток этих людей в свою пользу.

Мясные цеха супермаркетов в буквальном смысле снабжают прозрачными стенами, чтобы было видно, из чего сделаны котлеты. Неужели это так трудно, организовать такой же общественный контроль любого производства? Хотя бы в виде экскурсий для школьников.

С одной стороны, правящий класс поддерживает мысль, что рецептура печенья и технология его производства — коммерческая тайна, а с другой, именно по этой причине,

и как бы в интересах населения, постоянно сидит на шее у предпринимателя, требуя уплаты денег за лицензии, «проверки», да и просто вымогая взятки или «содействие». Но разве кондитеры-конкуренты и так не знают, принципиально из чего и как можно сделать печенье? Или у нас отменили хроматографию и масс-спектрометрию, позволяющую осуществить реверс-инжиниринг вообще любого произведенного товара? Или это так трудно — банально «купить» того самого чиновника, который в курсе этой рецептуры?

Вот именно потому, что за информацией проще обратиться к чиновнику, и заплатить ему, чем покупать хроматограф, такая система «сертификации» и существует. Правящий класс удерживает свою власть над информацией путем манипулирования законами и моралью, путем монополизации своего права на информацию о конкретных людях и процессах.

Существующая система защиты интеллектуальной собственности тоже давно не адекватна потребностям общества. Изначально придуманные для защиты от недобросовестной конкуренции законы об авторском праве или патентах теперь направлены против всех нас. Ведь благодаря интернету и компьютерам каждый из нас может практически бесплатно делать то, что раньше было доступно лишь корпорациям. Мы сами можем тиражировать любую информацию в любом количестве экземпляров — теперь мы их конкуренты. Единственное разумное решение — договариваться непосредственно с авторами и платить в их карман, без посредников в лице издателей, подмявших под себя рынок целиком. Но оно не устраивает медиакорпорации. Именно поэтому появление магазинов электронного контента, где роль издателя гораздо меньше, чем раньше, таких как iTunes или AppStore, с ценами на порядок ниже, чем в обычных, стало возможным лишь недавно, когда стало понятно, что файлообмен задавить практически невозможно. А ведь создать что-то вроде iTunes технически было возможно ещё лет десять назад, во времена Napster. И до сих пор крупные пиратские трекеры превосходят в удобстве использования и ассортименте любой легальный магазин, связанный по рукам и ногам системой авторского права, в рамках которой он вынужден работать.

Патенты тоже всё чаще играют роль тормоза прогресса, а не его двигателя. «Патентные тролли» — физические или юридические лица, специализирующиеся на предъявлении патентных исков, но не ведущие собственной производственной деятельности, фактически занимаются вымогательством и шантажом, используя дыры в законодательстве. Юридическая защита от «троллей» — существенная составляющая издержек любой высокотехнологичной компании.

Патентная защита также увеличивает порог входа на рынок для новых компаний, желающих использовать высокие технологии и современные изобретения. Казалось бы, что тут плохого — это вполне справедливо, надо дать возможность автору и изобретателю первыми «снять пенки». Но сейчас как никогда легко начать мелкосерийное производство чего угодно. Идёт викификация экономики. Как и в случае с пиратством, практически каждый из нас скоро окажется в положении «недобросовестного» конкурента. И тогда эта «недобросовестность» потеряет всякий смысл.

Раньше лишь очень незначительная часть общества могла извлекать выгоду из неограниченного тиражирования или иного использования чужой интеллектуальной собственности и это было невыгодно для общества в целом, так как автор не мог получить должное вознаграждение, а потребители всё равно были вынуждены платить пирату. Но

суммарное общественное благо от резкого снижения цены на интеллектуальную собственность и практически свободного распространения любой информации часто превышает потерю сверхприбылей правообладателями, являющимися, по определению, монополистами при существующей схеме. В конце концов, ведь и каждый автор сам является потребителем. Он заинтересован в том, чтобы максимально свободно использовать в своей работе всё, что создано другими. Сколько интересных книг не было экранизировано из-за того, что даже не сам автор, а какие-то его наследники, которые, может быть, при жизни кровь из него пили, оказались чуть более жадными, чем было необходимо? Сколько усилий приходится прилагать, чтобы использовать в производном произведении защищённые копирайтами «исходники»? Не случайно научные открытия не являются объектом патентования и авторского права. В отличие от объектов шоу-бизнеса или конкретных технических новинок, они носят слишком общий характер и лежат в основе самой цивилизации. Ограничения на их использование слишком сильно тормозили бы прогресс и обходились бы обществу неоправданно дорого.

Реклама и пропаганда

Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм.

Йозеф Геббельс

Как и предыдущие способы удержания контроля, ни реклама, ни пропаганда не являются специально созданными инструментами для угнетения и подчинения. В своё время они сыграли (и продолжают играть, например, пропаганда здорового образа жизни) большую положительную роль. Однако нет такой вещи, которую нельзя было бы использовать не по назначению.

Реклама играет огромную роль для поддержания асимметрии информации на рынке. Да и сама современная реклама — продукт подобной асимметрии. Когда-то рекламные объявления были просты и незамысловаты. Единственным недорогим массовым носителем было черно-белое объявление на бумаге небольшого формата. Рекламное объявление обычно составлял сам хозяин бизнеса, просто перечисляя особенности и преимущества своего товара или наивно и незатейливо хвастаясь («Лучшие в Солнечной Системе пончики с кремом только у нас! 200% качества!»). Сейчас реклама широко использует цвет, звук и движение, а самое главное — создатели рекламы опираются на огромный пласт психологических знаний, техник и уловок, накопленный за последнюю сотню лет. Они знают о нас, о том, как работает наш мозг, о наших чувствах и эмоциях гораздо больше, чем мы сами. Именно поэтому нам продают не дезодорант, а чувство уверенности в себе, не автомобиль, а образ крутого мачо, не лежалый товар с истекающим сроком годности, а «уникальную возможность сэкономить». Реальной информации о свойствах товара, позволяющей осознанно выбрать лучший вариант, в таких объявлениях — ноль. Это всего лишь особым образом модулированный информационный шум для манипуляции атавистическими структурами нашего подсознания^[59].

Пропаганда^[60] уже давно считается оружием массового поражения. Термин «информационная война» используется вполне официально. Для всех диктаторских режимов прошедшего столетия пропаганда была одной из важнейших опор^[61]. Да и демократические государства ею не гнушаются. Чего стоит только истерика вокруг терроризма? Ведь угрозы терроризма на самом деле практически не существует. Это фантом, иллюзия, тщательно подогреваемая силовыми ведомствами.

С 1970 по 2003 год (то есть включая 11 сентября 2001) в США средний уровень смертности в результате террористических актов составил 1/3.500.000. Это всего лишь вдвое выше, чем смертность от ударов молнии. Это в 4 раза меньше вероятности утонуть, принимая ванну. Это в 500 раз меньше вероятности погибнуть в ДТП. И это в 7000 раз меньше шансов умереть от рака. В бюджете США на 2012 год на борьбу с терроризмом отдельной статьёй заложено 2.7 миллиарда долларов. Если бы расходы государства распределялись пропорционально реальной опасности, то на борьбу с раком нужно было бы выделять денег в 7000 больше, чем на борьбу с терроризмом. Итого вышло бы $7000 * 2.700.000.000 = 18.900.000.000.000$. Восемнадцать триллионов девятьсот миллиардов! Это не только в 23.8 раза больше бюджета США на здравоохранение, но и в пять с половиной раз больше бюджета на 2012 год в целом[62,63].

По материалам: Mueller, John. "Hardly Existential: Terrorism as A Hazard to Human Life"^[63]

Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось серией «бархатных революций» в арабских странах. Может быть, причина арабских переворотов в том, что все страны, в которых происходят бурные события, столкнулись с кризисом информационного противотока? Все они строили модель общественного устройства, служащую интересам правящего класса. А подчиненное положение остального общества достигалось с помощью машины массовой пропаганды, которую любой, кто бывал в этих странах, легко мог наблюдать, например, в виде портретов вождей на каждом углу. А те, кто знали язык и могли понять, о чём идёт речь в телепередачах, вообще мало отличали то, что там показывают, от сюжетов советского телевидения времен расцвета застоя.

Пропаганда существовала всегда. Еще Платон, обсуждая устройство идеального государства, предполагал фильтровать мифологию в воспитательных целях^[64]. Однако именно в начале XX века в Европе пропаганда, вооруженная возникшими к этому времени средствами массовой информации, оказалась тем самым «абсолютным оружием», против которого у общества не было инструментов и способов противостояния. Каждый со всех сторон слышал некие слова и думал, что все остальные с ними согласны, хотя это была одна и та же трансляция, но в разных репродукторах. Элита сбивала общество в толпу единомышленников, готовых лишиться чего-то личного сейчас ради идеи или светлого будущего. В формуле «хлеба и зрелищ» стало возможным давать меньше хлеба за счет качества зрелищ.

Любой бунт на местах быстро пресекался и не распространялся именно потому, что власть очень быстро и качественно блокировала информационные утечки и «правильно» преподносила события остальному населению. Ленинская тактика «почта, телеграф, телефон» — не просто слова, а гениальная идея контроля общественного сознания. Общество не имело иммунитета к пропаганде.

Большая война устроила западному обществу серьезную прививку от неё. Люди научились выделять её, оценивать и понимать истинные мотивы пропагандистов. Возможно, сработал естественный отбор, и выжили те, кого не до конца прозомбировавшие и кто все-таки решил, что семья и дети важнее призрачных идеалов.

Не повезло победителям. В частности — СССР и США. В этих странах пропаганда была все еще очень сильным орудием контроля общества. Иммунитет США, в конце концов, справился — в 50-е журналисты «похоронили» сенатора Маккарти, в 60-е Мартин Лютер Кинг нанес сокрушительный удар по расизму, а хиппи — по Вьетнамской войне и

пуританской морали. Несмотря на это, пропаганда в США всё ещё остаётся относительно действенным инструментом контроля масс. Но пропагандистский штамп «цитадели демократии», который до сих пор эксплуатируется политиками, заставляет их хоть немного соответствовать образу. Ричард Никсон очень хорошо прочувствовал это на своей шкуре, когда его карьера окончилась скандальной отставкой. В СССР гражданского общества не было вообще. Партия владела информационным пространством единолично. Но Афганистан, Чернобыль, реформы Павлова, ГКЧП, гласность, «вражеские голоса», все более заметная сквозь прорехи в «железном занавесе» разница в экономическом развитии — этого было слишком много, чтобы пропагандистская машина могла эффективно парировать протест снизу, не прибегая к расстрелам^[65].

Информационный поток, создаваемый пропагандой, держит мысли общества в одном направлении. Источник бед ищется где угодно, но не в собственной власти. А цели, которые навязываются людям в качестве приоритетных, могут вести куда угодно, но не к повышению благосостояния своей семьи. И если даже есть какие-то «разговоры на кухне», они остаются тайной и не приводят к объединению людей вокруг альтернативной идеи лишь потому, что те, кто «беседует на кухне» верят в то, что таких же как они инакомыслящих — меньшинство. Получается, что устойчивость общества зависит от стабильности информационного потока. И, если в обществе образуется информационный противоток, связанный с различной оценкой властью и людьми неких событий, то устойчивость общества падает. Чем коррумпированнее и неэффективнее государственный аппарат, тем больше несоответствий между реальной жизнью и пропагандистскими миражами и тем меньший противоток нужен для его падения.

Если взглянуть на проблему устойчивости общества как на проблему устойчивости информационного «ветра» или потока, то в ситуации на Ближнем Востоке все станет ясно. Безыдейная коррумпированная бюрократия не смогла справиться с вызовом XXI века — интернетом с его плоской поверхностью, на которой всё как на ладони, и каждый легко найдет себе единомышленника, и не будет считать себя изгоем, и оттого будет высказываться еще громче. Любое событие, которое раньше пропаганда могла скрыть или «правильно» исказить, теперь доступно из уст в уста. Нисходящий пропагандистский поток не справляется с восходящим. Общество бурлит и закипает.

Арабские «бархатные революции» вспыхнули без участия ярких лидеров и вождей. Не было ни Ленина, ни Робеспьера, ни Ганди. И это характерный признак современных массовых протестных действий. Так, лидеры российской оппозиции явно были удивлены масштабом митингов после думских выборов 2011 года не меньше Путина. Все произошло практически спонтанно, но при этом очень организованно. Помог интернет.

Конечно, не интернет стал причиной массовых протестов. В арабских странах был резкий скачок цен на продовольствие на фоне резко возросшей доли молодёжи из-за демографического взрыва, в России — «бунт сытых» против фальсификации выборов. Но интернет синхронизировал и согласовал разрозненные и неопределённые протестные настроения. Восстания на Ближнем Востоке вспыхнули почти одновременно, а в возможность сколько-нибудь многолюдных митингов в России не верил почти никто вплоть до их начала.

Интернет не похож на существовавшие ранее средства массовой информации, на деле часто становившиеся средствами массовой пропаганды. Любой, кто пытался заниматься интернет-маркетингом, знает, что толпа пользователей социальных сетей управляема не больше, чем морская волна. Да, можно использовать её энергию. Но направить по своей

воле — нельзя. Интернет и социальные сети начинают играть, в первую очередь, роль гомогенизатора мнения. Интернет позволяет всем знать одни и те же факты, участвовать в одних и тех же дискуссиях и приходиться к одному и тому же мнению. И если мнение у всех одинаково, то и для мобилизации людей на массовые согласованные действия уже не нужно прикладывать особых усилий.

До сих пор все успешные политические проекты в Украине, РФ и Беларуси использовали «безинтернетный» электорат для своей политической победы. Так, ни Виктору Ющенко, ни Юлии Тимошенко не удалось надолго «оседлать» стихийно собравшуюся и продержавшуюся несколько недель толпу на Майдане в 2004-м году. Но толпе, имеющей общие для всех знания и факты, удалось добиться досрочных выборов. То, в чем политики из прошлого века видят «руку спецслужб», на самом деле является качественно другим явлением. Ющенко сотоварищи просто не поняли, что их привело к власти, и вместо того, чтобы удовлетворить нужды восходящего потока и раскрыться, они первым делом выстроили забор вокруг администрации Президента, который был видимой метафорой закрытости власти и ее опоры на старые пропагандистские приемы — возвеличивание Оранжевой революции и т.п. Лукашенко в Беларуси будет терять власть с каждым умершим пенсионером и с каждым бюджетником и пролетарием, ушедшим в Сеть. Путин — аналогично.

Закат информизма

Проблемы гиперцентрализации

Хаос всегда побеждает порядок, поскольку хаос лучше организован.

Терри Пратчетт

Рабовладельцы пополняли запасы рабов набегами на соседей и расширяли свои владения за счет их территорий. Но оказалось, что эффективнее не разорять покорённые земли, а собирать дань. Это дало земледельцам передышку и позволило накопить достаточно денег, чтобы нанять собственное войско и, в конце концов, превратиться в феодалов. Феодалы получали доход со своей земли и брали деньги в долг у протофинансистов, что позволило накопиться капиталу и лишит феодалов дарованных привилегий на землю. Землю стало возможным купить, а основные деньги заработать на производстве. Сами землевладельцы из хозяев положения превратились в снабженцев капиталистов. Капиталисты развивали промышленность и роботостроение, что привело к информатизации общества и оттеснению капиталистов на второй план, и капиталисты стали кормильцами для чиновников. Информисты (чиновники) развивают информатизацию общества, что, в конце концов, должно лишит их привилегий, которые они стремятся удержать.

Информация становится настолько важным ресурсом, что её распорядители и производители — учёные, компьютерщики, эксперты и специалисты — начинают играть в обществе большую роль, чем её владельцы — политики, чиновники и бизнесмены. Как сейчас выглядит процесс принятия решений на достаточно высоком уровне? Например, о постройке автомагистрали. Аналитики и эксперты собирают информацию, просчитывают варианты, строят модели и делают прогнозы. Итогом их работы являются несколько вариантов решения задачи, которые в упрощённом и сокращённом виде ложатся на стол начальства. Начальник, например министр транспорта, может не иметь практически никакого представления о строительстве дорог, зато часто он эксперт в другом — в политической возне, интригах, откатах и лжи, иначе он вряд ли смог бы занять это место. Он утверждает тот из предложенных вариантов, который лучше учитывает его интерес. Реализовывать проект тоже предстоит не ему — на то есть инженеры и менеджеры более низкого уровня.

Если учесть, что предложенные ему варианты более-менее равноценны (а иначе и быть не может — если эксперты знают своё дело, они не пропустят проект, далёкий от оптимального), то оказывается, что если просто бросить монетку, результат не будет намного хуже. А может и лучше — коррумпированный чиновник скорее выберет тот проект, где больше простор для распила, а не тот, который лучше. Тогда как с монеткой — шансы пятьдесят на пятьдесят. Причём это мы нарисовали идеальный вариант — обычно коррумпированный министр не пускает дела на самотёк и тщательно следит, чтобы ещё

на этапе составления проектов и прогнозов были заложены удобные дыры и созданы все условия для его семейного «бизнеса». Конечно, бывают и честные, и толковые министры, но даже они при всём желании просто не смогут вникнуть в технические и экономические детали каждого проекта и принять обоснованное решение. И, понимая это, они полагаются на подчинённых, предпочитая контролировать результат, а не процесс. А сами сосредотачиваются на том, чтобы подобрать нужных людей на нужные места и дать им возможность спокойно работать, не заглядывая в рот начальству.

Гиперцентрализация — это атавизм, привет из дикого прошлого, когда доминирующий самец в стаде не мог позволить себе допустить, чтобы что-либо происходило без его ведома. Любая попытка подчиненного принять независимое решение грозила вождю потерей власти. Единоличное правление хорошо подходило малочисленному коллективу обезьян, но оказалось громоздким и неуклюжим, когда обезьяны превратились в людей и смогли объединиться в более крупные структуры. Тем не менее, ни природа, с её жесткой генетической программой, практически неизменной последние сорок тысяч лет, ни примитивные технологии и знания прошлого ничего другого предложить не могли.

Впрочем, у природы было решение. Кроме сообществ животных, обладающих индивидуальностью, способных узнавать друг друга и строить регулируемые агрессией иерархические структуры, существовали ещё и анонимные, обезличенные сообщества, в которых особи не узнают друг друга и могут лишь отделять членов своего сообщества от чужаков — муравейники, стаи птиц, стада антилоп^[66]. Такие сообщества не требуют иерархии и агрессии. Они могут быть представлены большим числом особей, так как от членов группы не требуется запоминание индивидуальных различий. Каждый член такого сообщества должен быть полностью предсказуем для других членов. То есть остальные члены анонимного сообщества должны доверять ему как самому себе, а он должен соответственно себя вести. «Нормы поведения» в таких сообществах жёстко заданы инстинктами и рефлексам.

Сообщества такого типа образуют децентрализованную «сеть» довольно простых и глупых существ, которые, действуя совместно, эффективно и быстро принимают весьма сложные решения. Анонимная, с оговорками, колония крыс проявляет поведение, о котором некоторые биологи говорят как о «коллективном разуме». Стадо антилоп мгновенно реагирует на замеченного одной из них льва. Муравьи и пчелы владеют такими технологиями, которые не снились ни одному слону или дельфину^[67]. И это при том, что у каждого отдельного муравья или пчелы практически нет мозгов.

Муравьи — один из самых успешных видов животных на Земле. Они распространены по всему миру, за исключением Антарктиды и некоторых удалённых островов, образуя от 10 до 25 % биомассы наземных животных, превосходя долю позвоночных.

Муравьи образуют семьи, размеры которых варьируют от нескольких десятков особей до высокоорганизованных колоний, состоящих из миллионов особей и занимающих большие территории. Крупные семьи состоят в основном из бесплодных бескрылых самок, формирующих касты рабочих и солдат или другие специализированные группы. Почти во всех семьях есть самцы и одна или несколько репродуктивных самок, называемых царицами или королевами.

Сложная система коммуникации и координации действий относительно примитивных насекомых позволила им достичь высот, недоступных никакому другому виду на Земле за исключением людей. Многим видам муравьёв известно животноводство и земледелие — они

разводят тлей, выращивают грибы. В лесах Амазонки существуют так называемые «Сады дьявола» — участки, на которых растёт только один вид деревьев — *Duroia hirsuta*. Рабочие муравьи вида *Murmelachista schumannii* («лимонные муравьи») убивают зелёные ростки иных видов, впрыскивая в их листья муравьиную кислоту как гербицид. Таким способом муравьи дают своим любимым деревьям свободно разрастаться без конкуренции. Наибольший из известных «Садов дьявола», насчитывающий 328 деревьев, имеет возраст около 800 лет.

Муравьи могут не только строить муравейники выше человеческого роста, уходящие под землю на несколько метров (что в масштабе превышает самые грандиозные сооружения, созданные человеком), но и объединяться в суперколонии, состоящие из нескольких гнёзд, рабочие муравьи которых свободно перемещаются между ними. Одна из крупнейших суперколоний на острове Хоккайдо в Японии включает примерно 306 миллионов рабочих муравьёв и один миллион маток, которые живут в 45 000 гнёзд на площади 2.7 км².

Слово «царица», часто применяемое для обозначения муравьиной матки, подразумевает, что она является центром муравьиной семьи, однако в действительности им являются рабочие муравьи. Чем больше в муравейнике самок, тем «непочтительнее» отношение к ним рабочих. Рабочие муравьи переселяют самок из одной части гнезда в другую, передают на обмен в другие гнёзда, убивают тех, чья плодовитость стала слишком низкой. Рабочие контролируют и воспроизводство особей в семье: уничтожают лишних личинок или изменяют режим их кормления для изменения соотношения численности каст в семье. «Царицы» — всего лишь общий ресурс муравьиной семьи, наподобие стада коров в деревне.

Муравьи действуют согласованно и последовательно не за счет единого центра, а за счет «роевого интеллекта» — коллективного поведения децентрализованной самоорганизующейся системы.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Муравьи>

Наиболее умные и сообразительные существа — приматы, львы, слоны, дельфины, волки — естественно, обладают более выраженными индивидуальными различиями и потому обычно живут небольшими группами особей, способных узнавать друг друга^[2]. Отношения внутри групп, которые образуют эти животные, выстраиваются на репутационной основе. Например, доминирующего самца не будут задирать остальные самцы именно потому, что он имеет соответствующую репутацию, а на крик «тут есть еда» отреагируют активнее, если он издается особью, имеющую репутацию хорошего добытчика.

В крупном человеческом обществе индивидуальные репутационные связи перестают работать ввиду большого числа особей внутри группы и, соответственно, большого числа незнакомцев, которые постоянно окружают людей.

С момента появления первых крупных человеческих сообществ эта проблема решалась путём подмены индивидуального узнавания групповым, основанным на культурных стереотипах — по признаку языка, религии, традиций или путём условного включения малознакомых индивидуумов в состав привычной биологической иерархии. Таким образом, люди могли взаимодействовать в составе очень больших групп, просто подгоняя каждого конкретного незнакомца под ограниченное количество шаблонов или ролей и присваивая ему стандартную для этих ролей репутационную оценку.

Естественно, в качестве таких ролевых шаблонов люди стали использовать устоявшуюся иерархическую схему взаимоотношений в родовой общине. Так вожди и

цари стали «отцами» своих народов, а, например, солдаты-однополчане — «братьями по оружию». Таким образом, люди не пошли по пути муравьёв, а просто научились масштабировать иерархию до очень больших размеров.

Есть интересная закономерность — и у муравьёв, и у пчел, и чуть ли не у единственного вида млекопитающих, умеющих строить масштабные инженерные сооружения — бобров, ведущую роль играют, как правило, самки^[68]. Видимо, присущая самцам общественных животных, состоящих в персонифицированных группах, агрессивность и склонность к доминированию, так ярко проявляющаяся на протяжении всей человеческой истории, не помогает, а скорее мешает коллективным действиям больших человеческих групп^[66]. Кроме того, в отсутствие управляющих инстинктов и прочных репутационных связей, мешает оппортунизм участников этих групп (то есть следование индивида своим интересам в ущерб интересам группы), когда появляется, так называемый «эффект безбилетника»^[20]. У общественных насекомых инстинктивный коллективизм заложен генетически, у нас — обычно распространяется на ближайших родственников или членов небольших групп^[17].

Эффект безбилетника

Когда люди могут получить благо независимо от того, заплатили они за него или нет, у них меньше стимулов платить. У них есть соблазн стать безбилетниками: людьми, которые пользуются выгодами, не оплачивая свою долю издержек, связанных с обеспечением этих выгод. Но если ни у кого нет стимула оплачивать издержки, ни у кого не будет стимула обеспечивать эти выгоды. В результате общественные блага не будут производиться, несмотря на то, что каждый оценивает их выше, чем издержки, связанные с их производством.

Действия людей определяются издержками, которые они ожидают понести, и выгодами, которые они ожидают получить в результате этих действий. Если выгоды, которые выпадают на долю индивида, будут абсолютно одинаковыми во всех отношениях вне зависимости от того, совершит он или нет какое-то определенное действие, и предпринимая его, он будет нести значительные издержки, он не совершит этого действия.

По материалам: Heune, Paul T. The Economic Way of Thinking^[69]

С ростом производительности труда, совершенствованием оружия и письменности, царства и империи становились всё более централизованными не потому, что это было разумно, а просто потому, что это было возможно. Царь или тиран, единолично управляющий империей большего размера, имел или думал, что имел больше дани, собираемой с провинций. На практике же расходы на сбор налогов, содержание аппарата, предназначенного для контроля территории и населения, содержания армии, нейтрализации конкурентов на престол, коррупцию и борьбу с ней уничтожали все преимущества больших империй для их правителей. Точно такую же видимость преимуществ от доминирования можно наблюдать даже в большом стаде павианов, в котором самки рожают детенышей, как правило, не от доминирующего самца, предотвращая тем самым инцест. Пока доминирующий самец с криками гоняется за середнячком, посмевающим ухаживать за его самкой, остальные середнячки успевают «сводить на свидание» других самок из гарема доминанта.

Любой, кто работал в госструктурах или достаточно больших частных компаниях, отлично знает, насколько неэффективна гиперцентрализация. Время реакции таких

структур на изменение внешних условий измеряется годами и десятилетиями. Рабочий день большинства менеджеров почти целиком занят борьбой с транзакционными издержками. Бюрократическая иерархия стремится к неограниченному росту и её интересы практически никак не связаны с интересами тех, кто (вроде бы) является хозяином этой структуры.

Централизация и ужесточение организационной структуры позволяли предоставить гарантию транзакций и уменьшить оппортунизм членов структуры^[70]. Вместе с тем иерархия требует для своего существования значительных издержек, которые превышают транзакционные издержки других типов организаций, и лишает организацию, а в данном случае, государство, гибкости при взаимодействии с окружающей средой.

Таким образом, у любой иерархической структуры существует предел эффективности, который определяется стоимостью поддержания иерархии и наличием и характером возмущений, с которыми эта структура имеет дело^[71]. Развитие информационных технологий – книгопечатания, а затем радио, телефона и СМИ – создавало иллюзию того, что иерархическая структура может расти до бесконечности.

Но централизация и объединение всей системы управления приводит к возрастанию взаимосвязанности всей системы. Воздействие, которое получает система, становится тем более значимым для всей системы в целом, чем лучше развиты в этой системе коммуникации^[72]. Эпидемия в одном конце империи быстро распространяется на всю территорию. Восстание в провинции влияет на все части страны, как минимум, отвлекая ресурсы на его подавление, а как максимум, воодушевляя остальные провинции благодаря развитой коммуникации. Неурожай в одном из регионов может привести к дефициту еды или даже голоду или голодному бунту во всей стране. То есть бесконечный рост иерархической структуры невозможен, даже если нет внешних воздействий и стоимость коммуникаций мала.

Древний Египет был огромным царством в отсутствие книгопечатания и развитой дорожной сети до тех пор, пока не столкнулся с необходимостью активного реагирования на внешнюю угрозу. Кроме того, Египет существовал вдоль единственной естественной инфраструктурной магистрали – Нила, и не мог расширить свои владения без развития инфраструктуры. В конце концов, он был завоеван сначала персами, затем, постоянно сотрясаемый восстаниями, Александром Македонским^[73] и, наконец, Римом^[74].

Сама Империя Македонского распалась сразу после смерти своего основателя, так как желаемая управленцами централизация не могла быть обеспечена инфраструктурой, существовавшей на территории империи. В конце концов, последней античной империей, которую мы знаем, был Рим. Если мы посмотрим на карту Древнего Рима, то увидим, что он как бы обнимает Средиземное море. Нам кажется странным такое расположение территории государства, однако в те времена море предлагало более быструю доставку информации и грузов, чем пеший или конный поход, тем более в отсутствие дорог.

Рим смог отступить от побережья и распространить свое влияние на континентальную Европу именно благодаря дорогам. И именно благодаря дорогам Рим столкнулся с варварами раньше, чем это произошло бы без них. Однако закостеневшая структура управления и самого государства не позволила оперативно реагировать на внешние угрозы, несмотря на теоретические возможности централизованной мобилизации ресурсов. Сама структура и центр потребляли все больше ресурсов, и на насущные нужды, например, армию, средств уже не хватало.

Из истории падения Рима

К III веку становились все более частыми и широкими восстания рабов и колонов, которые раньше были большой редкостью. От захватнических войн Рим начал переходить к оборонительным. Армия завоеваний и грабежа превратилась в регулярную армию пограничников.

Резко обострилась борьба за власть. И с 235-го по 284-й год сменилось 26 императоров, из которых только один умер естественной смертью. То есть в среднем в это время император правил 1,9 года. 238-й вообще известен как год шести императоров. Это время почти постоянной гражданской войны и анархии, получило название эпохи «солдатских императоров».

Римские императоры пытались купить лояльность своих солдат за счет увеличения заработной платы. Но, чтобы покрыть дополнительные расходы, они снижали содержание серебра в начеканенных динариях, усугубляя и без того сложную финансовую ситуацию в стране. Отец Каракаллы, Септимий Север уменьшил количество серебра в динарии до шестидесяти процентов, а сам Каракалла — до пятидесяти.

Кризис начал рушить торговые связи внутри государства, подрывая экономику, что усугубляло его как напрямую, так и посредством того, что государство получало меньше налогов и слабело в военном плане. Инфляция так же интенсивно была по торговле. Не обновлялись сети дорог, начался бандитизм.

В условиях циркуляции императоров стабильно мог закрепиться только человек, который бы создал такой административный строй, который заточен на угнетение всех и вся, чтобы никто не раскачивал лодку. Чтобы сама система препятствовала узурпации власти. К власти начали приходить энергичные, жесткие солдаты-императоры, которым было не наплевать на судьбу империи — так называемая иллирийская военная хунта. Они вернули армии былую мощь и эффективность, но были ориентированы только на потребности и интересы военных.

В начале римской истории войска в значительной мере сами себя обеспечивали экипировкой, а в конце — почти полностью финансировались государством. Солдаты раннереспубликанской армии были неоплачиваемыми. И финансовое бремя армии на тот период было минимальным. Во время расширения республики, а позже — ранней империи, римские войска выступали добытчиками. Однако, после того как Рим перестал расширяться, этот источник доходов иссяк. А к концу III века Рим «перестал побеждать». Армия стала бременем.

Большая часть денег с налогов и арендных выплат, получаемых имперским правительством, тратилась на военных: в 150-м году это составляло приблизительно 70–80% имперского бюджета. Представьте себе, что современное государство увеличило расходы по самой затратной статье бюджета на треть, не говоря уже о 50%. Увидите, как оно надорвется и обанкротится. Риму пришлось. Заставили войны с Сасанидами, германцами и другими варварами.

В столетие после смерти Августа, центральная администрация была стабильной, и расходы правительства покрывались растущим благосостоянием. После этого расходы правительства (зарплаты солдат и увеличение бюрократического аппарата вследствие увеличения числа провинций) резко возросли и начали превышать доходы. Имперская власть могла покрыть возросшие затраты только чеканкой и увеличением налогов. Обе стратегии были приведены в действие, и обе подрывали процветание и стабильность империи.

Всем известна фраза «Хлеба и зрелищ!». Её использовал один сатирик того времени для описания политики государственных деятелей, которые, подкупая плебс раздачами денег и продуктов, а также цирковыми представлениями, захватывали и удерживали власть в Риме. Практика субсидирования цен на продукты была введена «хлебным законом» ещё в 123-м году до н. э.

За 58 лет до рождения Христа, римский политик по имени Клодий, известный своим популизмом, был избран на государственную должность на платформе «бесплатная пшеница для масс».

Его *Leges Clodiae* включали в себя закон о создании регулярных пособий по безработице в виде раздач зерна, которое и так уже распространялось среди бедных ежемесячно по очень низким ценам, а теперь и бесплатно, тем самым повышая политический статус Клодия. Когда Юлий Цезарь пришел к власти, он обнаружил в Риме 320 тысяч лиц на правительственной помощи зерном, притом что полное население Рима было 1 миллион человек. Он сократил их количество до 150 тысяч. Но после убийства Цезаря эта цифра начала снова расти, а привилегии увеличиваться.

При наступлении кризисных времен для империи, раздачи не только не прекратились, но и стали более существенными. Во время правления Септимия Севера в раздачи было добавлено оливковое масло, а при Аврелиане — свинина, соль и вино.

Разумеется, делалось это всё не от большой любви к плебсу, а чтобы тот не бунтовал. Та же политика реализуется сегодня через вэлфер, когда целые «гарлемы» сидят на социалке.

Вышеизложенные причины породили инфляцию. К концу третьего столетия из-за появления бронзовых денег население Римской империи вообще начало изготавливать монеты самостоятельно, что ещё больше ускорило их обесценивание.

В третьем столетии императорские правительства Рима начали требовать от своих граждан проводить выплаты налогов не деньгами, а товарами или услугами. Фактически правительство империи отказалось принимать в виде налогов свою собственную бронзовую монету.

И вот пришел Диоклетиан. С него начинается форма правления, именуемая доминатом.

Реформы Диоклетиана, а позднее — Константина, имели своей задачей укрепление общественного и государственного строя с целью усиления центральной государственной власти для защиты от поднимавшихся революционных масс.

Одна из реформ Диоклетиана состояла в том, что он увеличил количество провинций с 50 до 100, чтобы наместники этих, теперь сравнительно небольших, областей не обладали достаточными силами для организации мятежа или узурпации власти. Рим превратился в монархическое государство с абсолютной централизованной властью императора. Императорам стали оказывать божественные почести, перед их статуями даже совершались богослужения, к ним обращались *dominus et deus*, что значит «господин и бог». Сравните это со званием Цезаря — «Первый среди равных».

В 301-м году выходит эдикт Диоклетиана о максимальных ценах. Так правительство пыталось бороться с инфляцией, которая вышла из-под контроля после запуска в обращение слишком большой денежной массы. Оно просто зафиксировало максимальные цены примерно 1000 продуктов питания и расценки на работу ремесленников и представителей других профессий, под страхом смертной казни для тех, кто будет торговать по более высоким ценам. Результатом стал дефицит. Производители либо свернули производство, либо торговали незаконно, расцвел бартер.

Указ также устанавливал ограничения на заработную плату, и люди с фиксированной зарплатой обнаружили, что их деньги становились всё более бесполезными «фантиками».

Диоклетиан был, видимо, первым руководителем государства, который начал обвинять в инфляции торговцев. Он первый подменил причину следствием, назвав жадность торговцев основной причиной повышения цен. О жадности государства и уничтожении золотого и серебряного содержания римских монет он в эдикте сказать забыл.

Чтобы содержать огромное войско — около полумиллиона человек, то есть намного больше, чем в прежнем веке — Диоклетиану пришлось повысить все налоги с гражданского населения, подняв выплаты в деньгах и натурой до максимального предела, который мог вынести римский мир.

Налоговое бремя стало непосильным и продолжало расти, все свободы исчезли. В определенный момент наступил такой период, когда римские граждане начали смотреть на собственное государство как на врага, а на варварские армии, стоящие на границах империи как на освободителей. Такую цену заплатили люди за закручивание гаек, позволившее империи устоять на ногах в третьем веке.

Росла регионализация, пришли в упадок города, рухнула экономика, она стала командной и натуральной с низким КПД, налоговая база таяла. Натиск варваров рос. Денег на армию не хватало, служить никто не хотел. Варваров пропускали селиться все дальше в империю, и они должны были защищать границы. Наступил момент, когда баланс сил в империи окончательно сместился в пользу варваров. Западная Римская империя пала под давлением Великого переселения народов.

По материалам поста Александра Довнича - <http://dirty.ru/comments/326736>

Если мы пойдем дальше, то можем остановить свой взгляд на феодальных государствах средневековья. Система вассалитета просто не позволяла существовать большим централизованным структурам до тех пор, пока не было изобретено книгопечатание, которое позволило консолидировать более крупные общественные образования. Этот период мы сейчас называем эпохой феодальной раздробленности. Крупнейшая империя того времени — Древний Китай — могла существовать лишь благодаря книгам и дорогам. С изобретением полиграфии настало время расцвета крупных европейских империй, которые, теперь уже намного быстрее, чем в древние времена, достигали своего расцвета, а затем упадка под тяжестью расходов на обеспечение иерархии и внешних возмущений.

Централизованный Китай проиграл менее централизованной Европе соревнование за Новый Свет, и инки с ацтеками так и не увидели китайцев, перед тем как пасть под натиском менее цивилизованных, чем китайцы, но менее централизованных европейцев^[8]. Однако именно более развитые, по сравнению с индейскими, информационные и инфраструктурные технологии европейцев позволили им одержать эту победу.

Расходы на содержание пирамиды растут нелинейно. Империи достигают своего предела и рушатся, разрываясь от внутренних противоречий, под гнетом издержек на обеспечение аппарата, от внешних угроз, вносящих разрушающее возмущение в отлаженную бюрократическую жизнь больших империй, от хаоса, вызванного сильной взаимосвязанностью частей империи с центром и друг с другом. При этом, чем совершеннее средства коммуникации и транспорта, тем быстрее идет этот процесс. Египту понадобились тысячелетия. Рим справился с собой чуть больше, чем за тысячу лет.

Европейские империи просуществовали всего одно-два столетия. Причины распада империй можно анализировать до бесконечности, но все империи распались точно не потому, что были эффективны.

Своего пика этот процесс достиг в первой половине XX века. В Европе, вместе с новым скачком информационных и транспортных технологий — изобретением радио, моторного и авиатранспорта, возникли две исполинские иерархии — СССР и Третий Рейх. Ничем не ограниченная власть диктаторов была более сильной и всеобъемлющей, чем мог представить себе любой император прошлого. Ведь раньше, в отсутствие телефона, радио и телеграфа наместник или губернатор любой провинции был почти независимым царьком. В отсутствие пропаганды империи постоянно сотрясались отрезвляющими восстаниями. Фактическая невозможность контролировать всё и манипулировать всеми надёжно гарантировала достаточную степень децентрализации, которая обеспечивала долгую, стабильную, независимую от флуктуаций воли правителя, жизнь империи.

Империи XX века стали просто взрывом в историческом масштабе. Теперь не сдерживаемая технологическими ограничениями коммуникация и скоростной транспорт позволяли иерархии развиваться вплоть до планетарных масштабов, если бы не все те же внешние воздействия и внутренние противоречия. Германия проиграла войну. Советский Союз не справился с гонкой вооружений и научно-техническим прогрессом, который уже не вписывался в рамки пятилетних планов. Ни один бизнесмен в двадцать первом веке не планирует всерьез больше, чем на год, а трех-пятилетние планы выстраивает как часть стратегии, а не как обязательные для выполнения документы, осознавая возросшую турбулентность современного мира^[72].

Ничем не сдерживаемое усиление вертикали власти в двадцатом веке оказалось подобным неизвестной организму инфекции. Фашистская Германия сгорела за какие-то двенадцать лет. Советский Союз кое-как дотянул до семидесяти, оставив после себя гораздо более глубокую и системную разруху. Будь в древнем Риме телефон и газеты, может быть история Римской Империи была бы гораздо короче.

Жёсткая иерархическая структура обладает гигантской инерцией. И технологии, способствующие централизации, лишь ускоряют её движение в раз и навсегда зафиксированном направлении. Иногда это направление оказывается правильным, и иерархия показывает впечатляющие успехи. Так, Советский Союз, взяв жёсткий курс на форсированную индустриализацию, между двумя мировыми войнами успешно перепрыгнул из аграрного общества в индустриальное (попутно заморив голодом и стенозом в лагерях миллионы людей). Но к концу XX века, когда все промышленно развитые страны уже строили информационную, сервисную экономику, заводской рабочий с советского плаката всё так же уверенно смотрел в светлое будущее, а чиновники радостно рапортовали о выплавке чугуна на душу населения. Децентрализованное общество вряд ли смогло бы за двадцать лет превратить преимущественно аграрную страну в индустриальное государство. Но и катиться к пропасти на всех парах под пропагандистским наркозом оно тоже не стало бы.

Тут будет уместно сравнение всё с теми же муравьями. Когда они тащат вкусного жука в муравейник, они делают это довольно хаотично и неорганизованно, часто мешая друг другу^[75]. Тем не менее, любой жук, которого нашли «разведчики», рано или поздно оказывается внутри муравейника. Может быть, они бы дотащили его быстрее, если бы среди них был один авторитетный начальник, который указывал бы путь и вёл за собой.

Но если этот начальник заблудится, то муравьи так же быстро и уверенно потащат жука мимо муравейника.

Возможно, историки будущего скажут, что вторая половина XX – начало XXI века стали такой же вехой в истории человечества как неолитическая революция. Впервые за десять тысяч лет процесс объединения людей сопровождается не увеличением, а снижением централизации. Впервые он достиг глобального масштаба. Именно в эти несколько десятилетий развалились все колониальные империи, но появились ООН, ВТО, МВФ и Интернет. При этом единая вертикаль власти в наиболее развитых странах расщеплена на несколько ветвей. Ослабление вертикалей сопровождается беспрецедентным ростом средней продолжительности жизни, увеличением благосостояния, масштабным строительством, взрывным ростом технологий и науки. Происходит качественный скачок в развитии, и всеобщая децентрализация является его неотъемлемым атрибутом. Мощнейший катализатор этого процесса – информационные технологии. Именно они способны предоставить в распоряжение людей лишённый единого центра управления и государственных границ инструмент коммуникации, который сделает ненужными большинство привычных для нас государственных структур, отняв у них немногочисленные полезные функции и обнажив их атавистический характер.

Оппортунизм власти

Коррупция

Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от управления, как теперь оспаривают власть.

Сократ

Есть дом в историческом центре Праги. Дом строился за лесами и высоким забором. Когда он был построен и все увидели, что он выступает за «красную линию», исправлять что-то было уже поздно. Но правитель нашел документ, разрешающий строительство и просто повесил того чиновника, который подписал разрешение. Прямо на том доме. Чиновника повесили, но дом не снесли. Болтавшийся висельник должен был убедить остальных чиновников блюсти закон. Перестали они брать на лапу? Нет. Они просто стали лучше заметать следы.

Коррупцию можно рассматривать как игру. Есть риск, и есть предполагаемый выигрыш. Чем выше риск, тем выше ставки игры, но повышение риска (ужесточение наказания или увеличение частоты арестов) не ведет к прекращению игры. Оно ведет только к повышению ставок. Как и борьба с наркотиками ведет, как правило, к росту цены на них^[58].

Организация борьбы с коррупцией провоцирует вовлечение в коррупцию самих борцов и выстраивание коррупционных пирамид, заканчивающихся, в худших случаях, верхушкой власти, если только она не полноправный хозяин подконтрольной территории.

Коррупция свойственна наемному чиновничеству. Руководитель, который не является наемным чиновником, не имеет интереса в коррупции. Он будет получать свой доход от

честного и прозрачного ведения дел (налоги для королей или акционерная прибыль для капиталистов) и коррупция будет грабить его самого в первую очередь. Именно поэтому коррупция не была свойственна феодалам как правящему классу.

Поставлен ли наемный чиновник сеньором (королем или еще кем-либо) или избран из народа — он должен как-то оправдывать свое существование, или, в терминах современной экономики, «создавать добавочную стоимость».

Если чиновник поставлен королем или вышестоящим чиновником, то он вообще не зависит от людей, которыми он поставлен управлять, и чьи проблемы он поставлен решать — он от них отчужден. Его добавочная стоимость создается путём контроля вверенного пространства и повышения налоговых поступлений. В такой ситуации он будет делать все, чтобы получить себе дополнительный доход, и коррупция тут будет процветать, не замыкаясь, правда, на верхушку власти, так как верхушка в коррупции не заинтересована и, что также важно, обладает неограниченным репрессивным аппаратом. Таким образом, задача коррупционера — брать, но не настолько много, чтобы информация о его мздоимстве попала на самый-самый верх. На больших территориях, где от короля до мелкого чиновника существовала целая иерархическая лестница, коррупция не могла не процветать.

Добавочная стоимость выборного чиновника заключается в предоставлении общине административных или диспетчерских услуг. Чиновник эффективнее толпы руководит общим ресурсом на благо общины. Чиновник организывает сбор мнения общины по тому или иному поводу, и чиновник же реализует указания общины. Древняя Греция и республиканский Рим — классические примеры такой организации. Но община из 10 человек — не община из 1000 человек¹⁷⁷. Собрать мнение десятка много легче, чем мнение тысячи. Если среди 10 человек можно прийти к консенсусу по поводу достойнейшего, то среди 1000 — уже нет. К тому же, в больших группах начинает проявляться оппортунизм самих членов группы, когда они не только намереваются уклониться от финансирования или соучастия в создании общественного блага, но даже от процесса принятия решения — «умные люди пусть без меня решат, а я соглашусь с ними».

Тогда возникает идея выборов администратора, облечённого властью, причем а) на определенный фиксированный срок, раньше которого его невозможно или крайне тяжело сместить и б) большинством голосов, но не консенсусом и не «подавляющим большинством». Считается, что делегат не будет действовать против интересов общества, так как сам является его членом. В условиях античной Греции, когда делегаты выбирались путем жеребьевки и также путем жеребьевки достаточно часто сменяли друг друга, люди имели основание доверять такому делегату. Но как только делегат получал себе в руки некий инструмент удержания контроля на достаточно длительный срок, его интересы и интересы его электората становились совершенно различными. И тезис о том, что делегат будет принимать справедливые законы или решения, так как не захочет навредить себе, живя по тем же самым законам или решениям, уже не работает¹⁷⁶. Выборная система власти представляет собой типичную продажу на рынке с асимметричной информацией. Истинные мотивы делегата выдвигать свою кандидатуру и действия делегата, уже занявшего свой пост, неизвестны электорату. В таких условиях преимущества получает недобросовестный делегат. Имеют место все факторы, сопровождающие сделки с «котами в мешке» *ex ante* и *ex post*:

- антиселекция, заключающаяся в том, что чем больше кандидат готов потратить ресурсов на получение должности или чем легче кажется выбор кандидата избирателем, тем меньше вероятность его добросовестного поведения. В конечном итоге плохие кандидаты должны полностью вытеснить с электорального рынка хороших;

- моральные риски, заключающиеся в том, что делегат, уже будучи избранным, будет склонен к нарушению контракта с избирателями, например, не выполнит предвыборных обещаний.

На этапе выборов снова происходит отчуждение чиновника от общины, которой он должен служить. Во-первых, он имеет полномочия, выданные ему на определённый срок и которые у него трудно отобрать по законам, написанным самой же общиной. Во-вторых, вес голоса отдельного члена общины размыт и несущественен. Конкретного человека можно обидеть и пренебречь его интересами ради «интересов общества». Например, в современном обществе, 1 депутат местного совета представляет интересы где-то 10 000 домохозяйств. Кто-то против? Это их проблемы. Остается еще 9 999 семей.

На этом этапе еще раз включается оппортунизм членов общины. Они уклоняются от голосования и не собираются идти против власти и выражать протест. Ведь, в самом деле, чиновник грабит каждого на копейку, а активные протестные действия, даже если они не будут иметь никаких репрессивных последствий, стоят намного больше. В наше время граждане вольны писать запросы в органы власти, и даже участвовать в забастовках и акциях протеста, но им просто лень. Они не видят в этом смысла.

Получается, что, теоретически, выборный чиновник может сильно обидеть половину электората и слегка вознаградить вторую половину. На следующих выборах за него проголосует 50% людей, а его жена добавит еще один голос. А сам чиновник будет жить с маржи, с разницы между денежным эквивалентом «обиды» и денежным эквивалентом «награды». Интересно, что на следующий срок он может очень сильно обидеть вторых, но совсем не обижать первых, уже ранее обиженных. Первые почувствуют «улучшение» и проголосуют за чиновника, а мнение вторых уже не существенно. На третьем круге... ну, вы поняли. Выборы рано или поздно превращаются не в процедуру назначения чиновника, а в процедуру легитимизации чиновником или бюрократической элитой узурпированной ими власти, даже если чиновник не будет использовать в целях победы на выборах "административный ресурс", то есть ресурсы самого общества, переданные ему в управление.

Также, если в руках бюрократической элиты находятся средства массовой информации и пропаганда, то можно обижать всех. Только одних чуть сильнее, а других чуть слабее, рассказывая по телевизору, что «другим еще хуже».

Корень коррупции — в отчуждении чиновника от людей, которым он создает «добавочную стоимость», а отчуждение возникает потому, что крайне сложно организовать большую массу людей на принятие рациональных каждодневных решений по тому или иному вопросу. Это просто нереально. Мало кто компетентен в вопросе. Мало кто вообще будет участвовать или считать тот или иной вопрос для себя важным. Перманентный референдум дорог и неэффективен настолько, что общество готово платить коррупцией за то, чтобы его избежать.

Сокращение необходимости в общественных благах

Власти, так или иначе, требуется объяснять обществу свою пользу для него. Иначе общество просто не потерпит откровенного клептократа, и тому есть множество примеров из истории. Пользу власть может создавать, администрируя создание общественных благ, стимулируя общество к финансированию этого. Если бы не было стимулирующей функции власти, то «безбилетники», которые не желают оплачивать установку маяков, строительство дорог и охрану границ, составляли бы подавляющее большинство. Общества, которые не догадались о том, что нужно поставить правителя, который бы выбивал дань или налоги, просто исчезли с лица Земли.

При этом правитель понимал, что налоги можно потратить не только на маяк или дорогу, но и на себя лично. И сколько именно он мог себе присвоить, определялось лишь терпимостью народа и объемом реальных затрат. Если маяк стоил 1000 монет, а народ терпел потерю 50% своих взносов, то чтобы заполучить себе еще денег от народа, требовалось построить дорогу или получше вооружить армию. Тогда расходы составят, скажем, 5000 монет, из которых правитель заберет себе 2500 вместо 500 в первом случае.

Чтобы иметь возможность тратить больше, правителю требовалось создавать или выдумывать новые общественные блага. Именно в этом направлении развивались все цивилизованные общества. «Бесплатная» медицина, «бесплатное» образование, «бесплатная» пенсия и прочие «бесплатные» вещи с таким энтузиазмом поддерживаются политиками всех мастей не только потому, что избиратель любит халяву, но и в виду прямой выгоды для себя. Даже в государствах с низким уровнем коррупции, где затруднено прямое воровство, фактор прямой выгоды тоже присутствует. От количества общественных благ, администрируемых чиновником, зависит его вес, бюджет его ведомства и его зарплата.

Возьмем, к примеру, такое общественное благо как пенсия. Впервые идея солидарной пенсии, наряду с другими мерами социальной защиты рабочих, была реализована на государственном уровне Бисмарком^[77] и впоследствии распространилась на другие страны. В США общественные блага социальной защиты начали реализовываться также в XIX веке через профсоюзы. До недавнего времени благо пенсии выглядело так: властная элита (или бюрократический аппарат профсоюза), используя право на принуждение^[17], изымали часть дохода граждан и тратили его на выплату пенсий старикам. Взамен элита обещала гражданам, что она будет им платить пенсию в будущем за счет взносов будущих поколений.

Эксплуатируя асимметричность информации, власть могла перераспределять пенсионные деньги так, чтобы «подмазать» перед выборами свой электорат за счёт чужого, то есть, фактически, подкупала избирателей, причём не за свои кровные, а за бюджетные деньги.

Как только рост населения прекратился, начался кризис пенсионной системы^[78]. Нам повезло, что к тому времени информационные технологии развились настолько, что уже практически ничего не стоило (по сравнению с XIX веком) посчитать и учесть вклад каждого гражданина в пенсионный фонд для того, чтобы выплачивать каждому гражданину ту пенсию, которую именно он заработал.

Но тогда возник вопрос и у граждан: «А зачем вообще нужно государство?» и у чиновников: «А зачем мне администрировать фонд, которым я не смогу управлять по своему усмотрению?» Все это привело к тому, что сейчас называют пенсионной реформой и к тому, что государство лишается монополии на одно из своих общественных

благ. Подобная метаморфоза происходит, а в развитых странах уже произошла и с медициной.

Если мы посмотрим на очередное общественное благо, например, на дорожное строительство, то так же окажется, что соответствующий уровень развития информационных технологий и учета, который позволит отследить, какая машина, какой дорогой пользовалась, позволит отказаться от транспортного налога, который сейчас привязан к потреблению топлива либо к объему двигателя, но не к фактическому пробегу по фактической дороге. В итоге «правительственные» трассы содержатся в идеальном состоянии, а наиболее загруженные — наоборот.

Да, уже существуют платные дороги. И издержки на взимание платы и учет пользования ими все время уменьшаются. Если раньше приходилось покупать «усредненный билет» просто за въезд на платную трассу, то системы распознавания номерных знаков, радиометки, навигационные трекеры, системы видеонаблюдения и видеоаналитики скоро смогут отслеживать использование дорог, и станет возможным вместо транспортного налога выставлять конкретный счет за конкретное пользование конкретной дорогой, по принципу «вес в движении». В Германии или Швеции^[79], например, такой подход уже начал практиковаться для грузового транспорта, перемещения которого отслеживаются при помощи навигационных систем и тахографов^[80]. В итоге, государство лишается возможности собирать урожай с еще одного общественного блага. А эксплуатацией дорог займутся те, кто их действительно строит и действительно обслуживает.

Так можно рассмотреть буквально каждое общественное благо, вплоть до милиции или полиции, которые, в виде охранных фирм, и так уже часто работают вне сферы государства, продолжающего собирать налоги «на обеспечение правопорядка».

Учесть меру использования общественных благ можно практически во всем. В ряде городов Украины в многоквартирных домах стоят платные лифты^[21], обходящиеся жильцам дешевле «бесплатных», предоставляемых ЖЭКа. Люди пользуются лифтом, используя электронные ключи, и на основании статистики использования им выставляются счета. Так справедливее.

Переход к бизнес-процессам

То, что мы называем менеджментом, по большей части сводится к тому, чтобы осложнить людям работу.

Питер Друкер

Любой власти, в том числе и бюрократической элите, необходима ее легитимизация. Легитимизация — это не только придание законности методу прихода к власти (и не имеет значения, монархия это или демократия), но и пропаганда идеи иерархии как естественной формы организации общества. Считается само собой разумеющимся, что кто-то должен быть главным.

Законодательство всюду поддерживает этот миф, рассказывая, что у компании должен быть директор с правом подписи, а у любой структуры — глава или председатель. Но иерархическая модель управления — не единственная и не оптимальная структура. С точки зрения теории организации, можно рассматривать организации двух крайних типов — «рыночная» и «иерархическая». Рыночная организация стихийна и собственно

организацией не является. Иерархическая — как бы «естественна». Вместе с тем постепенно многие организации переходят на различные промежуточные формы, которые описываются не иерархией, а системой контрактов или договоренностей^[70].

Бывают договоренности асимметричные, например, франчайзинговая схема. Бывают монополистические — холдинг, в котором услуги, в том числе бухгалтерские или кадровые, закупаются только у компаний, составляющих этот холдинг. Бывают организации-вики, на основе равноправного сотрудничества. Вместе с тем основной формой документа, регулирующего взаимоотношения в таких организациях является не «положение об организационной структуре», а набор контрактов.

Такие организации имеют в качестве неделимой единицы не функцию, которую кто-то исполняет, а бизнес-процесс, у которого есть клиенты и который сам является клиентом другого процесса. В современном мире происходит смена парадигмы организации с функциональной на процессную^[70], что экономит ресурсы компании, расходовавшиеся ранее на транзакционные издержки иерархической структуры. Да, остаются номинальные директора с правом подписи, так как законы все еще оперируют иерархиями; вместе с тем директор, как ролевая функция в бизнес-процессах, сам становится клиентом кого-то еще, скажем, бухгалтера или продавца и провайдером услуг для, например, продавцов или кадровиков. Понятие «кто главнее?» размывается.

Но что происходит, когда некая бюрократическая структура заказывает у IT-компании работы по автоматизации своей деятельности, например, по автоматизации документооборота? Оказывается, что IT-компании и, тем более, программному обеспечению, которое устанавливается, все равно, кто кому начальник. IT-компании интересно, какие бизнес-процессы происходят в организации, и у кого какая роль в них. Соответственно, в качестве одного из этапов внедрения своих услуг, она описывает бизнес-процессы, роли и клиентов. В конце концов оказывается, что не только председатель организации может что-то у кого-то требовать, но и другие тоже начинают (при помощи умного ПО) требовать что-то у председателя: принятия того или иного решения, подписи, участия в собрании, взятия на себя ответственности и т.п. Теперь руководитель организации не может валить всё на подчинённых, оставаясь «белым и пушистым», так как его обязанности прописаны явно, и его действия можно отследить.

Получается, что информатизация бюрократических структур приводит к эрозии иерархии в этих структурах, а в далекой перспективе и к эрозии всего государственного и управленческого аппарата как иерархической структуры. А учитывая, что с точки зрения процессов и ролей безразлично, находятся ли исполнители внутри структуры или вне ее, недалек тот час, когда и государственные структуры перейдут на аутсорсинг практически всех своих функций.

Сама принципиальная возможность аутсорсинга, то есть вывода функций организации за ее пределы, стала также возможна благодаря информационным технологиям. Если раньше было удобнее (то есть с меньшими транзакционными издержками) всем находиться в одном офисе и передавать друг другу бумаги, то теперь эта необходимость исчезает, и на первый план выходят издержки на сбор людей в одном офисе. Становится дешевле, выгоднее и удобнее всем находиться вне офиса, вести документооборот в электронном виде, а совещания проводить в режиме видеоконференции.

Потеря контроля рынков с асимметричной информацией

Одним из важных общественных благ, поставляемых бюрократической элитой, является контроль рынков с асимметричной информацией. Бюрократия старается изо всех сил, демонстрируя свою полезность введением институтов сертификации, лицензирования, проверок и прочих контрольных мероприятий.

Неуправляемые рынки с асимметричной информацией склонны к коллапсу^[52]. Поставщику на таких рынках выгодно быть нечестным. Дешевле продавать кот в мешке, когда в мешке кота нет, или кот —дохлый. В условиях, когда поставщики не раскрываются, и их не контролирует некий третейский посредник, рынки с асимметричной информацией схлопываются. Потребители перестают потреблять товары или услуги на этом рынке, а производители предлагают все менее качественные изделия, заменяя качество пропагандой.

В качестве примера «схлопнувшегося» рынка можно привести страховой рынок Украины по состоянию на 2011 год. Клиенты не знают, получают ли они выплату по страховому убытку. Страховщики продают лишь рекламу себя и бумагу с пустым обещанием. Проникновение на рынок добровольных видов страхования составляет менее 4% от ВВП, сами страховщики живут на обязательных видах и на видах, где асимметрия информации работает в пользу страхователя. Например, автострахование. В отсутствие полной информации по пробегу автомобиля, квалификации водителя и истории убытков, страховщик пребывает в такой же неуверенности, как и страхователь: первый не знает, что именно он страхует, второй не знает, какую выплату он получит. Страховщик не знает ничего о планах страхователя, о пробеге машины, о состоянии здоровья клиента, о местах, где человек ездит и где оставляет машину, и о других неявных причинах, по которым страхователю кажется выгоднее застраховаться, чем быть не застрахованным — работает антиселекция. При этом страховщик также предлагает кот в мешке: страхователь не в курсе того, каково финансовое состояние страховщика на самом деле, а не по бумагам, каковы его планы на выплату по убыткам, каковы пункты правил страхования «написанные мелким шрифтом», какова реальная скорость принятия решения о выплате и так далее.

Государственные контрольные службы стремятся усилить контроль, и их полезная функция состоит не только в том, чтобы потребители на асимметричных рынках были удовлетворены качеством услуг, а и в том, чтобы все участники рынка были уверены, что продукция на рынке качественная. Общественное благо по поддержанию стабильности рынков трудно переоценить, и бюрократическая элита будет стараться придумывать себе работу на любых рынках, где есть хоть какая-то асимметрия. Лицензии, сертификаты, службы типа санэпидемстанции или пожарных и так далее.

Государству в этом снова-таки помогают информационные технологии, и уже сейчас, например, на фармацевтическом рынке в ряде развитых стран вводится индивидуальная маркировка лекарств вплоть до блистера или ампулы^[81]. Скоро в аптеке технически нельзя будет продать препарат, происхождение которого неизвестно или если препарат с таким номером уже был однажды продан или отозван из оборота. Такое можно обеспечить только при помощи информационных технологий. И государство будет потреблять информационные услуги для целей контроля.

Вместе с тем в мире существует тенденция, которую автор многих книг по маркетингу и менеджменту Ф.Котлер в своей книге «Хаотика»^[72] описал как «усиление власти потребителя». Благодаря информационным технологиям, любая рекламная или

пропагандистская кампания поставщика на асимметричном рынке может быть нивелирована единственной записью пользователя в блоге или социальной сети. Фотокамеры в мобильных телефонах позволяют моментально сфотографировать критикуемое явление и тут же распространить фото по всему миру. Производителям теперь становится выгоднее становиться прозрачным, а функции контроля рынков с асимметричной информацией перетекают к облаку массового сотрудничества потребителей, обменивающихся информацией напрямую друг с другом. Государство теряет еще одну свою функцию.

Потеря монополии на информацию

За тем, что в человеческом обществе окутано пеленой тайны, часто кроется обыкновенная подлость.

Вильгельм Швებель

Американский эволюционный биолог, физиолог и биогеограф Джаред Даймонд в своей книге «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ»^[8] указал, что государство появилось тогда, когда эгалитаризм «...уступил место единоличному централизованному авторитету, который принимал все важные решения и обладал монополией на важную информацию (например, о том, какие угрозы высказал в частной беседе соседний вождь или какой урожай в этом году якобы пообещали послать богу)» Именно монополия на информацию была одним из важнейших источников власти всех правителей. И даже монополия на применение силы, которая свойственна любому государству — ничто по сравнению с монополией на информацию. Ведь чтобы применить силу, надо знать как, в отношении кого и насколько интенсивно ее применять.

Однако информационные технологии, проникающие во все структуры управления, так или иначе, увеличивают прозрачность их функционирования. Теперь, благодаря системам электронного правительства и законам вроде закона Украины «О доступе к публичной информации», гражданам гораздо легче узнать ту информацию, ради которой раньше приходилось вести безрезультатную переписку или выстаивать очереди в архивах.

Информация приобретает «сверхтекучесть». И несмотря ни на какие меры по её защите, почти всегда найдется тот, кто ее выкрадет и опубликует. Более того, этот процесс уже поставлен на постоянную основу. Нашумевший проект Wikileaks является ничем иным как службой разведки «на общественных началах».

Гриф «секретно» или «для служебного пользования» раньше означал «публиковать нельзя», а теперь — «стоит крепко задуматься о том, что будет после того как это опубликуют». То есть любая секретная информация сейчас заранее должна анализироваться в разрезе последствий, которые вызовет ее публикация. Секретчики уже просчитывают риски и принимают меры для уменьшения последствий таких рисков.

А завтра гриф «секретно» потеряет свой смысл вообще, так как при возникновении любой тайны силы будут направлены не на сокрытие ее от окружающих, а на ликвидацию последствий ее возможного раскрытия в будущем. Меняется парадигма работы с тайной. После чего трепетное отношение к тайне исчезнет: «публикуйте, на здоровье!»

Государство, снабдив себя базами данных, дало в руки шпионов чемодан с ручкой, взявшись за которую, этот чемодан легко унести. Если раньше архивы были бумажными и

неподъемными, то теперь они помещаются на ладони или вообще пересылаются по электронной почте. Благодаря информационным технологиям, государство теряет монополию на информацию, а его деятельность либо становится прозрачной, либо сами функционеры вынуждены действовать так, как будто все их действия рано или поздно будут раскрыты. Потеря монополии на информацию означает потерю власти, которую давала эта монополия.

Кроме того, власть теряет монополию на информацию за счет массового сотрудничества граждан^[82]. Технологии уже сейчас позволяют моментально транслировать в интернет изображение с камеры мобильного телефона или с дешевого беспилотного летательного аппарата во время массовых протестов или других важных событий, лишая государства возможности манипулировать мнением граждан посредством СМИ. Блоги и социальные сети лишили государство монополии на точку зрения на события. Устанавливаемые на каждом перекрестке веб-камеры с публичным доступом, принадлежащие частным лицам и компаниям, лишают государство монополии на приоритет государственной информационной системы как первоисточника. А миниатюризация и удешевление записывающей аппаратуры делает доступной скрытую запись и последующую трансляцию любых действий любого чиновника, будь то незаконные инструкции начальника подчиненным на собраниях, фальсификации выборов или откровенное давление на людей силой своего служебного положения. Также становятся все более популярными разоблачающие видео-обращения должностных лиц, которые они размещают в Интернет и которые становятся объектом массового внимания публики. Уже закончилось время централизованных, контролируемых СМИ.

Государственные и корпоративные чиновники, заказывая для себя услуги информационных технологий, без которых они уже прожить не могут, получают в итоге троянского коня.

Вечные проблемы власти

С ростом среднего уровня образования и прогрессом технологий, поддержание монополии на информацию требовало выделения всё больших ресурсов, что вылилось, с одной стороны, в развитие института пропаганды, а с другой — в законодательном закреплении концепции приватности, согласно которой никто вообще не должен даже пытаться узнать что-то о соседе без его письменного разрешения, при этом властной элите дозволено совать нос в чужие дела. Когда власть прикладывает все больше и больше сил для выстраивания «односторонних зеркал», реальными правителями становятся не те, кто богаче или умнее, а те, кто находится по правильную сторону зеркала. Но при этом поддерживаемая властью и конформизмом общества идея приватности не позволяет даже самой власти, а не только всем остальным агентам принимать рациональные решения ввиду отсутствия полной информации.

Власть вынуждена действовать в условиях ограниченной рациональности, что означает её необъективность в процессе регулирования тех или иных общественных процессов. Типичная проблема власти — контроль миграции и условия выдачи виз, которые создают проблемы всем, но не являются препятствием для тех, кто хочет попасть в страну любой ценой.

Регулируя нежелательную активность, власть всегда работает с формулой $У = В * С$, где $У$ — ущерб от проступка, издержки власти или общества от преступления, $В$ — вероятность поймать преступника, что в условиях асимметричности информации, всегда много

меньше 100% и С — санкции, издержки преступника, которые он получает, если будет пойманным. Имея ограниченные ресурсы в управлении «В», власть начинает регулировать «С», что приводит к завышению наказания для тех людей, которые попались, и вызывает у них ощущение несправедливости — их наказали слишком сильно за то, за что других таких же не поймали вообще. Отсюда и ожидаемый ответ любого уголовного на вопрос «За что тебя посадили? — Ни за что!» В условиях ограниченной рациональности власть не способна предупредить преступление, а санкции в отношении преступника означают для власти новые издержки на их применение, но не ликвидируют издержки от уже совершённого преступления. С экономической точки зрения, ситуация тупиковая.

Власть, в условиях ограниченной рациональности, не способна регулировать оборот «чувствительных» товаров, таких как оружие или наркотики, и предпочитает полностью запрещать таковой, что является неоптимальным и приводит к серьезным издержкам в виде расцвета черного и вообще неконтролируемого рынка, издержкам по поддержанию запретов и воплощению в жизнь санкций, издержкам, связанным с возрастающей асимметричностью теневого рынка (большинство проблем, ассоциируемых с наркотиками, так или иначе вызваны именно их запретностью^[58]).

Действуя в условиях неполноты информации, власть часто не способна организовать справедливое распределение издержек на приобретение тех или иных общественных благ, да и сами блага, в очень большом числе случаев, становятся общественными лишь потому, что слишком дорого организовать индивидуальный учет их потребления.

Можно приводить и приводить примеры заложенной в существующих механизмах управления ограниченной рациональности, вплоть до простого понимания, что власть как закупщик общественных благ, также выступает покупателем на асимметричном рынке и потому неспособна принять рациональное решение и поступает эвристически: «как все», «как никто другой», «как дешевле» или, наоборот, «как дороже».

Викиномика

Куда движется современная экономика? Ф. Котлер назвал это термином «турбулентность» или «хаотика»^[72], показывая тем самым свое настороженное свое отношение к происходящему, а Дон Тапскотт и Энтони Д. Вильямс назвали это словом «викиномика»^[83]. По словам Котлера, *«мир вступил в новую стадию экономики. Национальные экономики глубоко связаны и взаимозависимы. Коммерческая деятельность ведется при помощи потоков информации, перемещающихся со скоростью света по Интернету и мобильным сетям. Эта новая стадия приносит замечательную пользу в виде снижения затрат и ускорения производства и поставок товаров и услуг. Но у каждой медали есть и обратная сторона. Речь идет о существенном возрастании уровня риска и неопределенности, с которыми сталкиваются как производители, так и потребители»*.

Если попытаться обобщить опасения Котлера в двух словах, то выйдет следующее: какие бы технологии или производственные ноу-хау ни были бы у производителя, они в любом случае:

- очень быстро устареют;
- будут заменены технологиями, полностью меняющими рынок;
- будут моментально скопированы конкурентами,
- которых просто море и тьма тьмущая;
- пропаганда будет конкурировать с отзывами потребителей;

Посмотрите, что случилось с ноу-хау Kodak или Agfa в области производства фотопленки. Имело ли смысл хранить эти «секреты»? Кто знал, что «цифра» догонит пленку по качеству в течение каких-то пяти лет? Посмотрите на судьбу защиты от копирования на DVD дисках. В конечном итоге, сама защита в виде региональной привязки стала проблемой для добросовестных пользователей, а не для тех, кто копировал фильмы.

И если еще 20 лет назад закрытость кода у программного обеспечения считалась нормой и разумеющимся фактом, то сейчас эту закрытость вменяют компаниям в вину.

Это были примеры того как технологии, полностью меняющие рынок, не давали компаниям, хранящим свои секреты, даже успеть сманеврировать. И если крупным компаниям еще есть резон поддерживать асимметричность, то для мелких производителей, которые не способны выделять серьезные средства на безопасность, это теряет смысл полностью.

Уже сейчас Массачусетский Технологический Институт разработал оборудование, представляющее собой мини- или даже микро-фабрику, которую можно установить дома, скачать дизайн и технологический процесс изделия из интернета и изготовить предмет на дому при помощи умных машин — начиная от трехмерного принтера и заканчивая фрезерным станком с ЧПУ^[85]. Мы идем к тому, что один-единственный человек или домохозяйство самостоятельно или с минимумом помощников будут способны производить все основные потребительские товары.

Компания Boeing смогла произвести свой новый, революционный самолет, только разделив между тысячами подрядчиков не только задания на производство, но и всю, считавшуюся ранее секретной, документацию к самолету^[85]. Китайские производители мопедов не сосредотачивают все производство под одной крышей, а работают как облако мелких фирм, каждая из которых специализируется на каком-то определенном узле, процессе или агрегате. В результате чего получается дешевле, больше и уже даже лучше, чем у японцев. Признак викиномики — стремление компаний к полному аутсорсингу, когда все работы выполняются сторонними фирмами, а сама компания берет на себя лишь функции управления системой и брендом. Аутсорсится все: бухгалтерия, маркетинг, продажи, производство переносится в страны третьего мира, даже персонал уже не работает на конкретно этого работодателя, а работает на компанию, которая занимается лизингом персонала или «аутстаффингом».

Такое дробление производительных сил на мелкие специализированные предприятия, вплоть до индивидуумов, владеющих знаниями, навыками и инструментом, возможно только при наличии серьезной информационной инфраструктуры. Той самой информатизации, которую толкает правящий класс. Эффективность «облачной» экономики в некоторых отраслях уже доказана делом. Сравните Википедию и Энцикарту. Обе энциклопедии были очень похожи как по целям, так и по аудитории. Только первая делалась методом массового сотрудничества, а вторая — централизованно, корпорацией Microsoft. И что вышло? Сегодня большинство людей будут искать значение незнакомого слова «Энцикарта» в Википедии, а не наоборот.

Один из доводов против идеи викиномики заключается в том, что «никогда никакое надомное изготовление алюминиевых кастрюль не будет рентабельнее массового производства». Мы остановимся на этом замечании, чтобы подробнее показать, что такое викиномика.

- Викиномика не требует того, чтобы у каждого в доме стоял, скажем, трехмерный принтер. Посмотрите, что сейчас происходит в фотоделе. Каждый, при наличии лишних денег, может дома напечатать фотографии, купив принтер, однако все идет в фотолаборатории, которые давно стали «минизаводами», обслуживаемыми одним человеком. Викиномика не требует именно надомного производства. Викиномика подразумевает только максимальную децентрализацию производства и максимально открытый информационный обмен.

- В нашем мире себестоимость алюминиевой кастрюли и ее розничная цена — «две большие разницы». Можно не сомневаться, что себестоимость массовой штамповки будет ниже индивидуального изготовления, но будет очень тяжело определить, что обойдется потребителю дешевле — индивидуальная дорогая кастрюля, сделанная дома или на ближайшем вики-робозаводике, или массово изготовленная дешевая кастрюля, продаваемая вместе с услугами транспортировки, складирования, рекламы, размещения на полке, зарплатами всех сотрудников от кассира в магазине до упаковщика на производстве и, конечно, взятками и откатами.

- Стоит понимать, что без вовлечения в расчет финансовой составляющей, то есть стоимости оборудования и времени его эксплуатации, себестоимость изготовления кастрюли равна стоимости энергии и сырья, потраченного на это. И в случае локального робозаводика, и в случае мегакорпорации речь идет практически об одних и тех же деньгах.

- Викиномика не говорит «нет» массовому производству. Викиномика говорит, что основные производительные силы будут принадлежать облаку вики-кооперации. Если сейчас, в эру массового централизованного производства, можно найти мануфактуры или ручной труд, то только потому, что они нашли свои ниши и продолжают оправдывать свое существование. Сувениры, пошив одежды, уборка помещений, услуги сиделок и нянь, работа дворника, работа экскурсовода, работа пасечника — это все «остатки» доиндустриальной экономики, которые уместны и продолжают существовать сейчас. При викиномике массовое производство тоже будет иметь смысл. Но оно не будет основным генератором валового продукта. Вот и все. Сколько раз в жизни мы покупаем кастрюли, в конце концов?

Развитость финансовой системы позволила не считаться с такой проблемой любого бизнеса как наличие стартового капитала. Теперь понятие «порог входа на рынок» стало достаточно виртуальным. Даже для рынков крупных игроков, типа авиа- или автомобилестроения теперь всегда найдутся крупные инвесторы, например, государственные стабилизационные фонды^[72]. Для рынков помельче — банки и приватные инвесторы.

Добавим фактор миграции трудовых ресурсов от компании к компании, и у нас образуется чудная картина мира, в которой просто нет места секретам, и любое успешное ноу-хау моментально копируется всеми вокруг. Единственным способом выжить будет постоянное движение. Как велосипедист не ищет стабильности в остановке, так и компании не должны теперь заикливаться на консервации статус-кво, а просто идти дальше и дальше в инновациях, чтобы быть лидерами и чтобы копировали у них, а не они.

Производительные силы вступают в такие рыночные условия, когда наличие у компаний неких бизнес-идей или технологических секретов дает им сравнительно небольшое временное преимущество, которое очень быстро исчезает с выходом первого

экземпляра продукции на рынок. Патентная система не работает в том виде, в котором она существовала раньше. Тем более для мелкого производителя, который просто не сможет позволить себе судебные тяжбы.

Большое число мелких поставщиков приводит к тому, что потребитель теряет понимание того, в чем именно разница между двумя товарами и руководствуется единственным понятным ему критерием — ценой. А на конкурентном рынке асимметричность информации работает на недобросовестных производителей. Ускорение научно-технического прогресса и гиперконкуренция делают все более неэффективными прежние методы снижения асимметричности — брендинг и сертификацию. О каких брендах, лицензиях и сертификатах может идти речь, если технология, используемая для производства продукта, может быть актуальной лишь пару-тройку лет или сама компания не просуществует дольше без разного рода слияний и поглощений? Кто дает гарантии того, что засветив технологию чиновнику, компания не получит завтра мощного конкурента, да еще и с государственной поддержкой?

Бизнесу необходимо снижение асимметричности информации, поддерживаемой сейчас властью. Необходимо для того, чтобы безопасно раскрывать информацию о себе в своих же целях. Сейчас во многих экономиках власть рассматривается как агент, перед которым раскрывать информацию нужно в самую последнюю очередь и то по принуждению. Итак, старые методы снижения асимметричности не работают, потребители в растерянных чувствах и не знают, у кого купить продукт или услугу, а рынок все более конкурентен и асимметричность, поддерживаемая ноу-хау и патентами, уже не работает. Что делает бизнес в таких условиях?

Если нельзя остановить процесс, то его нужно возглавить. Если у вас есть какой-то секрет, то вы уже сейчас должны вести себя так, как будто его узнали конкуренты и как будто на этот секрет есть еще более новый секрет, которого нет у вас. И даже, если существует некий все еще нераскрытый конфиденциальный документ, скажем, бизнес-план, то в любом случае, чувствительная часть его содержимого может быть, благодаря развитию информационных технологий, оценена по косвенным признакам или смоделирована конкурентами при помощи теории игр и современных вычислительных средств. Зачем тогда компаниями нести дополнительные издержки на обеспечения секретности?

Если потребителю полностью открыть всю информацию о товаре, к примеру, продавать морковь не только с весами, но и с масс-спектрометрическим анализом, сделанным на месте, то морковь будет куплена именно у такого продавца. И цена не будет иметь большое значение, ибо остальное в глазах покупателя уже и не морковь, а набор удобрений и пестицидов. Потребитель будет способен заплатить большую цену за тот же товар, так как он уменьшает свои транзакционные издержки.

Масс-спектрометр — дорого? А если бы он был бесплатен? Или хотя бы очень дешев? Вы бы купили морковь на базаре с рук и без весов? Даже если вам назвали конкретную цену за конкретный кулек морковки, но без точного веса? Разумеется, нет. Так и на рынке, где были бы у всех хроматографы и масс-спектрометры, никто бы ничего не покупал без анализа на месте.

До сих пор скрывать информацию и усиливать пропаганду было просто дешевле, чем раскрывать ее полностью. Но сегодня пропаганда обходится всё дороже и она всё менее эффективна. На массовом рынке пропаганда уже не значит почти ничего. О плохом качестве и несоответствии товара рекламе тут же будут знать все. А материальные усилия

по обеспечению открытости становятся все доступнее. Поставить в цеху веб-камеры, а бухгалтерскую систему выложить в онлайн может каждый. Но, к сожалению, в наших условиях постоянной борьбы за информацию между бизнесом и властной элитой, это не всегда безопасно.

У бизнеса уже нет и никогда не будет времени на выстраивание PR-стратегии и политики управления репутацией. Репутация просто должна быть безупречной с первого дня. А безупречной она может быть только тогда, когда бизнесу принципиально нечего скрывать и когда не может возникнуть почвы для домыслов и спекуляций. Прозрачность становится основой безопасности не только индивида, но и бизнеса.

Что такое викиномика для правящего класса? Это — новые производственные отношения, к которым совершенно неприменимы методы эксплуатации, существующие сегодня. Элита не может контролировать, а значит, и получать доход с облака индивидуумов, которые вообще работают «в другой вселенной» по отношению к государству. Массовое сотрудничество способно эффективно игнорировать любые существующие сейчас методы контроля. Ему безразличны границы, писанные законы и сами чиновники. Википедию пишет весь мир. Боинг собирал свой 787-й также всем миром, обмениваясь информацией сквозь границы. Люди уже сейчас организуют клубы взаимных путешественников, игнорируя турфирмы, клубы посылок по почте, получая из других стран товары, которых нет в их стране, СМИ в виде блогов, мало контролируемых правящим классом, интернет-магазины с взаиморасчетами при помощи облачных платежных систем, независимых от места жительства покупателя или продавца, и многое другое.

С течением времени противоречия между информистской надстройкой и «облачным», информационным базисом будут накапливаться и усугубляться. И государство, и бизнес, и граждане будут все больше использовать для своей собственной безопасности все новые и новые способы ликвидации асимметрии информации, все новые способы тянуть информационное одеяло на себя.

Мы будем видеть все больше и больше жертв этого противоречия, жертв борьбы правящего класса за ускользящую власть. При этом нам будут продолжать говорить, что делиться информацией — пиратство, назначение во власть профессионалов — не демократично, разрешать печь хлеб на продажу каждому — опасно, а без рекламы по телевизору — не обойтись. Вопрос в том, долго ли мы будем этому верить.

Реконизм

*Где ум без страха, а голова держится высоко;
Где знание свободно;
Где мир не разбивается на части тесными стенами дома;
Где слова исходят из глубины истины;
Где неустанное старание простирает руки к совершенству;
Где ясный поток разума не утратил путь в сухих пустынных
песках мертвой привычки;
Где ум ведется Тобой к все ширящейся мысли и действию.
В тех небесах свободы, о Отец мой,
Пусть пробудится моя страна!*

Рабиндранат Тагор

Мы идем, причем очень быстро, к новому общественному строю. Информационная инфраструктура и учет вклада каждого при массовом сотрудничестве будут являться главными элементами нового политического устройства. Мы назвали этот строй реконизмом, от английского «reckon» — подсчитывать, учитывать, полагать, рассматривать, иметь мнение.

Реконизм — социально-политическая и экономическая система, основанная на полной взаимной информационной прозрачности, всеобщем равенстве прав на получение информации и ее использование.

Реконизм реализуем при условии создания распределенной информационной системы, которая будет способна отслеживать, хранить и предоставлять по запросу пользователя любую информацию о правовых, экономических и информационных отношениях между индивидами, и практического исключения возможности отношений, не регистрируемых этой информационной системой.

Реконизм подразумевает минимизацию участия в экономике и социальной жизни так называемых «общественных благ» — благ, которыми могут пользоваться все люди без ограничений. Участие каждого в пользовании «общественным благом» должно учитываться. Например, мост через реку — общественное благо, если он бесплатен. С точки зрения реконизма, оплачено должно быть все и это становится возможным при создании системы полного учета. С другой стороны, реконизм обеспечивает соучастие граждан в распределении прибыли или компенсации от эксплуатации остальными «общественных благ».

Характерным примером тенденции к реконизму является пенсионная реформа, проводимая сейчас во многих странах. Идет переход от солидарной пенсионной системы, построенной по принципу «общего котла» к персонифицированной — «я заработал, я и трачу».

Реконизм обеспечивает принятие группами оптимального решения и большую мобилизацию групп, благодаря тому, что группы, распределяя расходы на приобретение некоего общественного ресурса, в то же время предоставляют конкретные и измеримые выгоды, получаемые от эксплуатации ресурса остальными членами группы, по аналогии с соучастием акционеров в распределении прибыли от акционерного общества.

Информационная прозрачность позволяет конкретизировать репутацию участников группы, что переводит в разряд мобилизованных группы любого размера, в которых, при помощи средств, подобных социальным сетям, можно отслеживать репутацию, историю принимаемых решений и активность участников. Таким образом, исчезает основная проблема групповых действий — проблема пассивности каждого конкретного участника большой латентной группы.

Учитывая, что основная позитивная функция государства, которую оно «продает» гражданам, заключается в мобилизации ресурсов для создания и поддержки общественных благ, то с развитием системы всеобщего учета, преимущества, которые давало обществу существование государственного аппарата, значительно уменьшаются. Реконизм, благодаря цифровым коммуникациям, предоставляет возможности к мобилизации даже очень больших латентных групп, что позволяет организовать прямое народовластие, «облачную демократию»^[142] или «вики-политику». При реконизме слово «власть» перестает обозначать возможность присвоения излишков, а означает лишь административные функции, которые, без всяких прав безотзывного делегирования, передаются ситуативным лидерам групп. Становится возможным ограничить до минимума, если не ликвидировать, то необходимое принуждение, на которое были согласны все члены общества как на часть общественного договора, например, сбор налогов или поддержание правопорядка. Первая проблема реализуется благодаря полному учету вклада участников группы. Вторая — благодаря отслеживанию репутации участников, истории их поступков, действий, движения денег и материальных ценностей.

Реконизм предполагает доминирование викиномики над другими способами производства, развитие пиринговых технологий, в том числе в финансах и экономике, и выстраивание товарно-денежных отношений, отличных от существующих сейчас ввиду минимизации асимметрии информации между покупателями и продавцами. Экономика реконизма характеризуется минимально возможной централизацией.

Реконизм, ввиду практически полной взаимной открытости открывает для общества новые впечатляющие перспективы.

Личность

При реконизме теряется смысл в любой краже, разбое, хищении. Продать украденное будет невозможно, так как система не даст перечислить деньги от покупателя к продавцу, не имея подтверждения о законности владения предметом. Также становится принципиально невозможным большинство видов мошенничества или злоупотребления доверием. Любого человека можно очень легко проверить на месте, а материальный результат мошенничества также легко возвращаем.

В условиях полной прозрачности обществу просто придётся стать гораздо более терпимым к любым мнениям, поступкам и высказываниям самых маргинальных личностей и, одновременно с этим, гораздо более нетерпимым к любому насилию. Иначе мы рискуем просто перебить друг друга, увидев, что скрывается под социально приемлемой маской.

Никто и никогда не станет всерьез утверждать, что все люди равны, однако реконизм позволяет полнее реализовать идею равных возможностей для всех. Вне зависимости от «телефонного права», кумовства, связей, приближенности. Ведь все эти явления, обозначенные термином «протекционизм», основаны просто на разных возможностях по доступу к информации.

Бизнес

Либерализация торговли. Сейчас для регулирования оборота опасных товаров, таких как наркотики и оружие, широко применяются запреты. Однако запретом можно добиться уменьшения незаконного оборота только в случае экстремального уровня насилия, да и то далеко не всегда. На деле получается, что государство создает для наркомафии абсолютно нерегулируемый, не облагаемый налогами рынок, на котором можно получать такие сверхприбыли, которые не снились производителям ни одного легального товара. Естественно, часть этих сверхприбылей оседает в карманах борцов с наркотиками. Разорвать этот круг можно только создав легальный оборот, тем самым лишив преступников рынка сбыта.

Легализация оборота наркотиков, при одновременной персонификации этого оборота, позволит полностью исключить явления, которые сейчас приписывают собственно наркотикам: употребление некачественных препаратов или препаратов, заведомо опасных для здоровья, преступления, совершаемые наркоманами в поисках дозы, и бесконтрольная продажа наркотиков несовершеннолетним.

Вообще, запрет на оборот тех или иных товаров, прежде всего наркотиков и оружия, вызван сложностью отслеживания судьбы таких товаров и высокой вероятностью криминального использования последних. Однако, при отсутствии наличных денег и проведении любого товара через личные счета, в большинстве случаев оборот можно позволить, а если уже очень захочется запретить — пожалуйста, можно проставить галочку в информационной системе.

Реконизм приведет к смене парадигмы посредничества. Следует отличать усилия торговца, доставляющего товар в удобное для покупки место с оптовой базы и организовывающего саму эту торговлю или усилия поискового агента, который за вознаграждение занимается подбором подходящих условий для сделки, от сомнительной деятельности спекулянтов или лишних звеньев в посреднической цепи, живущих только за счет того, что они имеют доступ к закрытой информации.

Ценообразование сможет осуществляться совсем по другим законам. Возможна организация спроса до предложения или формирование цены после понимания объема предложения или даже после потребления. Произойдет эволюция существующих сейчас сервисов групповых скидок. Если покупатель будет иметь возможность изучить цепочку доставки товара и места, где формируется добавочная стоимость, он сам сможет для себя решить, пользоваться ли услугами посредника или оказать эти услуги себе самому, пользуясь простой формулой «время-деньги». С другой стороны, даже если оптовый продавец отказывается работать в розницу, то уже само знание наценки покупателем и конкурирующими розничными торговцами должно стабилизировать рынок.

Финансы

Реконизм приведет к революции в финансовых услугах. Любой финансовый институт является посредником между теми, у кого есть лишние деньги, и теми, кому эти деньги нужны. Финансовые институты, чей бизнес основан на закрытости информации, просто отомрут. Ставки по кредитам будут минимальны, так как кредитное мошенничество просто исчезнет. Ставки по депозитам будут максимальны, так как вкладчики будут видеть структуру прибыли банка и осознанно выбирать банк с меньшими накладными расходами. Появится серьезный стимул к правильному выстраиванию процессов в

банках, оптимизации их ресурсов и расходов, а банковская маржа, разница между кредитной и депозитной ставкой, будет минимальной и обоснованной.

Страхование переживет ренессанс, ведь страховой рынок неустойчив именно из-за того, что страховщик не знает того, что знает страхователь. Тарифы, предлагаемые клиентам, учитывают мошенничество, плюс усредняются по принципу «средняя температура по больнице» и приводят к тому, что к страхованию склонны не все, а лишь те, кто больше других ожидает страхового случая, что в свою очередь приводит к повышению тарифа. Если же страховщик будет знать о клиенте все, то он сможет предложить ему и справедливый тариф, основанный, например, в автостраховании, не только на стаже вождения, но и на пробеге, на местности, где используется автомобиль, на целях, в которых он используется. Страховые выплаты не потребуют расследований, так как вся информация будет на руках страховщика. Пенсионная реформа, которая уже сейчас проводится, фактически с учетом принципов реконизма, получит мощную поддержку.

Возможно появление нового класса финансовых услуг — пиринговые финансы. То есть когда человек отдает деньги на депозит и берёт кредиты у вики-облака, а не конкретного банка. Одолжить деньги не банку, а конкретному лицу или предприятию можно будет, просто подписавшись на запрос о кредите и примкнув к решению человека, который знает заемщика лично. Кроме пиринговых банковских услуг явно просматривается возможность пирингового страхования по принципу, по которому сейчас работает Lloyd's^[84].

Государство

Тотальный учет приведет к упрощению системы сбора налогов, сборов, алиментов. Они будут списываться автоматически. Неплательщиков не будет вообще. Прозрачность минимизирует коррупцию^[85]. Какая бы материальная ценность ни была обнаружена у человека, можно будет за полсекунды выяснить, чья она и добровольно ли она была передана ему. Также невозможно будет передать или получить денежное вознаграждение так, чтобы это осталось незаписанным.

Любая система делегирования власти приводит к отчуждению власть имущего от тех, кто ему эту власть делегировал. А современная демократия дает каждому избирателю один голос. Возможно, это была хорошая система несколько тысяч лет назад, когда в выборах участвовали только привилегированное меньшинство и в условиях, когда практически все друг друга знали. Сегодня же выборы чаще выигрывают деньгами и связями, то есть доступом к информации, а не путем убеждения избирателей, большинство из которых вообще не квалифицировано для осуществления разумного выбора и руководствуется лишь фантомами пропаганды и рекламы. Кроме того, выборы не обеспечивают соответствия голоса избирателя его вкладу в общество. Идея имущественного ценза для избирателей подразумевает именно это, но если голосовать просто деньгами, к власти придут воры и бандиты, уже не прикрываясь идеалами демократии. Однако если в реконистическом обществе украсть будет невозможно, а вклад оценивать не по заработку, а по тому, сколько ты заплатил за период между выборами (или совокупно за жизнь) налогов, то есть какова принадлежащая тебе доля в совокупном имуществе страны, то система выглядит весьма справедливой. «Чем больше я участвую в доходной части государства — тем больший голос я имею». Почему вес голоса человека, делающего какую-то пользу для общества, равен весу голоса человека, который

не делает ничего? Такая норма давно существует и реализована в корпоративном законодательстве.

А как же пенсионеры? Пенсионеры за всю свою жизнь уже достаточно «накопили» прав на общественное имущество и имеют серьезный голос. Их пенсия выплачивается из фондов, им принадлежащим. Фонды зарабатывают деньги и платят налоги. Отследить величину налогового вклада каждого пенсионера будет проще простого.

Сама структура власти может и должна превратиться не в систему безотзывной делегации полномочий на длительный срок, а в систему прямого принятия решений каждым членом общества, вне зависимости от каких-либо сроков каких-либо выборов. Тот или иной политик будет заручаться поддержкой других людей по тому или иному вопросу в режиме реального времени, а не раз в 4-5 лет. Если поведение делегата не нравится избирателю, он моментально отзывает свой голос и вес политика тут же уменьшается. Ввиду полной прозрачности работы политиков не нужны будут ограничения на срок полномочий — нравишься, пока нравишься ты, и нравится тебе. Сама власть чиновников примет чисто административно-диспетчерскую форму и будет не эксплуатировать, а защищать и оказывать помощь.

С точки зрения государственного управления, реконизм означает викификацию государства, по аналогии с викификацией экономики. Во-первых, благодаря развитию информационных технологий, исчезает положительный эффект масштаба у крупных государственных образований, а на первое место выходят их недостатки, связанные с инерционностью и непрозрачностью. Во-вторых, информационные технологии позволяют обеспечить большую прозрачность общества, что предоставляет возможности и для выстраивания репутационных отношений, кардинального сокращения возможностей оппортунизма как власти, так и членов общества и для обеспечения прямого участия граждан в управлении.

Процесс викификации власти разрушит порочный круг, приводящий к тому, что *«какие бы слова ни произносились на политической сцене, сам факт появления человека на этой сцене доказывает, что перед нами блядь и провокатор. Потому что если бы этот человек не был блядью и провокатором, его бы никто на политическую сцену не пропустил — там три кольца оцепления с пулеметами»*^[86]. Если властью практически невозможно будет злоупотребить, если власть не будет вести к личному обогащению, то поток эгоистичных паразитов перестанет задавать тон всей политической жизни. Примерно как на первом родительском собрании в школе или в детском саду: самая большая проблема — найти желающих войти в состав «родительской тройки».

Техническая база реконизма

В предыдущих главах мы показали, что сейчас набирает обороты процесс радикального изменения всех институтов общества, возможно, самый масштабный со времён неолитической революции. И технологической базой для этого изменения станут компьютеры и интернет. Готовы ли они к такой ответственной миссии? Скорее да, чем нет. Информационные технологии за последние полвека развивались такими темпами, что актуальная еще десять или двадцать лет назад информация об их недостатках и слабостях сегодня выглядит как миф или легенда.

Пожалуй, самый главный пласт мифов и небылиц о компьютерах относится к их, якобы, ненадёжности, подверженности взлому, «глюкам» и легкости подделки любых цифровых данных. Когда-то это было правдой. Как и любая не обкатанная технология, ещё 30-40 лет назад компьютеры и сети действительно были настолько «дырявыми», что их взлом часто не представлял особого труда, а сбои и потери информации происходили довольно часто. Но с тех пор многое изменилось. Похожим образом развивалась авиация. Первые самолёты летали плохо и разбивались часто. Сейчас лететь в самолёте в несколько раз безопаснее, чем ехать на такое же расстояние в автомобиле или, тем более, идти пешком. Но множество людей до сих пор боятся летать. Воспринимаемая опасность перелёта выше, потому что о каждой авиакатастрофе обязательно расскажут в новостях по всему миру, а ДТП, кроме самых крупных, покажут разве что по местному каналу.

Так же и с компьютерами. Порчей бумажных документов в архивах никого не удивишь, так же как и подделкой, и мошенничеством. Но если можно приплести мифических всемогущих «хакеров», то возникает сенсация. Впрочем сейчас эффект новизны уже не тот, что в 80-е и 90-е годы прошлого века, но стереотип остался. Да и сам взлом сколько-нибудь серьёзной сети стал задачей настолько нетривиальной, что такое происходит очень редко. Взломать какой-нибудь сайт, заменить логотип компании матерной надписью или ещё как-нибудь покуражиться — это обычное дело. Но взлом сети, принадлежащей банку или военным, сейчас практически невозможен. Проникновение в хорошо защищённую сеть требует длительной кропотливой работы и мало чем отличается от серьёзного расследования или подготовки спецоперации ЦРУ^[87]. Но в очередном боевике нам покажут лишь как «хакер» сделал умные глаза, с бешеной скоростью поколотил по клавишам, и через пару минут у главзлодея в руках код доступа к ядерной кнопке.

Сейчас большая часть взаиморасчетов на планете производится только в безналичном виде, путем электронного обмена данными о записях на счетах^[88]. Так надёжнее. Организовать ограбление инкассаторской машины или банка гораздо проще, чем взломать его сервер. Сейчас всё чаще самые надёжные документы защищают не голограммами и водяными знаками, а электронным чипом^[89]. Радиобрелок от машины тоже содержит микропроцессор и полагается на криптографию. И «магнитный» ключ от подъезда имеет электронную начинку.

Надёжность электроники тоже выросла на несколько порядков за последние десятилетия. Сейчас электронные компоненты устаревают морально гораздо раньше, чем ломаются физически. Первые компьютеры требовалось ремонтировать каждые несколько часов. Современный компьютер вполне может проработать, не выключаясь, несколько лет — все сбои и поломки, как правило, вызваны внешними причинами или неправильной эксплуатацией. Кроме того, современное ПО умеет справляться со сбоями, и они обычно проходят незаметно для пользователя. Вся существенная информация сейчас многократно дублируется, причём копии физически можно расположить на разных континентах с такой же лёгкостью как в соседних комнатах. И всё это доступно каждому, а не только правительствам и корпорациям.

Ещё один миф — «бунт машин». Восстание искусственного разума против своих создателей — очень популярная страшилка. Однако она имеет ту же природу, что и страх неграмотных крестьян перед первыми паровозами или автомобилями. Нам свойственно на всякий случай бояться неизвестного^[90]. Если бы наши предки не бросались в сторону, едва услышав непонятный шорох за спиной, они бы просто не выжили. Всё непостижимое мы автоматически записываем в разряд потенциально опасного. Поэтому среди тех, кто хоть немного разбирается в компьютерах, вера в злых терминаторов встречается гораздо реже. Те же, кто разбирается в них достаточно хорошо, просто смеются над этими сказками. И громче всех ржут специалисты по искусственному интеллекту. Они лучше остальных знают, что пока самым умным компьютерам далеко даже до кошечек и собачек. Кроме того, интеллект ниже человеческого не будет представлять никакой угрозы по определению, так как не сможет на самом деле выйти из-под контроля, перехитрив нас, а если окажется выше — то очень сомнительно, что он будет агрессивен. Воинственность и кровожадность — верные спутники глупости, невежества, преобладания инстинктов над разумом^[2]. Чем выше интеллект человека, тем более он способен разрешать любые конфликты мирным путем. Почему же искусственный интеллект должен вести себя наоборот?

Как же на самом деле обстоят дела сегодня? За счёт чего компьютеры и сети стали так надёжны?

Криптография

Криптография — одна из основ современных информационных технологий. Эта наука существует несколько тысячелетий, однако её расцвет начался лишь во второй половине XX века и неразрывно связан с компьютерами. Начало современному этапу развития криптографии было положено во время второй мировой войны^[91]. Расшифровка вражеских сообщений и надёжное шифрование своих были одними из ключевых задач воюющих сторон, и для их решения привлекались огромные ресурсы. Именно в процессе работы над расшифровкой немецких сообщений в Великобритании под руководством Алана Тьюринга был построен первый полностью электронный компьютер «Колосс».

Создание программируемых электронных компьютеров в послевоенные годы подняло криптографию на недостижимую ранее высоту. Она стала полноценной наукой с мощным математическим аппаратом. Практические результаты развития криптографии на сегодня выглядят так:

- Большинство используемых сейчас систем криптографии полагаются на открытые и хорошо изученные алгоритмы. Способы шифрования настолько совершенны, что расшифровать сообщение, не зная ключа, невозможно, даже если взломщик знает о системе шифрования всё. Вопреки интуитивному представлению, использование нестандартных, секретных алгоритмов не повышает, а понижает надёжность шифра. Над исследованием уязвимостей распространённых алгоритмов работают тысячи учёных по всему миру. Вероятность того, что злоумышленник обнаружит «дыру» раньше любого из них, ничтожно мала.

- Доступные рядовым гражданам технологии шифрования сейчас практически не уступают военным и правительственным разработкам. Любой мало-мальски технически грамотный человек при желании способен зашифровать свою информацию так, что ни одна спецслужба мира не сможет её расшифровать за разумное время. Из-за этого во многих странах существуют законодательные ограничения на использование криптографии.

- Кроме собственно шифрования, криптография предоставляет методы подтверждения подлинности и целостности информации. Они так же надёжны, как и методы шифрования — цифровая подпись или сертификат удостоверяют аутентичность любого сообщения или документа гораздо лучше, чем собственноручная подпись, печать или голограмма.

- Сейчас широко используются криптосистемы с открытым ключом. Они дают возможность обмениваться зашифрованными сообщениями и подтверждать их подлинность без предварительного обмена ключами по защищённому каналу. Мощность современных компьютеров такова, что возможно осуществлять шифрование и расшифровку «на лету», совершенно прозрачно для пользователя.

- Сегодня взлом криптографических систем на практике осуществим только косвенными методами — с помощью подкупа или насилия в отношении лиц, обладающих ключом, с помощью шпионажа или прослушивания, с помощью незаметной модификации оборудования или программ, используемых для шифрования.

Шифрование с открытым ключом

Как паспорт подтверждает личность его владельца в реальном мире, так инфраструктура открытого ключа (PKI, public key infrastructure) позволяет подтвердить личность в мире компьютерных сетей.

PKI гарантирует, что всякий, кто выдает себя за определенную персону, действительно ею является, что крайне важно при проведении ответственных транзакций, таких как размещение заказов или пересылка денег.

Суть PKI заключается в использовании очень длинных целых чисел, называемых ключами. Используются два ключа: частный, доступ к которому имеет только вы, и открытый, с которым может работать кто угодно. Оба ключа используются вместе, и сообщение, зашифрованное с помощью частного ключа, может быть расшифровано только с помощью открытого ключа и наоборот. Точно так же как вы подтверждаете свою личность с помощью выполненной от руки подписи, цифровая подпись подтверждает вашу личность в сети. Документ, который предполагается зашифровать, «пропускается» через сложный математический алгоритм, который на выходе выдает одно большое число, называемое хеш-кодом. Если в сообщение внести даже минимальные изменения, например, переставить запятую, то хеш-код полностью изменится.

Чтобы добавить цифровую подпись к документу, хеш-код, созданный на основе его содержимого, шифруется с помощью частного ключа пользователя (назовем его Боб). Другой человек (Алиса) может проверить подлинность документа, расшифровав хеш-код с помощью открытого ключа Боба и сравнив его с хеш-кодом, сгенерированным из полученных данных.

Если хеш-коды совпадают, данные не были изменены третьей стороной — создать такую подпись возможно, только обладая частным ключом Боба. Однако злоумышленник мог подменить открытый ключ Боба в тот момент, когда Алиса впервые получила его.

Как выяснить, корректный ли у Алисы ключ для проверки подписи? Для этого используется система корневых сертификатов доверия. Открытый ключ, созданный Бобом, подписывается своим собственным частным корневым ключом уполномоченный по выдаче сертификатов, проверив его личность. Публичные ключи таких уполномоченных широко известны, например, «защиты» внутри всех популярных интернет-браузеров, поэтому подменить их незаметно практически невозможно. Открытый ключ Боба вместе с его реквизитами или анкетными данными, подписанный уполномоченным по выдаче сертификатов — это его личный цифровой «паспорт», или сертификат.

Давайте посмотрим, как это все работает на примере простой транзакции. Боб хочет послать Алисе конфиденциальное письмо по электронной почте. Для шифрования своего сообщения он будет использовать открытый ключ Алисы, хранящийся в ее сертификате, благодаря наличию которого он уверен, что этот ключ принадлежит именно Алисе. Боб подпишет сообщение своим закрытым ключом. Когда Алиса получит сообщение, она с помощью своего частного ключа это сообщение расшифрует. Поскольку частный ключ Алисы есть только у нее, значит, только она сама сможет раскрыть это сообщение. Узнав открытый ключ Боба из его сертификата, она сможет проверить подлинность подписи и убедиться, что это сообщение, во-первых, пришло именно от Боба, а во-вторых, не было изменено по пути.

По материалам: <http://www.osp.ru/cw/1999/22/35858/>

Итак, современная криптография достаточно надёжна для любых практических применений. Её широко используют банки, спецслужбы, корпорации и правительства. Она легко доступна — «гражданские» алгоритмы шифрования не уступают военным. Использование таких методов как попытки или слежка в отношении обычных людей весьма маловероятно, а надёжную защиту от модификации ПО даёт открытая разработка. О ней и пойдёт речь дальше.

Open Source

Как и в случае с алгоритмами шифрования, интуиция подсказывает, что в ПО с открытым исходным кодом легче внести злонамеренные модификации, но это не так. Открытая разработка происходит за «прозрачной стеной». Как и в мясном цеху супермаркета, видеть всё, что происходит внутри, может любой, но вход разрешён только ограниченному кругу людей. Сейчас все открытые проекты используют так называемые системы контроля версий^[92], которые отслеживают и сохраняют любые изменения в коде проекта. Любой желающий может просмотреть эту историю, подобно истории правок статьи в Википедии. За популярными проектами следят тысячи программистов по всему

миру. Внести незаметные изменения в код, минуя систему контроля версий, просто невозможно. Это гарантирует криптография. Права на такие изменения есть только у небольшого числа членов команды проекта. У каждого из них есть ключ, которым он подписывают изменения. У каждой правки есть конкретный автор, и всегда видно, кто отвечает за её корректность^[92]. Если же в разработке хочет поучаствовать человек со стороны, он создаёт копию проекта, вносит изменения в неё и отправляет их на рассмотрение команды.

При закрытой разработке единственной гарантией служит репутация производителя. Никто не может проверить, что там внутри на самом деле. И даже если репутация безупречна, фирму всегда может прижать правительство, заставив внести, например, ограничения на длину ключа при шифровании, или оставив другие лазейки для «Большого Брата».

К сожалению, для «железа» такая открытость технически невозможна. Но, в отличие от софта, при серийном производстве закладывать «дыры» скажем, в микропроцессор — абсолютно самоубийственная политика для производителя. Если в случае ПО можно сказать: «Ой! Мы нечаянно!» и тут же выпустить заплатку, которая закрывает дыру, то железо отправится прямиком на свалку, причинив огромные убытки. Единственная возможность снабдить физическое устройство «жучками» ещё на заводе — сделать это официально, прикрывшись законодательным предписанием или легендой о «безопасности» или «борьбе с пиратством». И бороться с этим техническими методами невозможно. Массовое проникновение на рынок таких устройств, например под предлогом «борьбы с терроризмом (пиратством, детской порнографией и т.д.)» — одна из серьёзнейших угроз для сети.

P2P

Одноранговые, или пиринговые сети (от англ. peer to peer — «равный к равному») — это сети в которых нет центрального узла. Пример такого узла — сервер, на котором работает веб-сайт, или главный банковский компьютер. Если этот узел выходит из строя, вся сеть становится неработоспособной. В P2P-сети каждый участник — одновременно клиент и сервер. Для того чтобы серьезно нарушить работу такой сети, необходимо уничтожить или взять под контроль большую часть узлов, что невозможно на практике для достаточно большой сети. Кроме надёжности, важным преимуществом одноранговых сетей является масштабируемость. Например, если некий файл расположен на сервере в централизованной сети, то увеличение числа клиентов в сто раз наверняка «положит» сервер. Он не сможет справиться с возросшей стократно нагрузкой. А в P2P-сети каждый клиент помогает другим, отдавая имеющиеся у него части файла вместо сервера. Поэтому, чем больше людей качают файл, тем быстрее и надёжнее идёт загрузка у каждого из них.

Google тратит сотни миллионов долларов в год^[93] на сервера видеохостинга Youtube. В то же время обмен видеофайлами через сеть BitTorrent происходит как бы сам собой. Если Google захочет (или его заставят), Youtube мгновенно перестанет существовать. А файлообмен в пиринговых сетях процветает, несмотря на все попытки его уничтожить. P2P дает гарантию, что если достаточно большое число людей желают, чтобы некая информация распространялась, или некий сервис продолжал работать, то никакая корпорация и никакое государство не смогут этому помешать.

Также P2P сети обладают еще одним важным свойством — естественной надежностью информации, которая в таких сетях хранится. Если информация размещена на одном сервере, то злоумышленник, обладающий определенными правами в системе, способен незаметно модифицировать данные. В одноранговой сети одна и та же информация разносится во множестве копий по многим узлам и самовольное внесение правок в одну из копий, к которой имеет доступ воображаемый злоумышленник, делает эту копию невозможной к приему остальными членами сети (так как подлинность копии удостоверяется криптографически) и не уничтожит оригинальную информацию, которая все так же будет доступна остальным узлам сети. Если любое изменение в данных фиксируется и хранится, подобно правкам в Википедии, то старую информацию практически невозможно скрытно стереть или модифицировать.

Так, организации правообладателей неоднократно пытались нарушить работу файлообменных сетей, создавая узлы, которые намеренно распространяли искажённую информацию^[94]. Тем не менее, подавляющее большинство пользователей этих усилий просто-напросто не заметило.

Интересный пример объединения трёх перечисленных выше технологий — криптовалюта Bitcoin^[95]. Её изобретатели попытались создать средство обмена, лишённое недостатков бумажных денег — инфляции и зависимости от (коррупцированной и некомпетентной) политики национальных банков. Экономические постулаты, лежащие в основе Bitcoin, могут вызывать сомнения, но техническая возможность создания такой платёжной системы и её надежность теперь доказана опытом. Криптография гарантирует подлинность транзакций Bitcoin, открытая разработка исключает возможность закладки «жучков» и «дыр», распределённая одноранговая архитектура сети гарантирует невозможность её закрытия административными методами.

Искусственный интеллект

В отличие от первых трех технологий, которые широко распространены и хорошо изучены, искусственный интеллект пока только делает первые шаги. То, что специалисты называют «искусственным интеллектом», пока мало похоже на интеллект в человеческом понимании, скорее на отдельные его фрагменты. Достаточно широко применяется распознавание образов, значительных успехов удалось добиться в распознавании речи, методы искусственного интеллекта применяются поисковыми машинами и социальными сетями, скоринговыми системами банков, страховыми компаниями. По улицам Калифорнии и на автодромах Европы уже ездят экспериментальные машины-роботы (пока что с водителем, который может в любой момент взять в свои руки руль, для подстраховки). Все эти применения пока требуют огромных ресурсов и доступны лишь достаточно крупным организациям или имеют статус экспериментальных разработок.

Однако активно исследуются подходы к созданию самоорганизующихся интеллектуальных систем, состоящих из множества интеллектуальных агентов — небольших и не очень сложно устроенных программ или устройств, которые будут способны коллективно решать сложнейшие задачи, подобно муравьям или пчёлам. Так же как и пиринговые сети, они легко масштабируются и очень надёжны. Потенциально такие системы должны превзойти монолитные программно-аппаратные комплексы, которые используются сейчас, так же как Интернет, состоящий из разнородных

независимых сетей, не имеющих хозяина и единого административного центра, превзошёл все существовавшие до него информационные системы.

Вообще, создание систем сверхбольшого масштаба, охватывающих всю планету и содержащих сотни миллионов компонентов, каждый из которых по отдельности относительно ненадёжен, представляется возможным только на базе децентрализованных технологий. Такие системы должны состоять из практически независимых частей и не иметь жёсткой структуры. И, так как машины лишены гормонально обусловленной склонности к доминированию, их объединение в такую сверхбольшую, сверхсложную и сверхнадёжную систему идёт гораздо быстрее, чем объединение общественных структур. Таким образом, информационные технологии готовят почву для последующих радикальных изменений в обществе.

Нетехнические риски

Как показано выше, чисто технологических препятствий уже не осталось. Вероятность того, что где-то что-то откажет, заглохнет, будет взломано, уменьшилась до пренебрежимо малых значений. Но всегда есть риск насильственной «порчи» технологий. Законодательные ограничения криптографии тому пример. Кроме них и упомянутых выше устройств с «жучками» и встроенными ограничениями, опасения вызывает, прежде всего, усиливающееся давление на провайдеров. Государство, представленное властной бюрократической элитой, стремящейся монополизировать свое право на знания и информацию, обязывает их вести слежку за гражданами, блокировать доступ к нежелательному контенту или даже полностью отключать некоторых пользователей. Провайдеры вынуждены подчиняться, так как привязаны к территории и не могут уйти в места с более благоприятным информационным климатом. Их беспомощность широко используется в борьбе с поставщиками контента, например, правительство Китая, практически полностью контролирующее информационное пространство внутри страны, заставило Google подвергать цензуре поисковую выдачу. «Индивидуальный террор» в отношении людей, использующих файлообменные сети, также возможен только при вынужденном содействии провайдеров.

До тех пор, пока модель информизма не исчерпала себя, решать эту проблему можно только политическими методами, заставляя власть уважать свободу в Интернете, так же как её вынуждают мириться со свободной прессой и соблюдать права человека. Точно так же как сто лет назад профсоюзы в капиталистическом мире добивались признания своих прав и заставляли капиталистов идти на уступки. Никакое чисто техническое средство защиты не будет так же эффективно как хорошая забастовка или массовая акция протеста. Какие бы то ни было технические новшества, подрывающие стремление бюрократии к власти, либо будут разрешены как меньшее из зол, под давлением общественности, либо подконтрольны правящей верхушке, если не полностью запрещены.

Новый бизнес, ищущий свои прибыли в Интернете, также заинтересован в открытости. Этот интерес проистекает не из каких-то альтруистических побуждений, а из холодного и трезвого расчета. Показателен отказ Павла Дурова, основателя сети «ВКонтакте», заблокировать активность оппозиционных групп и пользователей во время массовых протестов в России в декабре 2011 года.

Павел Дуров: «...Разговоры о голосованиях, выборах, митингах и гражданской позиции мы считаем формой массового развлечения, наряду с обсуждением футбольных матчей и игрой в Счастливого Фермера.

В эти декабрьские дни, пока молодежь и ОМОН увлеченно играли в революционеров и реакционеров, мы занимались нашим прозаичным ремеслом, фиксируя запросы аудитории. Сначала пользователи столкнулись с проблемами при проведении массовых опросов; затем бурлящие оппозиционные сообщества вошли в ограничение на количество ежедневных комментариев; наконец, интересная нам аудитория обратила внимание на более удобный сервис проведения мероприятий у наших конкурентов. Во всех случаях мы отреагировали модернизацией соответствующего сервиса с задержкой от 15-и минут до двух дней.

Те, кто бросились благодарить нас за содействие политическим протестантам, теряют из вида простое обстоятельство. Если бы в те же дни мы стали проигрывать в конкурентной борьбе из-за отсутствия какого-нибудь сервиса виртуальных массовых репрессий, нам бы пришлось ввести и его. И будьте уверены — наши репрессии были бы самыми массовыми и самыми кровавыми на рынке.

Другое дело — внезапная просьба чиновников петербургского ФСБ блокировать оппозиционные сообщества. Фактически это было предложение добровольно дать фору всем конкурирующим площадкам, выдавив на них активную и пассионарную часть аудитории. Конкуренция на глобальном рынке социальных сетей без возможности удовлетворить спрос на свободное общение — это соревнование по боксу со связанными руками. Если иностранные сайты продолжают существовать в свободном поле, а российские начинают цензурироваться, рунет может ожидать только медленная смерть.

Чтобы обеспечить условия игры, при которых такие запросы немыслимы, я привлек внимание аудитории и других интернет-компаний, а затем высших государственных чиновников к запросам петербургского ФСБ. Подобные действия не стоит воспринимать как невинную ошибку. Если мы хотим сохранить отечественную интернет-индустрию, запросы на блокировку оппозиции неприменимы. По крайней мере, до тех пор, пока мы не научились побеждать в боксе, не используя рук.

В этой увлекательной игре начала декабря мы проявили не столько смелость, сколько здравый смысл. Мы действовали единственно возможным образом для команды ВКонтакте, так как любой другой путь просчитывался как летальный. Наша стойкость в обращении с государственными службами неизбежно следует из того факта, что при эскалации конфликта с любым ведомством наша точка зрения побеждает как единственно разумная. Или, если при каком-то фантастическом сценарии не побеждает, то мы лишь размениваем медленную и мучительную смерть нашей компании на быструю и безболезненную.

Если разобраться, то обозреватели западного склада сейчас хвалят нас за то же, за что всегда критиковали, — за отсутствие жесткой цензуры пользовательской активности. Мое стремительное превращение из «пирата» и «порнокороля» в защитника свобод отражает лишь непоследовательность в их убеждениях. Пока они применяют разные стандарты к разным видам цензуры, наша позиция остается неизменной и сводится к одному утверждению: бессмысленно удалять с одного интернет-сайта то, что можно быстро найти на других»

<http://lenta.ru/articles/2011/12/12/durov/>

Кроме локальных провайдеров проблему представляют магистральные каналы связи. Их мало, они дороги и уязвимы. Их пока что невозможно распределить на множество независимых и дублирующих друг друга фрагментов. Так, во время массовых протестов в Египте на пять дней был полностью отключен интернет. В случае намеренного одновременного повреждения нескольких крупных кабелей, идущих по дну океана, отключить можно целый континент. Однако эта угроза хоть и выглядит внушительно, не так страшна, как контроль над локальными провайдерами — массовое отключение интернета стоит экономике настолько дорого, что власть идёт на него лишь в крайнем случае, когда, как правило, уже поздно.

Общество тотальной слежки

...ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий

Платон, «Государство»

Хотим мы того или нет, завтра мы будем жить в обществе тотальной слежки. И главную роль в этом сыграют информационные технологии. Уже сейчас в развитых странах практически все денежные транзакции отслеживаются и анализируются. Каждый наш шаг в интернете тоже можно отследить. Видеокамеры установлены повсеместно. И это только начало. Но обратите внимание — любые антиутопические сценарии будущего с участием «Большого Брата» предполагают наличие узкой группы нехороших людей, которые могут узнать всё обо всех, но сами остаются в тени, под покровом секретности, государственной тайны или глухих заборов частных охраняемых территорий. Голый человек определённо выглядит жалким и беспомощным, когда за ним наблюдают люди одетые (особенно в форму с погонами). А вот в бане он вполне спокоен и расслаблен. В бане все равны.

И, главное, в одежде ведь толком и не попаришься! Тотальная слежка — очень удобная штука. Чем, как не тотальной слежкой за хозяином, занимаются добросовестные слуги? В хорошем дорогом ресторане официант с вас глаз не спустит — получше любого шпиона.

И нам приятно, когда продавщица в магазинчике за углом, не спрашивая, достаёт из холодильника именно то мороженное, которое мы всегда берём. А вот если нам вечером позвонит незнакомец и спросит с угрозой в голосе: «Гражданин, вы почему сегодня шоколадное на палочке взяли, а не пломбир, как обычно?» Уже как-то неуютно.

Другими словами, мы не ощущаем угрозы от тотальной слежки, если знаем, кто, зачем и почему за нами следит, и уверены в том, что следящий не способен (или не желает) нам навредить. Существующие системы наблюдения и отслеживания наших действий потому и вызывают у нас опаску и недоверие, что они не дают нам таких гарантий. Представьте, что у вас в машине в принудительном порядке установят видеокамеру, картинка с которой будет поступать неведомо куда и использоваться неведомо в каких целях. Возмутительно! А вот автомобильные видеорегистраторы всё большее число людей устанавливает добровольно. Потому, что такой прибор может защитить владельца в случае ДТП.

Уже сейчас, если человек уходит в пустыню или горы, то он берет с собой приборы, которые обеспечивают связь с окружающим миром для его же безопасности. Завтра эти

приборы превратятся в универсальные регистраторы, и мы будем очень неловко себя чувствовать без них. Люди сами будут хотеть, чтобы окружающие знали, где они и чем заняты. В обществе, где будут существовать как люди, которые постоянно протоколируют свою активность, так и люди, которые этого не делают, преступники для своих коварных планов будут выбирать незащищенные жертвы, стимулируя общество к построению такой защиты. В городе, где камеры видеонаблюдения установлены во многих домах, скорее ограбят тот дом, где их нет.

Система «тотальной слежки» с неотключаемой и нерегулируемой функцией слежки за следящими, с гарантией невозможности подделки или уничтожения данных и с полным доступом к любой информации о себе сделает нашу жизнь проще, безопаснее и комфортнее, и при этом максимально осложнит жизнь преступникам, особенно тем из них, которые сейчас именуют себя «элитой». Тем, которые строят систему тотальной слежки (уже без всяких кавычек) ради сохранения и приумножения собственной власти и богатства.

Общественная, независимая от администраторов, работающая на принципах многократного дублирования и распределения информации информационная система, которая будет способна отслеживать, хранить и предоставлять по запросу любого пользователя любую информацию о правовых и информационных отношениях между индивидами, в том числе и информацию о том, кто запрашивал информацию о самом пользователе, является технической предпосылкой к развитию реконизма. Основным доказательным инструментом истинности предоставляемой информации будет являться непрерывность регистрации изменений её состояния. Практически, это будет воспроизводить человеческое понимание истины.

Такая отслеживающая информационная система (ОИС) не должна быть централизованной, такой, в которой у каждого человека или предмета есть некий «главный» аккаунт. С точки зрения викификации и идеологии peer-to-peer, понятие централизованного аккаунта не имеет смысла, как не имеет смысла «логин» в интернет. Аккаунты на конкретного человека есть и в социальной сети, и в супермаркете, и в банке, и в транспортной компании, выдавшей проездной, и в службе такси, и у камеры наблюдения, замечаящей вас каждое утро, когда вы идете на работу, и на работе, и даже у соседа. «Единый» аккаунт можно и подделать, им можно и манипулировать. Множественные аккаунты не манипулируемы.

ОИС возникнет как объединяющая надстройка. Надстройка, объединяющая многие уже сегодня стартующие проекты. Возникнет, как Google возник для Интернет. И, что важно, Google — не единственный поисковик. Так и ОИС не будет чем-то централизованным и единственным. ОИС просто позволит отслеживать историю: «Вышел оттуда, пришел сюда, сделал то-то в этом месте, а оказался в нем, потому что пришел оттуда, а захотел прийти, потому что возникли такие-то потребности, а потребности возникли потому, что получена та или иная информация». ОИС может быть чисто виртуальным термином, описывающим совокупность технических мер, позволяющих людям делиться информацией друг о друге тем или иным способом.

Архитектура системы, основанная на принципах P2P, позволит сети существовать и исполнять свои функции независимо от воли отдельных лиц или организаций. Это защитит исторические данные от манипуляций.

С одной стороны, появление такого «Большого Брата» может угнетать, но, например, о пребывании человека в общественном месте знают практически все проходящие мимо люди, но никак не реагируют на это. Как и каждый человек, в свою очередь, знает, что проходящие мимо люди находятся рядом с ним. Это не пустыня, и количество взглядов не вызывает ни опасения, ни удивления. Каждый из нас совершенно безразличен большинству людей, как и ему безразлично, знают ли они о нем что-то или нет. Однако если о нем пытается что-то узнать близкий ему человек, то он сможет достаточно легко обнаружить это. Невозможность тайной слежки делает слежку бессмысленной.

При этом от ОИС не требуется гарантии абсолютного и тотального учета всего на свете, вплоть до соломинок от коктейлей. Просто рано или поздно возникнет такой уровень отслеживания информации, когда недостающую или не отслеженную информацию можно будет восстановить по имеющейся. Если, например, системе известно, что некий Иванов находится в отпуске за границей, так как она опознала его при пересечении этой границы и не зарегистрировала его возвращения, то она автоматически исключит его из базы поиска покупателей в житомирском супермаркете. Система не даст себя обмануть, если, скажем, Иванов полчаса назад был замечен за покупкой топчана на пляже под Одессой и тут же, в Киеве, человек, во многом похожий на Иванова, с паспортом, во многом похожим на паспорт Иванова, будет покупать в кредит дорогой автомобиль.

При общении с системой будет также распознана речь, на всякий случай, а также проверено, то ли лицо смотрит в видеокамеру. Почему не понадобится серьезное распознавание? Да просто потому, что система, обнаружив в каком-то месте индивида, всегда может отследить, как он добрался до этого места, где был раньше и где был еще раньше. И если логичность и допустимость перемещений непрерывна, то перед нами тот самый Иванов, который вышел из своего дома час назад, 40 минут назад купил билет в метро, 30 минут назад сел в вагон и также был узан камерами слежения, 10 минут назад вышел из поезда, а 5 минут назад его опознала камера на ближайшем к супермаркету перекрестке, к тому же этот человек постоянно носил с собой коммуникатор, зарегистрированный на его имя.

Вещи можно и нужно будет также идентифицировать при помощи отслеживающей информационной системы, при этом вовсе необязательно внедрять в предметы пользования какой-либо физический идентификатор. Просто надо, чтобы ОИС определяла момент приобретения предмета и отслеживала его судьбу по местам появления и исчезновения предмета, соответственно, ставила его на баланс индивида или снимала с баланса.

Распознавать предметы намного легче, чем людей. Разумеется, что снабжение материальных ценностей метками, например радио-идентификационными чипами, сильно облегчит задачи контроля собственности. Такие метки появляются просто потому, что магазинам так удобнее продавать товары. Отсутствие чипа, который должен быть на таком типе товара, на той или иной вещи должно настораживать пользователей ОИС и они захотят отследить, не объявлена ли такая же вещь в розыск, и нельзя ли отследить перемещения нового хозяина к месту, где была последний раз видна пропавшая вещь. Таким образом, наличие меток на всех более-менее ценных вещах является прямым интересом хозяина вещей.

Сложные материальные предметы могут иметь несколько идентификаторов, проставленных на важные компоненты этих предметов. В интересах хозяина дома будет

установка датчиков и камер, доступных для ОИС, внутри дома, чтобы вор, скажем, не спрятал некую ценность в коробку, уничтожив предварительно метку, оставшись незамеченным для системы. Хотя собственно само владение предметом без метки должно настораживать, и тем более этот предмет будет практически невозможно перепродать, так как ОИС не сможет зарегистрировать транзакцию.

Исчезает даже необходимость в замках на дверях, так как достоверно будет известно, кто, когда и куда заходил и когда выходил. И, в случае пропажи и не нахождения вещи, круг подозреваемых лиц сужается до одного конкретного человека, который был рядом с этой вещью перед ее пропажей.

Одинаковые вещи можно продолжать, как и сейчас, метить одинаковыми чипами. Пока вещь новая — безразлично, чья она конкретно. Впоследствии, вещи обрастают характерными чертами, царапинами, пятнами, просто инициалами владельца и даже запахами, и ОИС способна будет легко отследить принадлежность вещи.

Ещё раз подчеркнём очень важную особенность ОИС — искусственные идентификаторы, такие как паспорт, радиометки, штрихкоды, банковские карты и т.д. играют лишь вспомогательную роль. Обладание ими просто облегчает работу ОИС, позволяя во многих случаях вместо ресурсоёмкой задачи по распознаванию образов и отслеживанию истории объекта, обойтись простым считыванием цифрового кода. Современный уровень биометрии позволяет делать такие «фокусы», когда для выдачи денег в банкомате или расчета в супермаркете, никакой дополнительный идентификатор, кроме себя самого, не нужен. Человека можно достоверно опознать по ряду параметров, начиная с отпечатков пальцев и заканчивая рисунком ушной раковины. Корректно работающая система опознавания будет всегда использовать несколько параметров и экспертно оценивать вероятность нахождения того или иного индивида в данном месте.

Даже если вы не узнаны сразу, например, в аэропорту, вернувшись из отпуска с новой причёской и загаром, система скажет себе «Семён Семёныч!» и хлопнет себя по лбу, посмотрев, кому вы позвоните по телефону, по какому адресу едете, кто вас встречает и т.п. Алгоритмы работы системы должны основываться на том, чтобы выделять объект не из всей выборки, а из вероятной, ограничивая, например, круг поиска идентифицируемого среди родственников встречающих. Или среди тех, кто купил обратные авиабилеты еще на Родине, или просто по списку пассажиров, зарегистрировавшихся на рейс. Неопознанный «чужой», сошедший с борта самолета, моментально обзаводится «досье» на себя. Специально снимать отпечатки пальцев или образец голоса никто не будет. Они и так рано или поздно попадут в систему.

В отличие от существующей системы идентификации по паспорту или другим документам, такую многофакторную систему «узнавания» чрезвычайно трудно обмануть. Она может гибко менять степень строгости в зависимости от того, насколько важное действие совершает человек. Например, турникет метро может быть снабжен самой примитивной системой считывания бесконтактных карт, без всяких камер и сканеров сетчатки — даже если эту карту украли, потеря невелика. А в момент оформления кредита можно привлечь тяжёлую артиллерию, вплоть до анализа ДНК и опроса ближайших родственников на предмет вашей аутентичности. И даже если у вас неотличимый от настоящего паспорт на чужое имя, вам он совершенно не поможет.

То, что я — тот, кто я есть на самом деле, доказывает не паспорт, а люди, которые меня окружают от самого моего рождения. Какая бы ни была красивая «легенда» у шпиона, его

всегда можно раскрыть, просто показав его одноклассникам, с которыми он, якобы, учился. В такой системе отслеживания непрерывности истории какие-либо дополнительные идентификаторы будут нужны разве что на всякий случай. Кстати, такая методика идентификации всего и вся делает, как минимум, очень непростым решение задачи редактирования истории. Тот, кто управляет настоящим, не сможет управлять прошлым. При любой попытке переписать историю, так или иначе, нарушится непрерывность. Если не самого объекта, то объектов, его окружающих. Профиль пользователя в социальной сети с достаточно длительной историей его активности в ней, с фотографиями, событиями, друзьями, сообщениями и комментариями, дает больше уверенности в том, кто перед вами, чем паспорт.

У одного из авторов этой книги случилась весьма показательная история. Неловко выезжая задним ходом с парковки, он задел бампером стоящую позади машину. Это был выходной день, и никто не хотел звать милицию и терять полдня на оформление бумаг. Тем более, что ситуация могла быть, при «правильной» договоренности с милицией, перевернута с ног на голову, и будь автор бессовестным вруном, он бы мог начать заявлять, что это в него въехали сзади, а не он ударил машину позади себя.

В то же время, стоимость ремонта машины потерпевшей стороны была не ясна, да и денег таких никто с собой не возил. Автор, видя, что пострадавший водитель — молодой человек и скорее всего знаком с интернетом, предложил ему записать все свои профили в социальных сетях, тут же проверить их наличие с помощью смартфона и разойтись. Если автор обманет пострадавшего, то об этом узнают все его друзья и знакомые. Репутация дороже пары тысяч гривен.

Так и сделали. Пострадавший через неделю выслал автору сканированную копию счета с СТО с указанием стоимости ремонта, а автор перевел пострадавшему деньги на его карточку, не встречаясь больше с пострадавшим. Фактически это было прецедентом совершенно новых отношений, где роль государства как провайдера «насилия ради справедливости» не нужна вообще, а профили в социальных сетях оказались сильнее милицейских протоколов.

Абсолютно прозрачная изнутри, система весьма хорошо защищена снаружи — проникнуть в неё, оставаясь незамеченным или выдавая себя за другого, практически невозможно. Нельзя обмануть систему идентификации, основанную на исторической информации. Все равно, что пытаться вашей маме показывать другого человека и утверждать, что он ее ребенок. Но она же знает, что это не так, потому что наблюдала вас непрерывно от рождения. И паспорт с метрикой или какой-то чип ей не указ. Завтра не будут нужны даже кредитные карты. Зашел в магазин, взял, что хочешь и ушел. Счет придет автоматически.

Кроме того, стандартное удостоверение личности предполагает монополию государства на изготовление таких удостоверений. А где монополия, там и коррупция, и злоупотребления, и неэффективность. ОИС же полностью исключает необходимость не только в паспортах, но и в любых справках и бумажках, лишая чиновников одного из главных рычагов влияния.

Все люди — «Большие Братья»

Возможно, представляя себе описываемое в этой главе компьютеризированное будущее, вы вспомните антиутопии и бесчеловечный ужас, который рисуют авторы произведений в жанре «киберпанк». Однако если присмотреться повнимательнее, то бесчеловечной оказывается именно существующая сейчас система, основанная на отчуждении людей от общества. Система, при которой на мозг надеваются СМИ, создавая иллюзию общества.

Миграция в мегаполисы привела к тому, что мы не знаем ничего о своих соседях и часто даже с ними не здороваемся. Нам и смысла нет выстраивать отношения и следить за репутацией соседей — они через несколько лет съедут. Мы не стараемся присматриваться к коллегам — мы не всю жизнь с ними живем. Вокруг нас не люди с судьбами и репутацией, а «номер паспорта, кем и когда выдан».

Реконизм, наоборот, делает общество человечнее, возвращая его к состоянию, наиболее комфортному и безопасному для существования — состоянию общины, где все друг о друге все знают. Физически человек не может отслеживать много общественных связей^[96] и ОИС в этом случае приходит ему на помощь, привнося комфорт и безопасность именно за счет «очеловечивания лиц в лифте». Это как раз тот случай, когда человечеству на очередном этапе его развития понадобился очередной костыль. Как когда-то понадобились книги, чтобы облегчить запоминание и накопление знаний.

Да, ситуация, когда жизни всех людей открыты друг перед другом, выглядит сегодня фантастично. Вместе с тем фантастичность эта проистекает не из нереализуемости и не из возражений каждого индивида (почти каждый готов открыть свои банковские счета, чтобы видеть счета премьер-министра или олигархов), а со стороны «общественного мнения», что нарушать приватность нехорошо. Каждый конкретно «за», но считает, что «никто на это не пойдет». Так если это реализуемо и приемлемо почти для всех, то почему бы не начать двигаться в этом направлении?

Мысль о том, что люди не пойдут на раскрытие информации о себе (не захотят, фигурально выражаясь, жить в домах с прозрачными стенами), также несколько наивна. Люди уже пошли на это. Причем не взаимно, как было бы правильно, а односторонне. Они уже давно открыли свои счета, все свои денежные движения, но не друг другу, а власти. Не составляет труда отследить каждую копейку семейного бюджета любого добропорядочного домохозяйства. Только как-то нечестно выходит, что твои счета отследить могут, а ты счета представителей власти или преступников — нет. Какая стена честнее? Прозрачная или с односторонним зеркалом?

Тенденции к усугублению контроля оборота товаров и денег — налицо. Вместе с тем будут усугубляться как законы о поддержке приватности, так и общественное мнение о необходимости этого. Другими словами, будет все больше законодательно закрепляться привилегия правящего класса лезть в чужие дела, и лишение этой возможности простых граждан. Выстраивается мораль с двойными стандартами.

Признаки подобной морали везде. В тонированных стеклах, в пятиметровых заборах, в офшорных счетах и т.п. Вот он — реальный инструмент власти. Инструмент этот — монополизация права на информацию, и способ борьбы с преступной властью состоит не в том, чтобы перестать платить налоги или забрать деньги из банков, а в том, чтобы разрешить другим людям знать о тебе столько же, сколько знает власть, и потребовать от власти так же раскрыться.

Может показаться, что взаимная прозрачность полностью уничтожает приватность. Однако именно взаимная прозрачность позволяет людям определять нарушителей тайны личной жизни и привлекать их к ответственности. Таким образом, взаимная прозрачность обеспечивает истинную приватность, в отличие от ее иллюзии-табу, существующей сейчас. Также стоит различать приватность и невидимость. Мы видимы каждому в толпе, но это не нарушает нашу приватность. Наоборот, намного больше внимания мы на себя обратим, идя по улице в маске Гая Фокса или Бэтмена. Вообще никто не задумывается о защите своей приватности, если нет какого-то конкретного сборщика информации, «Большого Брата», в которого можно ткнуть пальцем^[48].

Хорошей иллюстрацией того как реализуется приватность в прозрачном обществе, может быть нудистский пляж или ресторан^[50]. Вроде как все друг другу открыты, однако глазеть на других людей не принято, и действия наблюдателя не останутся незамеченными. Примером реализации защищенности через открытость может быть и практика не запираения дверей в домах маленьких мирных городков. Никто не захочет, чтобы тебя нашли в доме твоего соседа без его разрешения, хотя зайти может вроде бы каждый.

Если человек будет способен знать о том, кто и когда за ним наблюдает, то он будет способен и пресечь само наблюдение и заставить наблюдателя отвечать за свои действия. Тут вопрос не в возможности, скажем, подсматривать за сексом соседей по дому, а в возможности соседей знать, что ты это делаешь прямо сейчас или делал это в прошлом. Вопрос не в том, что каждый сможет подслушать чужой телефонный разговор или подсмотреть переписку. Вопрос в том, что каждый сможет знать, кто и когда подслушивает или подсматривает, сможет также, не спрашивая, выяснить цели этих действий и указать общественности на неэтичное поведение этого человека.

Только зная все об окружающих и о власти, мы можем быть уверены в том, что наши права не нарушаются. Властная элита навязывает совсем другую концепцию приватности, предлагая всем ходить по темным переулкам с закрытыми глазами. Власть рассказывает, что можно рассчитывать на органы правопорядка, которые проследят за безопасностью, покажут кому, как и куда пройти и в какой момент пригнуться, чтобы избежать удара по голове и обещает, что преступники тоже завяжут глаза.

Но преступники на то и преступники, чтобы подсматривать сквозь щель в повязке при каждом удобном случае. При этом они же активно используют вынужденную слепоту честных людей, чтобы скрыть свои преступления. В прозрачном обществе, даже если они смогут совершить преступление, они не смогут воспользоваться его плодами. Если каждая денежная и товарная транзакция записана, как отмыть преступный доход?

Любое общество живет, в первую очередь, нуждами домохозяйств, которые зарабатывают и тратят деньги. Если вы хотите как-то получить выгоду с этих домохозяйств, то вам стоит придумать, как ее получить, не пользуясь деньгами. Трудно представить себе жизнеспособные нелегальные схемы в таких условиях. Наркомафия в любом случае продает наркотики за деньги, которые появляются внутри мафии в тот момент, когда наркоман покупает у дилера очередную дозу. Деньги же — слабое звено наркомафии. Если бы она могла обойтись без денег, а брать за наркотики, скажем, донорской кровью, то так бы уже и было.

Оборот не узнанных (не зарегистрированных, не имеющих истории) товаров плох еще тем, что кто угодно может взять неузнанный товар и объявить себя его собственником. То есть владелец незарегистрированных товаров ставит само свое право владения под угрозу.

«Теневой» оборот при реконизме, наверное, как-то гипотетически, с безумной натяжкой возможен, однако он даст уровень жизни, сравнимый со средневековьем и натуральным хозяйством, ведь очень трудно будет сохранить хоть какую-то репутацию, разъезжая на купленном, на преступные доходы «Майбахе», при том, что каждый может с помощью ОИС убедиться, что твоих «белых» доходов хватает в лучшем случае на «Жигули».

Любой «внесистемный человек», если он реально внесистемный, должен быть вне системы на 100% — не ходить в магазин и даже не приобретать ничего у других людей, ходящих в магазин (так как людям, ходящим в магазин, нужны деньги, имеющие хождение в системе, а не что-то другое). Любая «параллельная экономика» это не просто «теневые взаиморасчеты», но и параллельная система производства благ, так как полная тень означает полный отказ от взаиморасчетов с системой. Если кто-то вне системы, то он и не существует для нее. Системе безразлично.

Активные социальные сети

Отслеживание и учёт — только одна сторона медали. Кроме пассивного сбора информации необходимо активное начало — платформа для совместного принятия решений и координации действий. Серия арабских «твиттерных революций» — первый звоночек. Пока что социальные сети показали свою эффективность для кратковременной координации действий больших групп людей, но для долгосрочного планирования они не очень хороши.

Существующие сейчас социальные сети никак не привязаны к реальным организациям или сообществам. Разумеется, платформы социальных сетей так или иначе поддерживают понятие «группа» или «сообщество», однако не существует ни желаний, ни мотивов, ни инструментов для того, чтобы членами такой «группы» были именно члены реального сообщества. Большинство «друзей» пользователя не являются реальными друзьями, и «дружба» в социальной сети, как правило, не приводит к реальной дружбе людей. У людей, по сути, нет общих реальных интересов. Случаи, когда виртуальное общение завершается реальной коммуникацией, возможны, только если участники социальной сети стали членами какой-то реальной сделки. Кто-то кого-то попросил что-то передать, кто-то с кем-то чем-то поделился, кто-то у кого-то что-то купил или продал, кто-то организовал какое-то общее дело или приобрел общий для всей группы ресурс.

Даже тематические сообщества, созданные, например, из пользователей каких-то реальных предметов, принципиально оторваны от реального мира, и их реальные собрания «в оффлайне» являются именно той самой попыткой избавиться от виртуальности сообщества, членами которого они являются. Верно и обратное — интернет-сервисы, направленные именно на совершение реальных сделок, редко приводят людей к реальным близким отношениям.

Возникает водораздел: сайты делятся на предназначенные для сделок и для общения. При этом реальных сил, удерживающих общающихся в Сети, нет. Никто ни от кого не зависит и «плюсики» в коллективном блоге никак не конвертируются в реальные ценности. Рано или поздно общество пресытится социальными сетями, так как они не являются в прямом смысле социальными. Социальность в них виртуальна и вымышлена. Доверия виртуальным «друзьям» нет, делить с ними нечего, начать и закончить дружбу очень легко, а получать информацию и развлечения можно пассивно, не общаясь и, что важно, не стимулируя к общению остальных участников виртуального сообщества. Общая пассивность сначала уменьшит количество авторов напрямую, а затем существующие авторы, потеряв поддержку аудитории, также перестанут писать. Такое уже происходило в истории человечества, когда расцвело, а затем угасло движение радиолюбителей, представляющее сейчас весьма редкое явление. Социальные сети могут потерять популярность и, в любом случае, должны эволюционировать.

Напрашивается вывод, что единственным путем, по которому могут пойти социальные сети, будет их «девиртуализация». Путь, при котором участниками сетей будут члены именно реальных сообществ, а сами сети будут представлять собой сложное переплетение реальных групп, объединенных общим членством людей в нескольких группах одновременно. С другой стороны, реальные сообщества не имеют мотивов уходить в виртуальность. У них есть вполне конкретные земные потребности. Также реальное сообщество не получает никакой «добавочной стоимости» от того, что оно присутствует и в Сети. Члены реального общества получают более качественное общение, и обсуждать что-то еще, смысла нет.

Если понять, откуда берутся реальные общества и что именно собирает людей вместе, то можно предположить, какую именно «добавочную стоимость» стоит предложить именно реальным сообществам, чтобы они вышли в Сеть. Возможно, реальные сообщества объединяет некая идея? Похоже, что нет. Сотрудники компаний часто не объединены общей идеей, а тем более не объединены идеей жильцы одного дома.

Общие цели? Возможно. Существует общая цель у пассажиров междугороднего автобуса — добраться из пункта А в пункт Б, но единственное, что их объединяет — сам автобус. Видимо, все дело именно в «общем автобусе». Любая реальная общественная структура строится вокруг некоего общего ресурса, которым эти люди пользуются или который эти люди создают. Даже идеологически ориентированные организации становятся организациями тогда, когда они начинают собирать членские взносы и решать, как именно их потратить. До этого у людей нет каких-то общих интересов, но есть лишь общее мнение.

Выходит, что ключевым недостатком существующих социальных сетей является отсутствие объединяющего их общего ресурса и проистекающая из этого не связанность людей с виртуальной группой, членами которой они являются. Таким образом, действенным методом «виртуализации» реальных сообществ будет предложение некоего инструмента, облегчающего совместное пользование реальным ресурсом и управление им.

Можно представить себе интернет-сервис, предназначенный для объединения людей вокруг некоего общего ресурса и для выработки решений, связанных с управлением этим ресурсом. Сервис будет являться торговой площадкой для поставщиков ресурсов,

подрядчиков, организаторов. Он должен быть репутационно управляемым, когда пользователи сервиса опираются в своих решениях как на числовую репутацию (карма, значки), так и на естественную, которую можно отследить по активности пользователей сервиса, их записям, комментариям, инициативам и отзывам.

При этом пользователи могут быть членами разных ресурсо-зависимых групп, быть поставщиками ресурсов, быть администраторами ресурсов. Восходящий информационный поток поддерживается естественным устройством сервиса, выстроенным с учетом опыта социальных сетей. Мобилизация групп и ликвидация эффекта безбилетника производится за счет введения в оборот нового стимула — цифровой репутации. Стимулируемая группа превращается из латентной в мобилизованную и способную быстро принимать оптимальные решения.

Отчуждение администрации от хозяев ресурса ликвидируется за счет «мгновенности» их полномочий, прозрачности их деятельности и открытости обсуждения их деятельности. Люди следуют мнению тех или иных экспертов по затрагиваемым вопросам, используя механизмы социальных сетей («мне нравится», карма, репутация). Выбор лидера производится каждым человеком так, что он может сменить свои симпатии в любой момент, что лишает лидера «лишнего веса» в обсуждении решения и не дает почвы развитию отчуждения лидера от последователей.

Мотивация пользователей на участие в сервисе — прямая экономическая выгода и удобство принятия важных коллективных имущественных решений.

Также пользователи мотивированы полным контролем над результатом совместной деятельности. Они все имеют возможность участвовать в проекте решения, они могут оценить результат воплощения идеи и соответственно оценить работу лидеров и администраторов, что приведет к росту их репутации при положительном исходе и к падению таковой — при отрицательном.

Сами решения и их воплощения, включая бухгалтерию, полностью прозрачны и доступны для интересующихся.

Как сейчас принимаются коллективные решения? Например, жильцы дома решили поставить во дворе шлагбаум. Сейчас это выглядит, как поход одного из активных жильцов по всем квартирам с предложением собраться вечером во дворе и обсудить детали. На собрании присутствует половина или и того меньше приглашенных, активист озвучивает идею и приводит одно или несколько возможных решений. Часто решение, которое он пропагандирует, является субъективным и содержит элементы коррупции. В любом случае, находится человек, который скажет «Я согласен, но это слишком дорого. Я сам посмотрю, сколько это стоит». Решение затягивается еще на пару месяцев. Рано или поздно люди собирают половину требуемой суммы, доверяя активисту. Остальные деньги докладывает кто-то состоятельный, с надеждой истребовать долги потом. Главное — чтобы шлагбаум работал. В конце концов, шлагбаум устанавливают. Кто-кто отлынивает от оплаты, но об этом забывают. Кто-то говорит «а у меня нет машины, мне и не надо». Кто-то заплатит больше, а кто-то меньше. Времени от идеи до решения тратится очень много, само решение безупречно, а общего участия так и не добились.

Как может быть? Существует сервис, в котором представлено сообщество жильцов дома, которые уже объединены общим ресурсом (дом) и совместными расходами на его содержание (квартплата). На общей «доске» кто-то из жильцов пишет, что неплохо бы

поставить шлагбаум. Его сообщение «нравится» некоторому количеству других жильцов. Начинается обсуждение идей. Наконец пара человек находит на этом же сервисе поставщиков шлагбаумов, и все видят их репутацию, цены, отзывы, образцы работ. Люди решают, какой шлагбаум у кого заказать и используют кнопки «мне нравится» или «мне не нравится». Наиболее инициативный, по результатам обсуждения, открывает новую группу под новый ресурс — шлагбаум — и приглашает остальных в нее вступить. Видна стоимость шлагбаума. Видно, что как только будут собраны нужные деньги, сервис автоматически произведет оплату ресурса.

Сам ресурс после его приобретения передается в пользование всем жильцам дома. При этом все платят «арендную плату» за использование или поддержание нового ресурса, а «акционеры», то есть те, кто не пожадничал вначале заплатить за шлагбаум, получают компенсацию от незаплативших жильцов, растянутую во времени и носящую характер инвестиционного дохода. Если заплатили все, то «арендная плата» должна компенсировать «инвестиционный доход». Если кто-то, кто мало появляется в доме, не заплатил за шлагбаум, то он платит «аренду» в зависимости от того, сколько раз он проехал под шлагбаумом или ежемесячно.

Последствия этого проекта будут видны в обсуждениях, которые будут формировать репутацию пользователей, вес их голоса, авторитет, серьезность. Отзывы о работе поставщика будут доступны всем пользователям сервиса, а не только членам какого-то сообщества.

Ещё пример: автобусный маршрут. Что происходит сейчас? Автобусы отправляются по расписанию. При этом поездки в непиковое время убыточны для перевозчика, а поездки в пиковое время неудобны для пассажира. Идеально предсказать спрос и предложение и подогнать соответствующую спросу или предложению технику невозможно. Заплатить столько, сколько реально стоит поездка, также невозможно. Заказать маршрут, который кажется группе пассажиров полезным, но его прибыльность не очевидна для перевозчиков, невозможно тоже.

Как может быть? Существует сервис, на котором поставщики услуг перевозки показывают желаемое ими расписание движения своих машин. Люди могут записываться на тот или иной рейс, формируя группы по использованию общего ресурса. Соответственно, стоимость поездки для одного пассажира будет возрастать, если рейс «экзотичен» и требует всего-то одной легковой машины-такси, и будет падать, если рейс востребован. Перевозчики не рискуют и поэтому не спекулируют стоимостью поездки в пиковое время, чтобы компенсировать непиковое. Вместе с тем для сохранения репутации, перевозчики должны вести свою деятельность полностью прозрачно. Их репутация формируется отзывами пассажиров.

Сами пассажиры, по инициативе одного из пользователей сервиса, могут формировать новый рейс или новое расписание, а перевозчики могут подряжаться на этот рейс. Предварительная оплата или согласие на автоматическое списание средств после формирования заявки является гарантией для перевозчика. Пассажирам могут предлагаться варианты вроде «я готов заплатить меньше, но уехать позже/раньше/в пределах часа». Пассажиры могут пропагандировать при помощи социальной сети свой рейс, чтобы пригласить еще людей на него и тем самым удешевить его для себя. Пассажиры могут выкупать рейс у перевозчика, инвестируя, таким образом, в рейс или в

целое расписание и получая инвестиционный доход от продажи мест на автобус для других пассажиров.

В конце концов, группа людей, организовавшихся вокруг ресурса «маршрут А-Б и обратно» могут сами, при помощи инициативного администратора, найти водителя и автобус, заплатив ему за регулярные поездки по маршруту и заработав на продаже этого ресурса остальным пользователям и самим себе. То есть если пользоваться будут все одинаково, то и платить будут все одинаково. А если кто-то заплатит «учредительный» взнос, но будет пользоваться автобусом больше или меньше остальных, то и заплатит он больше или меньше остальных.

С точки зрения конечного пользователя сервис очень похож на гибрид социальной сети с интернет-магазином и платёжной системой, реализующей оплату по подписке. Вместе с тем это не просто социальная сеть, а отражение реальных взаимосвязей людей. Вот ключевые отличия такой сети от обычной:

- группы формируются на базе общего ресурса, а не по интересам;
- все участники идентифицируются по своим настоящим именам и реквизитам, никаких виртуалов, аватаров или ником;
- репутация участников отслеживается на постоянной основе и не ограничена пределами одной конкретной группы. Например, информация о том, что поставщик качественно и в срок выполнил контракт, доступна всегда и всем независимо от того, в каких группах они состоят.

Такая система может стать платформой, заменяющей собой регистрационную процедуру, да и всю уставную деятельность (собрания, наблюдательные советы, ревизионные комиссии) для товариществ или акционерных обществ. Ведь, по сути, все уставные документы регистрируются в органах власти для обеспечения их неизменности, а все документы предприятия являются лишь отражением записей в существующих реестрах. Например, в Сингапуре^[97] уже сейчас все подобные процедуры проводятся через интернет и понятия «сертификат акций» там нет, так как каждый может зайти на сайт и посмотреть состав АО, количество акций, устав, деятельность, отчетность. Все прозрачно и без бюрократии. Акционерное общество ведь — не что иное, как группа людей (или других обществ), собравшаяся для совместного использования ресурса. Однако, акционеры, нуждаясь в администрации, всегда будут соглашаться на коррупционные потери, так как у них нет (вернее, не было до сих пор) других вариантов.

Практика взятия расходов на себя, проистекающая из постепенной потери доверия к действующей бюрократии, будет приводить к тому, что все большему числу групп с возрастающей их численностью будет удобнее сброситься деньгами и сделать что-то, чем ждать, пока чиновники построят дорогу, электростанцию, корабль, железную дорогу. С развитием систем массового учета и активных социальных сетей, можно будет реализовывать всё более крупные проекты. И если вдруг жителям города захочется построить мост — они его построят. Ведь мост — это инвестиция и, сделав пользование им платным (а с развитием технологий учета отследить, кто пользовался и сколько пользовался мостом, проблем не составит), можно обеспечить себе спокойную старость. В конечном итоге, государство как необходимая надстройка, существующая для администрирования распределения налогов, будет практически не нужна. Люди сами разберутся где, как и на что тратить деньги.

Сеть будущего

Под словом «Интернет» чаще всего понимают World Wide Web или всемирную паутину. Но это не одно и то же. Сеть Интернет заработала 29 октября 1969 года, а всемирная паутина стала общедоступна в Интернете в 1991. Она является одним из многих сервисов, которые предоставляет Интернет, наряду с почтой, мгновенными сообщениями, голосовой и видеосвязью, файлообменом. Но именно всемирная паутина сейчас стала синонимом интернета, а лежащий в её основе протокол HTTP используется сейчас наиболее широко. И используется, честно говоря, не по назначению. HTTP расшифровывается как «протокол передачи гипертекста». Его автор, Тим Бернерс-Ли, создавал паутину как сеть взаимосвязанных документов, пронизанную гиперссылками. Что-то вроде глобальной библиотеки. Но Интернет уже давно перерос этот этап. Сеть сегодняшнего и завтрашнего дня — это не сеть документов, не библиотека, а чрезвычайно сложная модель реального мира, его полноценное отражение, в котором документы играют лишь незначительную роль. Это — сеть людей, вещей, денег, идей, мест, корпораций, государств, их взаимоотношений и сочетаний.

Современные веб-приложения не имеют почти ничего общего с сайтами пятнадцатилетней давности. Концепция пронизанной гиперссылками глобальной библиотеки давно устарела. Facebook — это не библиотека, так же как и Twitter, Google, Amazon. Сегодня множество сервисов, построенных на базе протокола HTTP, не имеют никакого отношения к гипертексту. Требуется новый набор базовых конструкций, гораздо более общий и универсальный, чем документ и гиперссылка.

Социальность, репутация, электронные платежи и торговые системы, криптография, обмен файлами и сообщениями, хранение и синхронизация файлов в облаках, голосовая и видеосвязь, группы и круги по интересам, поиск, фильтрация и рекомендации в той или иной мере используются практически на каждом достаточно развитом сайте. Некоторые из этих функций, например криптография, уже вошли в состав базовых протоколов, большинство же либо реализуется каждый раз заново силами программистов сайта, либо берется в готовом виде у крупных поставщиков — поиск от Google, социальные кнопки от Facebook, платежи от PayPal. Почти все эти функции пока сильно централизованы и зависимы от воли небольших групп лиц. Чем это угрожает, хорошо было видно на примере истории с преследованием Wikileaks. Во время публикации секретной переписки дипломатов США сайт wikileaks.org подвергся мощной DDoS-атаке, под давлением властей США администратор доменной зоны .org EveryDNS заблокировал его домен, руководство Amazon.com отказалось предоставлять услуги хостинга, Bank of America и платёжные системы PayPal и Moneybookers заморозили счета Wikileaks, Visa и Mastercard заблокировали переводы пожертвований. Сайт продолжал работать только благодаря тому, что добровольцы создали и поддерживали больше тысячи его копий («зеркал») по всему миру. Если бы правительство США смогло ещё и подвергнуть цензуре выдачу поисковых систем, доступ к сайту удалось бы практически полностью перекрыть.

Для сети будущего жизненно необходима децентрализация этих функций. Только тогда сеть не будет разделена корпоративными и государственными границами на легко управляемые и уязвимые сегменты. Только тогда информационные технологии смогут стать прочным фундаментом для нового общественного строя.

То, что в основе архитектуры сети должны лежать распределённые технологии, не исключает наличия крупных и очень крупных сайтов или дата-центров, но снижает зависимость от них, что в конечном итоге может служить гарантией их неприкосновенности. Власть будет понимать, что, закрой сегодня Google, Facebook или Twitter, завтра (буквально завтра!) их место займет распределённая структура. Пусть

менее эффективная, но зато без какой-либо возможности контролировать её и договариваться с руководством, по причине отсутствия такового. Само наличие распределенных сервисов будет заставлять власть вести себя лояльно по отношению к крупным интернет-корпорациям. Сейчас крупнейшие узлы в интернете напоминают небоскрёбы посреди пустыни. В будущем они никуда не исчезнут, но их будет окружать «малоэтажная застройка», помогающая им, подстраховывающая и дублирующая их. Так же как и в файлообменных сетях или сети Skype большую часть ресурсов предоставляют компьютеры обычных пользователей, но при этом никто не запрещает за дополнительную плату воспользоваться услугами облачных провайдеров или дата-центров.

Вместо документов ключевым объектом такой распределенной сети может быть более абстрактная единица, назовём её просто «ресурс». Ресурсом может быть всё, что угодно — документ, запись в блоге, файл и даже объект реального мира. Для управления этими ресурсами и их описания используются метаданные. Файл с метаданными, или метафайл должен играть роль, которая сегодня разделена между системой доменных имён, поисковыми системами, торрент-трекерами, Википедией, системами учёта репутации и рейтинга. Это «этикетка», на которой написана вся существенная справочная информация о ресурсе. Такими же «этикетками» или, если хотите «паспортами» можно снабдить учетные записи пользователей или других активных участников сети, обобщённо назовём их «агентами».

Метафайлы и ресурсы, принадлежащие, или имеющие любое другое отношение к конкретному пользователю, могут храниться как в дата-центрах, предоставляющих услуги на коммерческой основе, так и в облаке, состоящем из компьютеров самого пользователя и его друзей, коллег или родственников. Уже сейчас подобную схему используют файлообменные и распределённые социальные сети, например Diaspora (<http://diasporaproject.org/>)

Каждое обращение к ресурсу фиксируется в его метафайле, а сам ресурс, вместе с копией метафайла, некоторое время хранится на том компьютере, хозяин которого обратился к ресурсу. Таким образом, любая востребованная информация многократно дублируется.

С помощью датчиков, сканеров, видеокамер и микрофонов в сеть попадают данные о людях и объектах реального мира — идёт отслеживание истории, так же, как и в случае с ресурсами внутри сети. Уже сейчас существуют многокамерные охранные системы, которые отслеживают историю перемещения объектов между разными камерами. Узлы, снабжённые камерами и датчиками, смогут делать это в масштабах целого города или страны. А так как сеть децентрализована, такая информация не сможет быть монополизирована никем.

Информация о том, какими ресурсами интересуется агент, накапливается и служит для облегчения и ускорения поиска похожей информации в фоновом режиме. Кроме того, такой агент сам начинает помогать другим искать информацию, соответствующую его интересам.

Предположим, что пользователь вводит запрос в строке поиска. Поиск ресурсов, соответствующих запросу, происходит в два этапа. На первом этапе находятся узлы, наиболее близкие семантически к запросу пользователя. На втором — эти узлы возвращают список ресурсов, наиболее релевантных запросу.

Другими словами, если кто-то хочет найти информацию о рыбалке, то он сначала находит агентов, принадлежащих заядлым рыбакам, а потом эти агенты снабжают его всей необходимой информацией. Их авторитет и репутация, заработанные в ходе всей

предыдущей сетевой жизни, служат гарантией релевантности выдачи. Поисковый спам в такой системе практически невозможен.

Далеко не всегда можно получить исчерпывающий непротиворечивый ответ. Как правило, по любому вопросу есть несколько разных, часто взаимоисключающих мнений. Было бы неправильно с помощью какого-либо алгоритма пытаться вычислить самое лучшее решение, так как это искажает реальную картинку. Информация о том, что единого мнения не существует — весьма существенна для принятия решения. Пользователя нельзя лишать такой информации. Для выявления таких групп с разными мнениями необходимо проводить кластерный анализ^[98], позволяя людям с противоположными позициями не конфликтовать, а конструктивно сосуществовать.

Преимущества кластеризации групп со схожими интересами, но противоположными мнениями еще и в защите от спама и накруток. Любой субъект, пытающийся создать армию виртуалов, мягко и ненавязчиво изолируется от остального мира в своём кластере, где он и его боты могут до посинения плюсовать друг друга и забрасывать постами с рекламными ссылками. То же самое относится и к гиперактивным сетевым сумасшедшим.

В состав информации, содержащейся в метафайлах, могут входить оценки («+1») пользователей. Они могут сопровождаться уточняющими ярлыками или ключевыми словами. Таким образом, формируется репутация агентов и оценки ресурсов, гораздо более совершенные, чем сегодняшние «одномерные» цифровые карма или рейтинг. Во-первых, наличие отдельной цифры по каждому ключевому слову поможет избежать ситуации, когда из-за низкого рейтинга по одному показателю, останется незамеченной высокая оценка по другому. Во-вторых, становится возможным отследить, кто ставит плюсы или минусы, и тем самым исключить возможность случайных флуктуаций, вызванных набегом «толпы хомячков», не разбирающихся в вопросе. Более того, репутация может считаться индивидуально для каждого запроса. Например, некто выбирает врача, у которого хочет лечиться. Система сможет построить цепочку доверия между пациентом и врачом, найдя, среди друзей пациента несколько человек с медицинским образованием, а среди «друзей друзей» — человека, который однажды лечился конкретно у этого врача. Их оценки и отзывы будут иметь гораздо больший вес, чем оценки случайных людей.

Кроме того, сами алгоритмы, по которым будут рассчитываться рейтинги и репутация, можно будет выбирать и сравнивать друг с другом, и даже смешивать результаты в определённых пропорциях. Сомневаешься? Переключись на другой алгоритм рекомендаций и проверь. Вообще не доверяешь алгоритмам? Используй рейтинг, составленный вручную каким-нибудь экспертом или профессиональным сообществом. Примерно как в боксе, когда при одинаковых базовых правилах и технике есть множество версий и форматов соревнований — все эти WBA, WBO и WBC. И точно также как в боксе могут проводиться объединительные бои чемпионов разных версий, можно выбирать, какой алгоритм использовать для обработки общедоступных базовых метаданных. Тогда сразу будет видно, кто есть кто. Будет здоровая конкуренция между алгоритмами.

Сейчас поиск релевантной информации в сети осуществляется либо по доменному имени, либо через Google, либо через структурированные каталоги вроде Википедии, либо пассивно — через стену Фейсбука или твиты. Система метафайлов, формирующих «семантическую карту» сети, сочетает сильные стороны всех этих подходов^[99].

Так как поиск происходит в два этапа (сначала — агенты, потом — ресурсы), пользователь в придачу к информации получает и новые связи и контакты — активно интересуясь какой-либо темой, человек автоматически становится частью сообщества,

которому эта тема интересна, без необходимости регистрироваться на тематических форумах, вступать в группы и т.д.

Сеть должна вести учет всех своих физических ресурсов (мегабайты, мегабиты и т.д.) и их потребления участниками. Общий баланс сети на сколько-нибудь продолжительном отрезке времени всегда должен сходиться. По аналогии с мегабайтами и мегабитами можно подключить любые другие материальные ценности — доллары, евро, товары, услуги. Для обмена ресурсами нужны биржи и платёжные системы. Встроенная в базовые структуры сети система микроплатежей, микрокредитов и биржа ресурсов позволит практически избавиться от неудобств, связанных с оплатой любого контента и значительно снизить цену на него, а значит — решить проблему пиратства. У подавляющего большинства людей удобство пользования легальной и всеобъемлющей базой цифрового контента перевесит желание сэкономить несколько копеек, скачав бесплатно, и испортить себе репутацию. Необходимым условием работы такой схемы является гарантия того, что цена на любой контент должна оставаться нечувствительной для пользователя, чтобы можно было качать, без опасений получить крупный счёт в конце месяца. Примерно так же как мы сейчас оплачиваем электричество. Цена киловатта — величина практически постоянная.

С другой стороны, в отличие от стандартных киловатт, качество того, что мы качаем в сети, может сильно варьироваться. Чтобы учесть это, можно предусмотреть механизм формирования цены контента в зависимости от его оценок и отзывов. Такой механизм можно назвать краудпрайсингом (англ. crowd pricing).

Итак, уже в ближайшие годы станет возможным создание распределённой информационной системы глобального масштаба, которая будет содержать достаточно точную и подробную модель реального мира, чтобы обеспечить всеобщий учёт и отслеживание людей, предметов и товаров как внутри сети, так и вне её, вычисление многомерной (наподобие параметров персонажа в ролевой игре) и контекстно-зависимой репутации людей и организаций, оплату любых товаров и услуг, финансирование любых проектов, обсуждение и коллективное решение любых вопросов в реальном времени без долгосрочного делегирования власти.

Такая система сделает возможным скачок в развитии человечества, сравнимый по значимости с неолитической революцией. Она станет, фактически, нервной системой нашей планеты, объединив всё человечество в структуру, более прочную, чем любое государство прошлого и настоящего, и при этом несравненно более гибкую и свободную.

Подобно тому как машины и механизмы в тысячи и миллионы раз увеличили физическую силу человека, письменность — объем памяти, а компьютеры — скорость вычислений, такая система сможет на много порядков увеличить число Данбара, превратив всю планету в «глобальную деревню», где все друг друга знают и все друг другу доверяют.

Число Данбара — биологическое ограничение на количество постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать. Поддержание таких связей предполагает знание отличительных черт индивида, его характера, а также социального положения, что требует значительных интеллектуальных способностей. Лежит в диапазоне от 100 до 230, чаще всего считается равным 150. Величина названа в честь английского антрополога Робина Данбара, который и предложил это число^[96].

Источник: Dunbar, R.i.m. Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates" ^[96]

Децентрализация

Если идея открытости и размытия границ приватности обычно вызывает эмоциональное сопротивление и страх, то идея децентрализованного принятия решений и управления проектами чаще провоцирует рациональные возражения. Вроде бы никто не против, но и энтузиазма особого не наблюдается, ведь известно, что отсутствие сильного лидера чаще оборачивается бардаком и базаром, а не плодотворной работой. Но не всё так печально.

Большинство из нас редко сталкивается с вопросами управления и принятия решения в больших группах. Маленькая команда действительно работает гораздо продуктивнее, если её члены соглашаются подчиниться лидеру, а не устраивать дискуссию и голосование по любому вопросу. Автоматически мы переносим эту же модель и на большие группы. Вернее, она сама переносится. Это не сознательное решение. Мы так устроены генетически — достаточно собрать вместе несколько человек, и волосатая обезьяна внутри нас тут же полезет выяснять, кто главнее. Но возникновение властной пирамиды — следствие, а не причина объединения людей во всё большие общественные структуры. И то, что эта пирамида, кроме присущих ей органически функций перераспределения ресурсов от слабых к сильным, всегда несла ещё и полезную нагрузку, вызвано лишь отсутствием альтернативы. Единственным доступным механизмом принятия коллективных решений было вече. А вече не масштабируется в принципе^[17]. Экологическая ниша для общественных структур, превышающих размером несколько сотен человек, была абсолютно пуста. И её заполнили громоздкие, неэффективные иерархии с «солнцеликими» царями и вождями во главе. У людей не было способа выработки коллективных решений и реализации их иначе как с помощью властной вертикали.

Рост коэффициента полезного действия таких структур, то есть полезности их для всего общества в целом, а не только для элиты, и рост их масштаба происходили в направлении ограничения власти и децентрализации^[100]. Например, наиболее значительный рост территории и влияния Древнеримского государства приходился на период республики. Императоры начали править Римом уже после того как он стал сверхдержавой. Превращение города Рима в гигантское государство неразрывно связано с системой Римского права, частью которого была республиканская форма правления. Рим стал первым в мире правовым государством, которое управлялось в соответствии со сводом законов, созданным путем коллективного обсуждения, а не «спущенным сверху» добрым царём. Результат говорит сам за себя.

Римское право

Римское право явилось образцом или прообразом правовых систем многих других государств, стало исторической основой романо-германской (континентальной) правовой семьи. Основным принципом Римского права является утверждение, что государство есть результат установленной договорённости между гражданами государства в целях решения всех правовых вопросов согласно заранее принятым общим консенсусом правилам. Этот принцип Римского права лёг в основу такой формы власти как республика, которая является на сегодняшний день самой распространённой. Римское правосознание рассматривает справедливость, выводимую из равноправия как основной принцип правореализации.

В Римской Республике была разработана трёхэтапная законотворческая процедура. Правом законодательной инициативы обладал каждый магистрат. Законопроект вывешивался им на Римском форуме, где римляне могли ознакомиться с ним и обсудить его. Все предложения по изменению законопроекта могли быть переданы самому магистрату. Затем народное собрание всеобщим голосованием принимало или отклоняло законопроект. Сенат как исполнительный орган Рима, осуществлял проверку процедуры принятия, при отсутствии нарушений закон вступал в силу. Некоторое время эта процедура с той или иной долей фикции сохранялась и в Римской империи. Затем законотворческая функция укрепились в руках императора при некотором участии сената.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Римское_право

Ещё одна великая империя древности — Персия времён династии Ахеменидов — использовала другой механизм децентрализации власти. Персидская империя состояла из так называемых «сатрапий» — административно-территориальных единиц, имевших весьма широкую автономию^[101]. Отношения между сатрапом и царём напоминали отношения вассала и сюзерена, а саму империю сегодня назвали бы федерацией или даже конфедерацией.

«Единственная сверхдержава» современности, США, возникла и достигла такого успеха во многом благодаря применению на практике идеи разделения властей как по горизонтали — на законодательную, исполнительную и судебную ветви, так и по вертикали — местные власти имеют очень широкие полномочия.

Изобретаемые человеком искусственные механизмы, ограничивающие разрушительное стремление «волосатой обезьяны» к беспредельному доминированию (верховенство права, разделение властей, права человека, регулярные выборы) делали возможным существование всё менее централизованных и всё более эффективных структур. Как было показано в предыдущей главе, развитие информационных технологий готовит почву для качественного скачка в этом направлении. Что может вырасти на этой почве?

Один из возможных при реконизме вариантов принятия коллективных решений возник в конце XVII века в Англии. Появление компьютерных сетей позволяет значительно расширить область его применения. Речь идет о рынке страхования Lloyd's of London. Довольно часто Lloyd's ошибочно считают страховой компанией, тогда как на самом деле это площадка, на которой встречаются страховщики и страхователи и заключают договоры по определённым правилам^[84].

Принцип Lloyd's

Lloyd's получил своё название по имени Эдварда Ллойда, владельца лондонской кофейни, которая была популярна у моряков, купцов и судовладельцев. Здесь же часто заключались договоры страхования судов и грузов. Lloyd's изначально создавался как «кооператив» физических лиц, готовых нести ответственность всем своим имуществом за риски, которые они подписались страховать. От слова «подпись» (англ. underwrite) и пошло название их работы: андеррайтер. Разумеется, что у каждого конкретного андеррайтера кишка тонка, страховать целый корабль, и он мог бы принять ответственность на страхование, скажем 10% от его стоимости с тем, что остальные доли застрахуют другие андеррайтеры. Потому Lloyd's и есть «кооператив» — в одиночку большие риски страховать слабо, а «гуртом і батька легче бити».

Когда андеррайтер принимал риск на страхование, он писал, что готов застраховать часть риска по определенному тарифу согласно определенным стандартным условиям страхования. И, если корабль стоил 3000 фунтов, а андеррайтер был готов взять на себя 0.1 риска по тарифу 2%, то этому андеррайтеру причиталось $3000 \cdot 10\% \cdot 2\% = 6$ фунтов страховой премии, и он обязывался выплатить 300 фунтов при наступлении убытка. Другие андеррайтеры разделяли между собой остальные 0.9 суммы, возможно ещё более мелкими кусками. Со временем этот механизм распределения риска развился настолько, что сегодня один завод, самолет или корабль страхуют не 10 и не 100, а иногда тысяча андеррайтеров, часть из которых объединилась в синдикаты.

Такой способ страхования очень надежен — маловероятно, что значительная часть андеррайтеров не смогут выплатить по риску ввиду полного обнищания. Сами лимиты, в пределах которых андеррайтер был способен принимать риски — строго контролировались братьями по цеху, также Lloyd's контролировал честность андеррайтера, а само решение о выплате принималось не андеррайтером, а аварийными комиссарами, которые руководствовались правилами страхования. Было важно, чтобы набор рисков, (пожар, буря, захват пиратами) и правила страхования были обозначены до того как андеррайтеры начнут подписываться под риском — чтобы не вышло, что разные андеррайтеры имели в виду разные условия страхования, и страхователь, таким образом, не получит всю страховую выплату. Андеррайтеры, разумеется, не бегали по портам и судовладельцам, а сидели в своих офисах. Бегали брокеры. Их работа — оббежать рынок и разместить 100% риска, за что и получить свои комиссионные от клиента.

Возьмем более современный пример. Пусть требуется застраховать самолет Ту-154, 1982 года выпуска, летающий регулярными рейсами из Абдаллабада в Москву. 50% андеррайтеров не знакомы с тем, что такое Ту-154, 70% боятся слова «Абдаллабад», еще 65% напрягает слово «Москва», а 30% особо осведомленных в курсе, что на Ближнем Востоке может возникнуть война. В целом это называется — неуверенность в риске или незнание риска. У них нет ни информации, ни аналитики, ни статистики убытков. Они, конечно, могли бы покопаться с неделю и составить для себя картину риска, но им лень. Они лучше подпишут от пожара какие-нибудь бетонные балки на дне Тихого океана и будут счастливы. Это как игра в преферанс. Недозаказа не бывает.

Работа брокера в данном случае заключается в том, чтобы найти одного-двух андеррайтеров, имеющих представление о риске. Этих ребят называют «ведущий андеррайтер» или leading underwriter. Тот, кто первым подпишется и поставит на бумаге, скажем, 0.03% самолета по тарифу 2%. Брокер может вытереть холодный пот со лба,

поблагодарить мэтра и пойти по рынку, собирая подписи менее уверенных андеррайтеров, а потом, когда половина риска размещена, можно идти по новичкам, показывая им, что всё путём и волноваться нечего.

Брокеры, перед походом на рынок, имеют свои ритуалы. У них есть ритуальные кафешки, где они должны выпить кофе, ритуальные тусы, ритуальные манеры и т.п. Они волнуются. Если не найдешь ведущего практически сразу, то рынок будет знать, что кто-то пытается разместить что-то, от чего отказалось уже некоторое количество неглупых андеррайтеров. Перспективы кислые. Комиссию брокеру платят страхователи, а не страховщики. Платят именно за размещение риска. А страховщики работают с брокерами благодаря их репутации. Ведь именно брокер будет урегулировать убытки. Именно брокер отвечает за полноту информации о риске, именно брокер согласовывает то, какие конкретно правила страхования надо использовать. Это не наши, украинские, «20% ни за что», а реальная плата за реальную работу.

Получив представление о том, как работает Lloyd's, можно попытаться моделировать систему управления, в которой выборная власть отсутствует в принципе. Мы помним из предыдущих глав, что общество формируется именно вокруг управления общественными благами. Например, нам надо распределить бюджет. Каждое домохозяйство внесло свою сумму налогов в прошлом году и, в принципе, все могут рассчитывать на то, что приблизительно такой же суммой можно будет распорядиться и в следующем, предусматривая некий рост своих доходов. Сумма всех возможных к уплате налогов от всех домохозяйств и есть бюджет. Куда потратить деньги? На какие статьи?

Тут в работу включаются те, кто хочет бюджетных денег — конкретные врачи, строители, дорожники, энергетики, военные и т.п. Им надо собрать у населения деньги под свои проекты. При этом разумеется, за ремонт дороги Житомир-Коростень голосовать будут жители именно этих городов плюс бизнесмены, которым эта дорога нужна в транзитных целях. Дорогу будут хотеть построить несколько компаний. Каждая хочет денег. Кто побежит по «рынку» их просить? Побегут брокеры. Они пойдут убеждать людей в том, что какую-то долю их налогов стоит отдать именно на этот проект и именно этому исполнителю проекта. Надо ли им всех убеждать? Нет. Рано или поздно выдвинутся признаваемые обществом профессионалы, ведущие, к мнению которых люди будут прислушиваться.

Оббегать всех физически уже не надо — достаточно иметь некое приложение в интернете наподобие социальной сети (Иванову нравится потратить 0.1% своих доходов на постройку моста (ссылка на проект) через Днепр в Запорожье. Нажмите «Мне нравится» и станьте первым среди своих друзей, кому это понравилось).

Или представим себе, что рассматривается вопрос строительства дорожной развязки. Какой проект принять за основу? Кому что нравится? В конце концов, развязка строится за конкретные деньги конкретных налогоплательщиков. Так пусть они, налогоплательщики, и проголосуют за ту или иную развязку (подпишутся под тем или иным проектом, доверяя тому или иному исполнителю, той или иной смете). Причем, все население участвовать в финансировании развязки не должно. Людям из Шепетовки, если они не посещают Киев еженедельно, по-барабану, что там будет в Киеве. А ведь нужно просто собрать конкретные деньги — так будем собирать их у конкретно заинтересованных в пользу конкретного исполнителя. А если не оправдал доверие, то админресурса для победы в следующий раз у тебя нет и не будет. Так как нет власти, даже делегированной.

Пенсионер или немощный? Доверься родственнику. Является ли такой доверенный родственник делегатом? В какой-то мере да. При этом он полностью контролируем и можно выбрать себе другого «ведущего», если с этим ты почему-то не согласен. Срока полномочий нет ни у кого. Можно в любой момент самому стать «ведущим», если ты уверен, что к тебе будут прислушиваться. При этом нет никаких регулярных выборов, и отчуждения делегатов от избирателей тоже нет. Но голоса людей должны учитываться только в том случае, если их участие в общем бюджете — честно. То есть должна быть обеспечена 100% уверенность населения в том, что все поголовно платят налоги и какие именно. Чтобы было видно, кто богатый, а кто бедный. Чтобы не было «друзья подарили» или «а это не мое, это тещино». Тогда, кстати, и мотивация богатых изменится с желания распилить бюджет на желание распределить его правильно. Они же, фактически, делят свое, а не чужое. Опасения относительно того, что богатые при таких раскладах получают сверхвласть, не обоснованы, так как если у человека появляется капитал, то ему, перед тем как воспользоваться им в целях голосования, придется объяснить источник его происхождения и заплатить налоги.

Финансы

Государственные финансы

Честность сбора налогов можно обеспечить только прозрачностью транзакций людей. Чтобы каждый мог видеть доходы и расходы каждого, необходимо отказаться от наличных денег. Также важно развернуть мотивацию в такую сторону, чтобы людям хотелось платить то, что сейчас называется налогами.

Что происходит сейчас? Сейчас налоги платить заставляют. Выстраивается мощнейший налоговый аппарат, цель которого — трусить домохозяйства и бизнес. Как всегда, любая система, основанная на насилии, несовершенна. То, на что расходуются налоги, отчуждается от реального инвестора — конкретного гражданина. А пользование этими предметами инвестиций — бесплатно для всех. Будь то мост или аэропорт, канализационный коллектор или экскаватор. Тут и простор для воровства и злоупотреблений, и ощущение несправедливости, когда ты платишь за то, что не заказывал. Киевлянину не нужен мост в Запорожье, как запорожцу не нужен мост в Киеве.

А если есть инструмент учета вклада каждого человека, причем такой, чтобы каждый человек сам выбирал, во что он хочет вкладывать деньги, получается, что у каждого моста появляются конкретные хозяева.

Но если есть конкретные хозяева какого-то актива, то они имеют право на конкретный доход от эксплуатации этого актива. Каждый, кто проезжает по мосту, должен будет заплатить хозяевам этого моста. Мы вообще убираем понятие «бесплатности» пользования государственными ресурсами и активами. Платят все.

Но откуда у людей будут деньги, чтобы платить буквально за все: и за тротуар, и за общественный транспорт по реальной цене? Так ведь каждый может заплатить за создание тех или иных коммунально-необходимых активов и иметь с них доход.

Всеобщий клиринг решает проблемы уплаты. И такая система заставит всех инвестировать в развитие инфраструктуры, больниц, школ, ВУЗов, НИИ — всего того, что до сих пор финансировалось государством за выбитые у населения налоги.

Хочешь безбедную жизнь на пенсии? Инвестируй. Хочешь образование детям — инвестируй. Хочешь «бесплатного» проезда в метро — инвестируй. Не хочешь инвестировать? Не инвестируй, но плати за все. Тоже вариант, особенно если ты живешь особняком и общественными благами не пользуешься столь часто, чтобы тебе хотелось вкладывать в них деньги.

Практически глобальная бесплатность — вынужденная мера, на которую пошло общество, оказавшись не в состоянии проводить столь масштабные учетные и клиринговые операции. Но сейчас мы стоим на пороге технологического прорыва, благодаря которому можно будет учесть все и, самое главное, не надо будет доставать кошелек. Тебя узнают в лицо и спишут с твоего счета автоматически.

Хорошей иллюстрацией того, что мир с развитием технологий движется именно в этом направлении — направлении от солидарной системы финансирования к персонифицированной — является то, что персонифицированные системы уже вводятся в наиболее критичных отраслях, финансирувавшихся ранее лишь государством. На Западе переход начался пару десятков лет назад. У нас только начинается. Речь идет о страховой медицине, о персонифицированном пенсионном обеспечении — о вещах, которые просто невозможно представить без серверов, компьютеров, баз данных и систем автоматических взаиморасчетов и клиринга.

Пенсию или пособие «из общего котла» необходимо будет выплачивать только в тех случаях, когда человек не сумел или не успел накопить достаточно средств на персональном счете. Солидарная пенсионная система не исчезнет совсем, но её роль станет гораздо менее заметной. С одной стороны, пенсия по возрасту будет практически полностью персонифицированной, с другой — в прозрачном обществе многократно увеличится сила и значение репутации, что приведёт к пропорциональному росту масштабов благотворительной помощи тем, кто не может позаботиться о себе сам — инвалидам или сиротам. Уже сейчас участие в благотворительных фондах и акциях стало почти обязательным делом для богатых людей, пусть и не всегда искренним. В будущем инициативы вроде начатой Уорреном Баффетом и Биллом Гейтсом кампании «Клятва дарения»^[102] могут превратиться в постоянно действующие «филантропические клубы», членство в которых будет цениться так же как высшие государственные награды или рыцарский титул.

Например, в Древней Греции система регулярного налогообложения практически отсутствовала. В типичном греческом полисе — прозрачном обществе, где все друг друга знают и где выстроены репутационные отношения, финансирование государственных расходов осуществлялось при помощи литургий — преимущественно добровольных взносов и пожертвований. В полисных условиях граждане не платили регулярных прямых налогов типа подоходного (лишь в экстренных ситуациях взимался единовременный чрезвычайный налог — эйсфора), и литургии заменяли собой налогообложение.

В эпоху расцвета древнегреческой демократии сами богачи, заботясь как об общем благе полиса, так и о собственном престиже, относились к литургиям ревностно, не пытаясь уклониться от них, а, напротив, стремясь перещеголять друг друга блеском и щедростью трат. Активное исполнение литургий приносило почет, рост политического влияния, а это считалось более весомым, чем накопление материальных ценностей^[103].

Деньги

Деньги стоят слишком дорого.

Ральф Уолдо Эмерсон

Создание такой глобальной распределённой системы экономических взаиморасчётов будет иметь ещё одно интересное последствие — снижение роли денег. Потребность в деньгах возникла в ответ на усложнение бартерных отношений. Далекое не у каждого и не всегда было под рукой подходящий товар для обмена. Деньги стали таким универсальным товаром, который есть у каждого, и который с удовольствием примет кто угодно в качестве оплаты. Главным средством обмена для человечества стало золото. Но у него был очень серьёзный недостаток. Предложение золота ограничено, а значит, если рост массы товаров происходит быстрее роста количества золота в обращении, начинается дефляция. Золото дорожает, люди, естественно, стремятся накапливать его, а не тратить, что приводит к дальнейшему раскручиванию дефляции и коллапсу денежной системы. Эту проблему решают бумажные деньги, которых можно напечатать сколько угодно, и практика частичного резервирования, которая позволяет банкам давать в долг больше денег, чем у них есть в наличии, создавая деньги буквально из воздуха. В этом случае вместо дефляции проблемой становится инфляция — деньги непрерывно обесцениваются, а если этот процесс идёт слишком быстро (гиперинфляция), то система тоже разваливается.

Особое положение золота или бумажных денег вызвано лишь тем, что они сильно упрощают взаимные расчёты. А если есть возможность автоматически строить бартерные цепочки, используя любые популярные и не очень товары или услуги, то деньги теряют свою исключительную роль. Большинство сделок на современных товарных биржах носят виртуальный характер — реальное перемещение товаров из одного склада в другой происходит при необходимости потребления или переработки, а не из-за смены хозяина. Фьючерсные сделки вообще совершаются с товаром, который ещё не произведён. Это значит, что и у каждого из нас в виртуальном кошельке вполне могут храниться не абстрактные денежные знаки, а вполне конкретная нефть, металл, зерно, и любые другие товары и услуги или права на них в будущем. Не надо будет ломать голову над тем, у кого можно обменять пару ботинок на ремонт автомобиля, или посещение кинотеатра на палку колбасы. Всё сделает компьютер. Не сможет раскрутиться дефляционная спираль — товар, постепенно становящийся дефицитным, просто будет всё меньше участвовать в сделках, заменяясь на более распространённые единицы обмена. Не будет и гиперинфляции — товар, теряющий популярность, будет плавно вытеснен другими. Когда у каждого в кошельке несколько сотен разных «валют», рост или падение одной из них не представляет особой проблемы.

Сегодня финансовая система, так или иначе, является одним из основных инструментов власти и атрибутом государства. Реконизм подразумевает развитие систем управления, основанных на массовом сотрудничестве. Следовательно, если речь идет о денежном обращении, сама денежная система должна быть децентрализована и представлять собой некую одноранговую сеть, в которой каждый участник будет и клиентом, и провайдером денежной системы.

Частные деньги

Система частных денег была исторически первой. До того как в Европе был снят запрет на ростовщичество, бизнес банков строился не на кредитах, а на депозитах. Банкир принимал нечто на хранение и выдавал об этом специальную расписку — банкноту. Постепенно банкноты превратились в средство обмена. Например, в Шотландии^[104], где вплоть до 1845-го года не существовало законодательных ограничений на выпуск банкнот, все желающие, к общему удовольствию, могли участвовать в денежной эмиссии. Когда в 1825-м году в Англии разразился крупнейший финансовый кризис, разорилось огромное число рядовых английских банков. В Шотландии не пострадал ни один. Исследователи разных времен и школ от Уолтера Бэджота до Милтона Фридмана характеризуют шотландскую систему как «исключительно эффективную».

По выражению австрийского экономиста и философа Фридриха Августа фон Хайека^[104], частные деньги подобны религии, закону и морали — они возникают везде и спонтанно, до и без всяких экономических теорий. Люди на каком-то интуитивном уровне ощущают, что свобода создавать для себя деньги — одна из важнейших. Особенно явным и насущным это чувство становится во время кризисов. Показателен, в частности, опыт общины австрийского города Вергль, где в 1932-м году ввели в обращение «свободный шиллинг». От обычного он отличался тем, что на него устанавливалась отрицательная процентная ставка: тот, у кого банкнота оказывалась в конце каждого месяца, должен был купить и наклеить на банкноту специальную марку. Разумеется, граждане старались по возможности переложить обязанность покупать марки на соседа и потому как можно быстрее избавлялись от денег. В результате совокупные обороты местной экономики выросли более чем в два раза, безработица сократилась на четверть. Через год Национальный Банк Австрии прервал этот, уже начавший перениматься и в других городах, эксперимент как угрозу собственной монополии.

Местные деньги выпускались в Германии, в скандинавских странах, в сотнях американских и канадских общин во время Великой депрессии — везде, где, с одной стороны, острые экономические проблемы делают необходимость перемен очевидной, а с другой — репрессивная сила централизованной власти ослабевает настолько, чтобы позволить этим переменам произойти.

Во второй половине XX века на волне движения хиппи случился новый подъем местных валют. LETS^[105] (Local Exchange Trade System) — едва ли не самая распространенная система среди них. Она была создана системным аналитиком Майклом Линтоном в 1983-м году на острове Ванкувер. В основе LETS лежат две идеи. Во-первых, деньги обеспечивают непосредственно акт продажи. Когда пользователь покупает нечто, товар или услугу, на его счет заносится запись о долге, а на счет продавца — запись в базе данных о получении определенной суммы. Таким образом, валюта эмитируется самими пользователями, а не системой. Вторая идея непосредственно связана с первой: деньги используются только как средство обмена, для накопления их использовать нельзя. Идеи не новые, но их сочетание с простотой развертывания системы обеспечили некоторый начальный успех. Однако уже спустя три неполных года система обвалилась, половина LETS вовсе прекратили существование. Линтон многое не продумал, в частности в его системе отсутствовали ограничения на отрицательный баланс. В 90-е модифицированные LETS обрели новое дыхание. В Новой Зеландии, Японии, Австралии, Нидерландах они объединили тысячи людей и обеспечили оборот в миллионы долларов. Следующая волна частных денежных систем

связана с бумом информационных технологий. Впервые в истории небанковские структуры получили возможность выпускать деньги в поистине глобальных масштабах.

Если первые электронные валюты, вроде DigiCash, представляли скорее научный, криптографический интерес, то сегодня такие платежные системы как Webmoney и PayPal, обслуживают миллионы пользователей. Их годовые обороты измеряются в миллиардах долларов.

Системы местных валют так и не смогли преодолеть целый ряд проблем организационно-технического свойства: жесткую привязку к национальным валютам, узость спектра предлагаемых услуг и товаров, отсутствие механизмов арбитража и защиты от мошенников, архаичность используемых технологий. Электронные платежные системы гораздо успешнее своих предшественников. У них есть развитые механизмы защиты и арбитража, огромная аудитория. Они не нуждаются в государственной поддержке. Их сила такова, что правительства разных стран начинают менять законодательство, подстраиваясь под новый феномен.

Еще в 1918-м году Освальд Шпенглер в работе «Закат Европы»^[106] указывал, что символом функциональных денег — в отличие от вещественных денег античности — «является не книжная запись, а также не вексель, чек или банкнота, но акт, посредством которого функция оказывается выполненной в письменном виде, чисто историческим свидетельством чего является ценная бумага в широчайшем смысле». В наборе байтов, передаваемых по всемирной Сети, процесс развоплощения денег, начатый с изобретением бумажных банкнот, достигает своего апогея. Деньги полностью освобождаются от материального носителя, превращаются в чистую запись и достигают предельной скорости.

Автор: Алексей Начаров.

Пиринговые финансы

Эмитентом денег в смысле прав требования может стать каждый член общества, имеющий достаточный кредит доверия. Деньги в смысле прав требования уже сейчас эмитируют все, кому не лень: купоны на скидки, ваучеры, бонусные карты, расписки, договора на поставку и выполнение услуг. Да и вообще любые сделки, в которых существует разрыв между моментом оплаты и поставки, а таких 99%.

Когда несколько сот лет назад крестьянин Иван Пасюк приходил к такому же крестьянину Петру Выдрыгайло и просил одолжить топор взамен мешка зерна будущего урожая, то участники этой сделки совершенно не подозревали, что речь идет об оперативном лизинге основных фондов, а средством расчета является фьючерс. Вместе с тем это можно отнести, говоря сегодняшним языком, к сложным финансовым операциям, которые весьма трудно осуществимы в современном мире. Речь идет о кризисе практических финансов.

Ведь, если сейчас прийти в банк и сказать: «Дай мне денег, я куплю трактор, а отдам тебе потом, когда продам урожай», то банкир, прежде всего, спросит об обеспечении этой операции — никто никому не верит, а тем более никто не хочет подписываться на результаты урожая следующего года. Тут и неурожай — плохо, дай бог, чтобы крестьянину хватило денег за горячее заплатить, и большой урожай — тоже плохо, ведь тогда падают цены и... бывают времена, когда цена зерна меньше цены топлива, потраченного на уборку. Крестьянин же не владеет, как правило, большими зернохранилищами, чтобы

сложить зерно, пока цена не вырастет и вынужден все продавать прямо из-под комбайна, так как в урожайный год и элеваторы, видя спрос на услуги хранения, повышают цену.

Все это грустно, ведь простая идея расплатиться с поставщиком правами требования в будущем вполне здравая. И сколько будет стоить зерно завтра, по большому счету, значения не имеет. Зерно остается зерном, и если владельцу топора действительно нужен мешок зерна, то ему все равно, сколько оно стоит — он его съест, и не будет думать о том, не продешевил ли он с арендой топора.

Петр Выдрыгайло верил Ване Пасюку и брал у него фьючерс в качестве оплаты. А современный банкир не верит. Дело в антиселекции. К банкиру, который не до конца владеет вопросом, пойдут те, кто не смог себя обеспечить самостоятельно или те, кто не нашел такого же свояка, который верит. И, чем меньше доверия выказывает банкир или чем больше он просит оплаты за свои услуги, тем больше шансов, что Ваня, идя к банкиру, уже заранее знает, что он никому ничего не отдаст. Кредитование фермеров под залог будущего урожая является для банкиров одной из самых рискованных операций и, как правило, не приветствуется кредитными комитетами.

Но вернемся назад к топору. Почему Выдрыгайло так легко отдал топор в аренду? Тут есть три причины.

Уровень доверия, который существовал между Ваней и Петей, был достаточно высок, а в те времена, в замкнутых консервативных группах, репутация была залогом выживания. Если Ваня не вернет долг, то на следующий год ему уже никто ничего не одолжит. Ване нужно вернуть долг. Ваня хочет, чтобы его сыну село всем миром построило дом, в расчете на то, что сам Ваня будет участвовать в таком же строительстве и для каждого другого соседа. А если Ваня — прохвост, то смысла помогать ему нет.

Топор не сильно испортится от его использования Ваней. Он как был «топор стальной с топорищем деревянным, б/у, 1 шт.» так и остался. То есть если урожая не будет, то Петя не сильно и проиграет. Топор-то все равно лежит без дела, а амортизация его мизерна. А так появляется вероятность получить мешок зерна.

Даже если Пете не нужен мешок зерна сейчас, то Петя понимает, что мешок зерна — всегда мешок зерна и его легко конвертировать в другие ценности, даже в виде фьючерса. Петя может прийти к Семену и попросить водки взамен на будущий мешок зерна, и Семен согласится. Семен с этим фьючерсом может пойти к бабе Клаве, чтобы она ему вылечила зуб, а баба Клава придет... к Ване, с просьбой, под обеспечение мешком зерна будущего урожая, помочь ей с уборкой морковки на ее огороде.

Ваня окажется в итоге с ощущением двух мешков зерна. Один из которых он отдаст Пете Выдрыгайло, а второй... второй у него будет от бабы Клавы и сейчас Ваня запросто может пойти к Пете и попросить еще и пилу. Под обеспечение второго мешка в будущем. И пока никому не придет в голову накапливать фьючерсы на зерно, никто и не будет в курсе и никому не надо быть в курсе, что мешок с зерном — всего один, да и тот еще не существует.

Кризис наступит из-за низкой скорости трансакций относительно длины цепочки. Петя Выдрыгайло придет к Ване в августе за двумя мешками. А у Вани всего-то один остался. Остальное он продал, а второй мешок ждет от бабы Клавы. И выходит, что если Петя, поверив Ване, что второй мешок он отдаст «потом», решит первый мешок съесть, а не передать Семену, то и Ваня от бабы Клавы мешка не дождетя и с Петром не рассчитается.

Простым решением будет выпуск Ваней товарного векселя, который Петя отдаст Семену вместо обещаний отдать мешок зерна. Семен будет знать, что за зерном надо будет идти к Ване, а не к Пете, то же самое будет знать и баба Клава, а Ваня, получив от нее свой же вексель, сам себе его и погасит, расплатившись, в итоге, за топор уборкой морковки с Клавыного огорода.

Если все равно рано или поздно вексель будет погашен его же эмитентом, то текст, написанный на векселе и формирующий его ценность, безразличен. Там могло бы быть написано и «мешок зерна» и «мешок золота» с одинаковым успехом. Вместе с тем несмотря на условность записи на бумажке, у участников цепочки не должно возникнуть искушения взять натурой (обменять вексель или права требования на то, что в нем указано) и также не должно возникнуть ощущения бесполезности векселя и желания от него избавиться.

Сейчас мы вступили в так называемый постиндустриальный мир. Мир сферы услуг, мир, в котором серьезная доля валового продукта формируется за счет не сильно осязаемых вещей. Доля сырья в стоимости конечного продукта минимальна или несущественна. Нотариусы, фотостудии, массажисты, экскурсоводы, аудиторы, консультанты, адвокаты, программисты, инженеры, операторы связи, рекламисты, артисты, архитекторы и прочие создают свой продукт, практически не расходуя оборотных средств. Оплата их труда является чуть ли не единственной статьей расходов, кроме расходов финансовых: оплата кредитов за купленное оборудование, аренда помещений, лизинг. А финансовые расходы не зависят от объемов выпуска продукции или услуг.

В процессе викификации экономики производители дробятся, большие компании переходят на аутсорсинг всего, чего можно, средства производства становятся все сложнее и все меньше зависят от персонала, доводя его численность до размеров домохозяйства. Выпускаемая продукция все меньше содержит в своей стоимости материальных компонентов, таких как сырье или энергия, а все больше нематериальных, таких как дизайн, или финансовых, таких как отчисления за лизинг оборудования.

То есть в современном мире мы пришли к тому же топору Выдрыгайло: в принципе не жалко и так отдать, но все-таки... Хозяину фитнес-центра все равно, сколько людей у него в бассейне — 2 или 15. Ведь вместимость бассейна 30 человек. Он был бы рад даже сделать скидку в 50%, если бы был уверен, что в бассейн придет намного больше людей. Только уверенности в этом у него нет. А когда появляется, то он скидку и делает. Тем и пользуются такие сервисы как Группон или Покупон.

Хозяин хочет наполнить свой фитнес-клуб людьми. Он даже готов выпустить права требования. Сертификаты или вексели на предъявителя, дающие таковому право плавать в бассейне. Но кто их возьмет? А возьмет их другой такой же постиндустриалист, если будет уверен, что деньгами у фитнес-центра взять не выйдет, он сможет куда-то деть эти вексели, пусть даже с дисконтом, и пусть даже с 50% дисконтом (на который, кстати, втайне готов и хозяин фитнес-клуба, лишь бы только он был загружен) и он уверен, что предъявителю векселя в услуге не откажут. И все это, разумеется, если хозяину фитнес-клуба будут нужны услуги этого другого постиндустриалиста, например, реклама или аудит. Только рекламисту или аудитору вряд ли захочется морочить себе голову реализацией этих векселей и их монетизацией. Они возьмут их, если они сами готовы ими воспользоваться или если они уверены, что ими воспользуется кто-то из их круга и заплатит уже живые деньги.

Теперь вспомним о доверии и репутации. Во-первых, в постиндустриальной экономике обычно существует избыток установленных мощностей. Не бывает постоянно переполненных ресторанов, фитнес-центров и аудиторов, не готовых обслужить еще одного клиента. Значит, нет серьёзных препятствий к тому, чтобы обслужить человека с векселем вместо денег. Во-вторых, чтобы вся эта система заработала и заработала так, чтобы вексели начали свое хождение, постепенно абстрагируясь от их эмитента, необходима система отслеживания репутации эмитента — система голосования, показывающая остальным уровень доверия к эмитенту или его цифровую репутацию — карму. Карма будет медленно расти с каждым качественно погашенным векселем и резко падать с каждым отказом в обслуживании. Эмитент с низкой или отрицательной кармой просто выпадает из этой экономики.

Получается некое подобие социальной сети, в которой каждый может зарегистрировать выпуск прав требований на свои собственные услуги и получать за эти еще не оказанные услуги права требования на услуги других членов сети.

Почему аудитор примет вексель у фитнес-центра? Потому что у него будет уверенность в том, что эта услуга имеет спрос. Как он это определит? Даже если услуги фитнес-центра ему самому не нужны, система обязательно найдёт кого-то, кто будет рад принять этот вексель. А если такая цепочка взаимных обменов не может быть построена, наш аудитор может, оценив риск, выторговать дисконт.

При этом речь не идет о глобальной замене денег сверхсложным бартером. Промышленность и сельское хозяйство никто не отменял. Там велика доля сырья в производстве и его надо как-то добыть, а за эту добычу заплатить. Деньги вот так сразу не исчезнут, да и номинальная стоимость той или иной услуги в этой сети должна присутствовать, хотя бы для ориентации.

Но с уменьшением доли ручного труда, любая индустрия, так или иначе, превращается в сферу услуг. Ведь уже на этапе добычи железной руды речь идет о создании добавочной стоимости из, собственно, услуги, выполняемой все чаще и чаще автоматически. Буквально каждый субъект экономики, в условиях отслеживаемой репутации, будет способен выпускать те или иные права требования и расплачиваться ими за приобретаемые услуги.

Когда речь идет о добыче первоначальных ресурсов — полезные ископаемые, еда, вода, человеческий труд, то всегда встает вопрос их ограниченности. Собственно, тезис об ограниченности ресурсов является половиной основного постулата экономики. Вторая половина гласит о неограниченности потребностей. Таким образом, поставщики ресурсов и другие субъекты экономики, которые по каким-либо причинам не будут иметь избытка предложения или избытка мощностей, будут обменивать свои услуги в той степени, в которой они смогут потреблять услуги остальной экономики.

Необходимое условие существования такой системы — прозрачность. Притом взаимная. Ведь, если, скажем, маляр решит приобрести дом у строителей, то он захочет выпустить в оборот права требования на малярные услуги на 100 лет вперед. Те же строители, принимая от него его вексели (устраивая IPO, так сказать), должны иметь возможность оценить их надежность, ведь если по факту права требования на малярные услуги, которые выпустил маляр, не поддерживаются самим маляром, то эти права никто и у строителей не выкупит. Значит, нужно чтобы и строители, и маляры, и официанты, и все-все, кто участвует в системе, могли не только декларировать свой ресурс, но и предоставлять возможность для его проверки остальными. Петр Выдрыгаило никогда бы

не дал Ване топор под будущий мешок зерна, если бы не был уверен в том, что у Вани есть все, чтобы этот мешок добыть.

Сейчас уже существуют бартерные сайты, где можно организовывать сложные обменные операции. Вместе с тем речь там идет именно об обмене товарами в промышленных масштабах, об обмене чем-то, что уже произведено и готово к поставке.

Система пиринговых финансов предполагает обмен правами требования на товар, а не самим товаром. Это актуально, скажем, в ситуации, когда ресторан покупает рекламу и расплачивается с рекламным агентством правами требования на услуги этого ресторана. Реклама изготавливается и транслируется сейчас, а ресторан кормит сотрудников рекламного агентства месяцами позже. Теоретически ничто не мешает рекламному агентству расплатиться с кем-то другим не рекламой, а правами требования на обеды в этом ресторане.

Развитие социальных сетей или построение специализированных меновых социальных сетей позволит субъектам экономики принимать права требования к оплате не только при собственной в нем потребности, но и при потребности неких третьих лиц, находящихся в круге общения поставщика или найденных самой сетью благодаря специальным алгоритмам, выстраивающим оптимальные меновые цепочки. Дальнейшее абстрагирование прав требования от поставщиков возможно при отслеживании репутации поставщиков и обеспечении их прозрачности для участников системы.

Уже сейчас можно создать такую меновую социальную сеть, в которой поставщики «чистых» услуг (юристы, консультанты, парикмахеры, рекламисты, программисты, врачи, рестораторы и т.п.) смогут меняться своими услугами друг с другом и получать за это либо реальные услуги, либо права требования на них, которые можно будет монетизировать по номиналу или с дисконтом вне сети. Мало того, подобные проекты уже существуют. Например, <http://altasfera.ru>

Реконизм или тоталитаризм?

Может показаться, что при реконизме все общество должно быть абсолютно гомогенным и разделять одни и те же взгляды. Кажется, что такое реально, только если каждый подчинится единому мнению, ибо спрятаться или сопротивляться, даже пассивно, невозможно. Следуя этой логике, читатель не сможет найти различия между реконизмом и тоталитаризмом. Но различия есть, и именно эти различия позволяют глубже понять, что такое на самом деле реконизм.

Мысль о том, что тоталитаризм — это практика стирания грани между приватным и публичным существованием, принадлежит так называемой Франкфуртской философской школе — критической теории индустриального общества^[107]. Франкфуртская школа является разновидностью неомарксизма, и сама идея реконизма имеет корни отчасти в трудах представителей Франкфуртской школы. Стоит оговориться, что экономический базис, на котором выстроен реконизм, полностью противоположен экономической теории Маркса и исповедует классические принципы спроса и предложения, в противовес идеям прибавочной стоимости, классовой борьбы и классового сознания.

Именно анализируя явление отчуждения, и предложен реконизм как способ полной ликвидации отчуждения. Именно анализируя понятия общественного характера и общественного бессознательного как источников табу, связанных с приватностью, и

выведен нами тезис о естественности дрейфа общества к прозрачности, при кажущейся сейчас ее неприемлемости.

Вместе с тем воспринимая идеи Франкфуртской школы, нельзя обойти стороной ее тезис о том, что стирание грани между частным и публичным ведет к тоталитаризму.

Франкфуртская школа — явление середины XX века. Эпохи расцвета первых бюрократических систем, которые использовали массовую пропаганду для формирования общественного и личного мнения каждого члена общества. В то время считался единственно возможным лишь односторонний поток информации от власти к человеку, кардинально усиленный появившимися тогда же СМИ. Поток противоположной направленности умышленно заглушался, подвергался репрессиям и существовал в условиях, когда любое инакомыслие воспринималось, благодаря пропагандистской машине, чуть ли не как помешательство.

Подобные схемы управления обществом повсюду использовались и в начале XXI века в государствах Северной Африки и Ближнего Востока. Вместе с тем информатизация общества сформировала предпосылки для развития обратного информационного потока, потока снизу вверх. Поток, который просто нельзя было заглушить официальной пропагандой, и доверие которому было больше, чем пропаганде. Так Facebook и прочие социальные сети стали катализатором серии ближневосточных революций.

Вместе с тем социальные сети тоже приводят к стиранию грани между частным и публичным. Но это стирание идет по инициативе людей, а не власти. В этом основное различие между тоталитарной пропагандой и социальными сетями. Если первая служила интересам власти, то вторые служат всем. И разрушение границы между частным и публичным за счет викификации средств массовой информации в корне противоположно стиранию грани между частным и публичным за счет их монополизации.

Франкфуртская школа видела опасность зомбирования масс, когда стиралась эта грань, а реконизм видит в этом путь к полной свободе за счет возможности каждого иметь голос такой же силы, что и у любого другого члена общества, компании или организации.

Если Франкфуртская школа видела проблему в навязывании капиталом ценностей общества потребления через массовую рекламу и пропаганду, то реконизм является практически единственной формой существования в условиях, когда реклама уничтожается неконтролируемым корпорациями восходящим потоком информации об опыте потребителей.

Тезис о том, что тоталитаризм — это практика стирания грани между частным и публичным существованием, истинен при наличии только нисходящих от власти к человеку информационных потоков. Если же информационные потоки идут снизу вверх, то и никакого тоталитаризма не возникает.

Тоталитаризм по Попперу

Карл Поппер, один из самых влиятельных философов науки XX столетия, формулируя понятия открытого и закрытого общества^[109], дал определение закрытого или тоталитарного общества как основанного на строгой иерархии социальных прослоек с ограничением способности индивида к смене прослойки, в которой он находится. Поппер критиковал, таким образом, классическую утопию Платона^[64] как ярко выраженную тоталитарную идею. По Платону (и последователям) люди будут счастливы от того, что они находятся в своей прослойке и исполняют предначертанную им роль. Подразумевалось, что устойчивость такого общества реализуется через насилие. Само

насилие организовывается при помощи одной из социальных прослоек — вооруженных сил, стоящих намного выше большинства остальных прослоек.

Закрытое общество — общество, характерное для племенного строя, отношения внутри которого регулируются системой табу. В таком обществе индивид всегда знает, что правильно, а что неправильно, и у него нет трудностей с выбором правильного поведения. Закрытые общества характеризуются жестким разделением на классы и касты. Это разделение обосновывается членами закрытого общества его «естественностью» и «справедливостью».

В противовес закрытому обществу, Поппер формулирует понятие открытого общества. Это общество, в котором человек сам решает, что правильно, а что — нет. В таком обществе у человека открыты пути развития (потому оно и открытое). Само общество подразумевает потенциальную возможность каждого занять любое место в нем. И открытое общество свободно от табу.

Реконизм в первую очередь критикует существующие до сих пор табу как регуляторы общественных отношений. Также реконизм основан на том, что с развитием информационных технологий роль государства как создателя и распределителя общественного блага значительно, до качественно других форм, уменьшится. Реконизм видит мир как сообщество людей, которые вместе создают и администрируют как общественные, так и частные блага. В идее реконизма вообще нет места какой-либо иерархии — положение человека в обществе регулируется его репутацией, а не родовым, классовым, национальным, имущественным или прочим субъективным признаком.

Если использовать подход Поппера, реконизм — воплощение эволюции открытого общества. Большая социальная сеть, избавляющая людей от необходимости личного знакомства друг с другом для понимания их точки зрения и нахождения консенсуса, связывающая людей в единый, более разумный, чем сейчас, организм, уважающий при этом интересы каждого.

Разумеется, обществу присущ конформизм. И высказывание или даже предположение мнения или взгляда, отличного от мнения подавляющего большинства членов общества, сродни подвигу. При полной взаимной открытости, казалось бы, все будут бояться оказаться инакомыслящими. Вместе с тем уплощение мира и развитие информационных связей позволяет каждому человеку найти себе единомышленника, и не одного. Викификация средств информации приводит к тому, что единомышленники, какими бы сумасшедшими не были бы их идеи, легко объединяются в клубы по интересам. Таким образом, прозрачное общество будет скорее не гомогенным, а терпимым к любым мыслям и идеям, а члены прозрачного общества будут намного свободнее в высказывании своих идей, не боясь быть подвергнутыми остракизму, так как хотя бы десяток своих единомышленников они найти смогут.

Тоталитаризм — селекция идей. Искусственный отбор. Выращивание общества, совершенно неустойчивого к внешним катастрофическим воздействиям. История любого тоталитарного государства, столкнувшегося с разрухой, остающейся после тоталитаризма, тому подтверждение. Реконизм — дикая природа. Именно реконизм позволяет новым идеям появляться и дрейфовать от носителя к носителю.

Вместе с тем реконизм дает предпосылки и к унификации мнения людей. Источником различных мнений всегда являлась и является различная осведомленность людей по какому-то вопросу или различный личный опыт каждого человека — асимметричность информации, выражающаяся в поговорке: *«Из двух спорящих один — дурак, другой —*

подлец». В условиях полной доступности информации каждый человек будет способен получить ту же самую информацию, что и сосед. Каждый сможет непредвзято оценить чужой опыт и прийти к тем же выводам, что и сосед. Каждый может получить те же знания, а если не получить, то найти мнение явного авторитета в той или иной области знаний.

Таким образом, реконизм удивительным образом соединяет свободный дрейф идей, плюрализм мнений и унификацию взглядов, но унификацию не насильственную, а естественную и открытую. При реконизме носитель новых, нестандартных и отрицаемых большинством идей легче найдет поддержку. При реконизме новый гений не будет сломлен сопротивлением старой закостенелой верхушки. Он будет иметь больше возможностей доказать свою правоту большему числу людей, обеспечив распространение своих идей до тех пор, пока они не охватят все общество.

То же касается вопросов морали и закона. Открытость обсуждения, постоянная поддержка моментально появляющихся единомышленников и полная доступность исторических прецедентов дают почву для свободы высказывания людей по любому вопросу.

Со стороны поведение члена тоталитарного общества, жертвующего личными интересами ради идейных ценностей, будет похоже на поведение члена реконистического общества, который также будет целесообразно жертвовать личными интересами ради общественных. С той лишь разницей, что член реконистического общества будет четко видеть, в конкретных деньгах, ту выгоду, которую лично ему приносит, скажем, не выбрасывание оберток от конфет на дорогу и осознавать влияние его поступков на оценку, которую ему ставит общество. Реконистическое общество основано на соблюдении общественного договора, тогда как тоталитарное — на его имитации.

Сравнивать тоталитаризм и реконизм — это как сравнивать коммунизм и супермаркет с платежными терминалами. И там, и там внешне все одинаково. Люди берут товары в магазине и выходят, не расплатившись. Только при фантастическом коммунизме денег вообще нет и люди отчего-то крайне сознательны и не жадничают, а в супермаркете работает мощная кредитно-финансовая система, обеспечивающая взаиморасчеты и учет результатов труда каждого.

Безбилетники

Даже шайка разбойников должна соблюдать какие-то требования морали, чтоб остаться шайкой. Они могут грабить весь мир, но не друг друга.

Рабиндранат Тагор

Самое слабое место любых утопий — наивный энтузиазм авторов. Как правило, автор любой утопии — человек образованный, культурный, искренне желающий сделать мир вокруг себя лучше и добрее. Эгоизм и пофигизм кажутся ему досадными недоразумениями, вызванными низкой культурой и тяжёлыми условиями жизни. В идеальном обществе, думает он, все в едином порыве будут творить добро и заботиться о ближнем. На самом деле, природа отмерила нам ровно столько альтруизма и эгоизма,

сколько было нужно для выживания. Поживиться за счёт других в некоторых ситуациях так же рационально и естественно, как и пожертвовать собой, защищая потомство. Даже самый бескорыстный человек, лишая себя многих благ ради идеи, сострадания или любви к ближнему, просто стремится к эмоциональному комфорту. Чтобы члены общества участвовали в создании общественных благ и соблюдали общественный договор, надо чтобы они знали, в чём их личная выгода. Иначе приходится рассчитывать или на выведение новой породы людей, или на массовые расстрелы, наставляющие на путь истинный. Так утопия превращается в кошмар.

Любая реальная общественная структура строится вокруг некоего общего ресурса, которым эти люди пользуются или который эти люди создают. Даже супружеская пара становится таковой именно для того, чтобы вместе пользоваться общим имуществом и иметь заранее оговоренные правила по его разделу или по разделу расходов на воспитание детей.

Для того чтобы создавать общественное благо, требуется организация совместных действий, выражающихся в жертвовании каждым членом общества частных ресурсов для достижения общей цели. Любая организация требует администрирования.

С этой точки зрения можно рассматривать и государство как поставщика общественных ресурсов, приобретаемых за счет налогоплательщиков. Разумеется, что такое общественное приобретение не является оптимальным^[17], чем пользуются сами администраторы, присваивая себе часть общественного продукта или исполняя свои административные функции за не оговоренную контрактом с обществом плату — взятки.

Вместе с тем существуют общественные блага, роль государства (или администратора) в достижении которых не может быть переложена на частные компании. Также, такие блага^[107] не могут быть персонализированы за счет развития систем тотального учета. Например, чистый воздух в городе. Для того чтобы все дышали чистым воздухом, все автомобили необходимо снабдить катализаторами, которые очищают выхлоп от окиси углерода и несгоревших остатков топлива. У автомобилиста возникает искушение не покупать катализатор. Выхлоп от одной машины не сделает город грязнее, а автомобиль без катализатора будет демонстрировать большую мощность или меньшее потребление топлива за счет снижения сопротивления в выхлопной системе. То есть проявляется «эффект безбилетника». В таких условиях роль государства — в минимизации числа безбилетников путем регулирования рынка автомобилей и организации технических осмотров.

К подобного рода общественным благам можно отнести и организацию массовых прививок. Ведь, если прививки не будет у одного конкретного человека, то ему и заболеть будет не от кого. Зачем тогда прививаться и подвергать себя риску побочных эффектов, которые могут привести к потере здоровья, инвалидности или смерти? *«В идеальной системе цен должна была бы существовать такая цена, которую он (пациент) должен был бы платить каждому, чье здоровье подвергается опасности; цена, достаточно высокая для того, чтобы другие индивиды почувствовали, что их потери компенсируются; или, иначе, должна быть такая цена, которую другие индивиды должны были бы платить этому лицу, чтобы склонить его сделать прививку»*^[51].

Однако издержки на оценку ущерба для каждого из членов общества от того, что кто-то не участвовал в создании общественного блага, и на организацию выплаты безбилетником компенсации за ущерб или риск остальным членам общества растут вместе с размером общества, уменьшением его прозрачности и усложнением характера

блага. Поэтому, в современных условиях становится неизбежной ситуация, когда такие издержки, для достаточно больших сообществ, будут превышать издержки группы по организации принуждения всех ее членов к созданию такого общественного блага, даже с учетом несовершенства любых мер принуждения и поэтому обязательного присутствия «безбилетников». Таким образом, сама сложность выявления всех «безбилетников», а также расчет и организация компенсаций, особенно в сложных случаях, таких как массовые прививки, делают систему принуждения более выгодной, по сравнению с другими методами мобилизации группы. И даже в группах, в которых возможно сравнительно легко выявить всех безбилетников и рассчитать ущерб для остальных членов группы, все равно потребуются санкции для изъятия штрафов и перераспределения вырванных средств в пользу пострадавших.

Соучастие членов общества в создании подобных благ возможно:

- либо через делегирование обществом неких полномочий оплачиваемой из кармана общества карательной системе,
- либо за счет финансирования нового общественного блага, направленного на ликвидацию последствий оппортунизма с обязательным делегированием некоему органу права распоряжаться финансами (как пример, оплата услуг дворников, убирающих мусор с тротуаров),
- либо через воспитание, культуру и пропаганду, которая тоже является, по сути, общественным благом, финансируемым обществом. За что боролись, на то и напоролись.

Когда в рамках новой институциональной экономики рассматривают оппортунизм или, в данном контексте, «проблему безбилетника», то в качестве средств социального контроля во избежание оппортунизма рассматривают:

- Доверие^[10] как средство повышения эффективности, понижения расходов на контроль, более быстрого достижения соглашения и взаимопонимания в оценке риска.
- Культуру, в качестве рамок, определяющих общие ценности, понятия и цели как фактор, влияющий на решение проблем координации. С ними связаны процесс вступления в контакт и согласование: при более длительном партнёрстве в условиях монокультуры вероятно повышение трансакционных издержек в результате зависимости, злоупотребления доверием и оппортунизма, подрывающее эффективность.
- Репутацию, которая служит специфическим капиталом. Хорошая репутация снижает стимул к оппортунизму и таким образом расходы на сбор информации и ведение переговоров.

Выглядит логичным, что устойчивые рынки, основанные на доверии, могут надежно существовать лишь в условиях хоть как-то отслеживаемой репутации. Особенно четко это заметно на рынках услуг.

На таких рынках особенностью организации продаж (если такой термин вообще применим) является создание клиентурных сетей, основанных на рекомендациях. Потребитель чувствует себя крайне некомфортно в условиях, когда он вынужден довериться продавцу без возможности проверить репутацию поставщика продукта или оставить значимую для поставщика рекомендацию о продукте. Например, разумно избегать обедов в привокзальных кафе, где поставщики продукта совершенно не озабочены своей репутацией, рекомендациями «одноразовых» клиентов и не рассчитывают на повторный визит клиента к ним.

Зато многие путеводители рекомендуют обедать в придорожных кафе, в которых регулярно обедают водители-дальнобойщики, составляющие тем самым социальную сеть

рекомендаций. В таких заведениях хозяину крайне невыгодно предлагать товар с низким качеством, эксплуатируя асимметричность информации и проявляя оппортунизм.

То, что мы описываем как проявление доверия — доверие банкам, ресторанам, авиакомпаниям, брендам и вообще, доверие посторонним людям по каким-либо причинам, на самом деле является осознанием репутационной зависимости агентов, которую, ввиду хронологической одновременности, легко спутать с развитостью культуры общества как определяющего фактора феномена доверия. Банк мог бы обмануть одного вкладчика, но он не делает этого, руководствуясь рациональными, а не культурными мотивами. Самолеты летают по расписанию, потому что недоверие к перевозчику вызовет прямые экономические последствия — отток пассажиров к конкурентам.

Незнакомым людям мы, без особой необходимости, не верим. Иначе чемодан с деньгами можно было бы передать с таксистом, а не везти его самому. А если и возникает необходимость довериться незнакомцу, то мы решаем этот вопрос не рационально, а с использованием готовых шаблонов типа «цыганам верить нельзя».

Таким образом, в отсутствие репутационного давления на поставщика, стоит говорить скорее не о доверии потребителя, а о монополии поставщика или об условиях ограниченной рациональности, в которых находится потребитель, не имеющий возможности принять к рассмотрению все возможные альтернативы удовлетворения своего спроса и сравнить их по рациональным критериям. Также не стоит рассчитывать на культуру как на инструмент гарантированного избавления от оппортунизма. В многоквартирном доме, даже если практически все жильцы будут обладать высокой культурой, достаточно одного некультурного гражданина, чтобы лифт стал пахнуть мочой вплоть до следующей его уборки.

Отсылки на «уровень культуры» или «сознательность» в общем случае являются хорошим индикатором утопичности тех или иных социальных построений. Невозможно предположить ситуацию, когда абсолютно все члены общества будут обладать высокой культурой, так как сама культура является точно таким же общественным благом, которое производят родители и воспитатели детей для пользы всего общества. Если родители проявляют оппортунизм и не прививают детям культуру и нормы поведения, то они уменьшают свои издержки по сравнению с другими родителями, которые тратят свои ресурсы на подобную деятельность, разумеется, если отбросить мотив выращивания из собственных детей сиделок и нянек для престарелых родителей.

Утопические способы экономической организации по замыслу имеют гуманистическую направленность и, как правило, являются нерыночными. Они могут быть как демократическими, так и иерархическими, но всё равно требуют глубокой преданности коллективным целям и соблюдения субординации. В истории социальной и экономической организации то и дело встречаются попытки создания таких структур, однако именно утопические общества более всего страдают от оппортунизма^[111].

Практически единственным экономическим выигрышем от проявления «высокой культуры», является повышение репутации индивида и уровня доверия к нему. При прочих равных условиях, другие индивиды будут более склонны к совершению сделки с «культурным» человеком, так как они могут сэкономить на трансакционных издержках при выборе поставщика.

Поддерживая репутацию, индивид может экономить собственные ресурсы, так как лица, взаимодействующие с ним, уже ожидают от него определенного поведения на основе его культуры или репутации.

Другими словами, мало кто будет вступать в драку с чемпионом мира по боксу, что позволяет чемпиону мира не драться вообще^[112]. Таким образом, все возможные методы противодействия оппортунизму, а именно: доверие, культура и репутация, сводятся лишь к управлению репутацией.

Американский экономист Мансур Олсон в своей работе «Логика коллективных действий»^[17] привел достаточно стройное доказательство того, что в больших группах рациональным поведением индивида, оптимизирующего свои издержки, будет его отказ от соучастия в создании общественных благ. Действительно, если с его участием или без его участия общественное благо будет все равно получено, то рациональным поведением будет неучастие, так как общественное благо, по определению будет доступно всем. Олсон показывает, что общественное благо в большой группе будет вероятно достигнуто только при условии, что издержки на его добычу будут равны или меньше выгод, получаемых каким-либо членом группы.

«...это означает, что существует три отдельных, но действующих совместно, фактора, которые мешают большой организации работать в общих интересах.

- *Во-первых, чем больше группа, тем меньше доля отдельного индивида в общей прибыли, и тем меньше адекватное вознаграждение за любое групповое действие, и тем дальше удаляется группа от обеспечения себя оптимальным количеством блага.*

- *Во-вторых, чем больше группа, тем меньше вероятность того, что любая подгруппа этой группы, получит достаточный объем коллективного блага, чтобы нести издержки по обеспечению даже малого количества этого блага; или, другими словами, чем больше группа, тем меньше вероятность олигополистического взаимодействия, которое помогло бы обеспечить коллективное благо.*

- *В-третьих, чем больше число участников группы, тем выше организационные издержки и тем выше то препятствие, которое необходимо преодолеть, прежде чем хоть сколько-нибудь коллективного блага будет обеспечено. Вследствие всего этого, чем больше группа, тем дальше она будет удаляться от обеспечения себя оптимальным количеством общественного блага, и обычно очень большие группы при отсутствии принуждения или внешнего воздействия вообще не смогут его обеспечить, даже в минимальном количестве...»*

Олсон описал способы, которыми большие группы, которые он назвал латентными, могут быть мобилизованы для создания общественного блага. Он привел два способа мобилизации групп — принуждение и наличие избирательных мотивов, то есть мотивов, действующих не на всю группу в целом, а на конкретного индивида и побуждающих его к участию в такой группе.

Принуждение может работать как обязательное участие всех в группе. По такому принципу выстраивалось профсоюзное движение в США, и профсоюзы пережили наибольший расцвет после того как добились от работодателей обязательств не принимать на работу не членов профсоюза. Также Олсон показывает, что ряд общественных благ требует безусловного солидарного финансирования. Например, обеспечение безопасности страны как благо, будет получено всеми и общество благосклонно относится к ограничению индивидуальной экономической свободы ее членов и принуждению их к уплате налогов, идущих на финансирование обороны.

Наличие избирательных мотивов хорошо иллюстрируется членством людей в каких-то профессиональных ассоциациях. Это дает им признание на их профессиональном рынке, позволяет получать ряд льгот и привилегий, быть в курсе последних событий в отрасли.

Избирательные мотивы заставляют акционеров или пайщиков собираться в акционерные общества, ведь доход от деятельности компании доступен только членам акционерного общества. При этом, те же самые акционеры, добывая другое общественное благо — решение собрания акционеров по какому-либо вопросу уклоняются от полного изучения документов, голосования или участия в собрании вообще и делегируя свой голос менеджменту или другим акционерам, которым «больше всех надо». Ведь участие голоса миноритарного акционера в крупной акционерной компании бесконечно мало влияет как на благосостояние этого акционера, так и на дела компании в целом.

Механизмом наличия избирательных мотивов можно объяснить, и, казалось бы, нерациональное поведение участников больших латентных групп: авторов Википедии. Этими мотивами могут служить самоутверждение, самореализация, желание быть оцененным или желание заразить окружающих своими идеями. И даже если рационального в поведении авторов Википедии не найти, то всегда можно сказать, что краудсорсинг есть поиск и выделение из толпы нерациональных альтруистов, вероятность наличия которых всегда больше нуля.

Вместе с тем называя чье-то поведение нерациональным, мы, скорее всего, просто не в курсе мотивов, которыми руководствуется «нерациональный» индивид. И появление той или иной статьи в Википедии можно объяснить тем, что для кого-то издержки по ее написанию стали меньше выгоды, которую автор получил от существования такой статьи.

Если мы посмотрим с точки зрения теории групп на поведение общества в отношении коррумпированного представителя власти, то рациональным поведением индивида будет ничего не делать, даже если власть имущий откровенный вор или преступник. Какими бы модными и прогрессивными ни были способы выдвижения человека во власть — передаётся ли она по наследству или формируется ситуативно, благодаря механизмам «мгновенного делегирования» и «электронной демократии», общественное благо, достигаемое от смещения одиозного лидера, будет достигнуто и с участием, и без участия конкретного индивида, вклад этого конкретного индивида незаметен ни для него, ни для общества, а выгоды от получения общественного блага, вернее, доля этих выгод, приходящаяся на конкретного человека, очень мала. При этом организационные, стартовые издержки, которые должна понести группа, для того чтобы быть мобилизованной для получения общественного блага (смещения тирана), как правило, достаточно велики и лишь с их критическим уменьшением, вызванным, например, моральным разложением армии, можно надеяться на успех предприятия.

Практика показывает, что инициаторами смены власти в больших организациях и государствах становятся люди, которым «больше всех надо», то есть те, у кого существует собственный избирательный мотив, например, собственное стремление к этой власти, продиктованное, как правило, экономически рациональной жадностью наживы. Но и в этом случае сами инициаторы действовали и действуют через создание лобби — малых эффективных групп, объединенных общей целью и готовых уже в групповом составе взять все издержки большой латентной группы на себя. А у малых групп механизмы взаимодействия отличаются от больших.

Мансур Олсон, кроме больших латентных групп, рассматривал работу так называемых «привилегированных» и «промежуточных» групп. Под привилегированными он понимал

группы, которые «... достаточно малы и в которых каждый или хотя бы один из членов имеет мотив к добыванию коллективного блага, даже если необходимо взять все издержки на себя. Для такого рода группы существует уверенность, что коллективное благо будет обеспечено; более того, оно может быть обеспечено без какой-либо организации или координации группы»

Под промежуточными он понимал группы, в которых «... ни один из участников не получает настолько значительной доли общей выгоды, чтобы иметь мотивацию обеспечивать это благо только самостоятельно. Однако число участников этой группы не настолько велико, что никто не заметит, если один из них откажется взять какую-то долю издержек на себя. В такой группе коллективное благо может быть, и в равной степени может не быть обеспечено; однако оно абсолютно точно не будет получено без помощи какой-либо координации или организации группы»

Таким образом, если обеспечить при помощи тех или иных технических средств увеличение заметности участия члена группы, то стоит ожидать также увеличения допустимого размера группы, которая будет все еще способна действовать эффективно и согласованно. Социолог, профессор Гарвардского университета и один из авторов концепции социального обмена Джордж Хоманс^[113] писал, что малые группы обнаруживают гораздо больше постоянства, чем большие: «На уровне... малой группы, то есть на уровне такой общественной единицы (неважно как мы ее называем), где каждый из членов группы обладает информацией первой руки обо всех остальных индивидах группы, человеческое общество на протяжении многих тысячелетий обнаруживало способность действовать согласованно...» Говоря современным языком, Хоманс утверждал, что залогом эффективности группы должна являться ее полная взаимная прозрачность.

Научно-технический прогресс, выраженный в данный конкретный момент развитием социальных сетей и уменьшением зоны приватности, обеспечивает ту самую взаимную прозрачность в больших группах, что приводит к увеличению уровня их мобилизации. Примером тому могут служить флеш-мобы или протестные акции современного типа. При этом, разумеется, что чем больше будет группа, тем большей степени взаимной прозрачности требуется, чтобы группа оставалась эффективной.

К тому же, информатизация сферы групповых действий кардинально уменьшает организационные издержки, которые должна понести группа, перед тем как начать добывать общественное благо. Если классический подход подразумевал выделение неких инициаторов групповых действий, проведение собрания группы, выработку коллективных решений, требующую серьезных затрат временных и материальных ресурсов, то современный путь организации группы методом привлечения ее участников в социальных сетях и проведения заочного обсуждения вопроса требует несравнимо меньше издержек.

Стоит также отметить, что введение в оборот численно выраженной репутации члена группы (кармы) позволяет, как оценивать другими членами степень участия конкретного индивида, так и мотивировать индивидов к зарабатыванию репутации путем совершения действий, одобряемых группой. То есть числовая репутация становится новым избирательным мотивом, действующим на индивидов группы и мобиливающим эту группу. Важно, разумеется, чтобы уровень кармы, так или иначе, влиял на возможности члена группы. Получается, что какие-либо проекты «электронного правительства» могут быть эффективнее существующих моделей именно за счет технически организованной взаимной прозрачности членов групп, выдвигающих и

контролирующих деятельность такого правительства и за счет информационной инфраструктуры, которая будет способна обеспечивать минимизацию организационных издержек и оценку репутации того или иного члена группы и соответственно предоставлять ему привилегии или, наоборот, наказания, в зависимости от уровня этой репутации.

На эффективность репутации в противодействии оппортунизму больше всего влияют три фактора:

- плотность социальной сети, в которой распространяется репутация, то есть количество социальных связей у игроков;
- скорость распространения информации в этой сети и ее устойчивость к искажениям;
- вовлеченность участников в социальную сеть, то есть протяженность взаимоотношений во времени и количество этих взаимоотношений^[116].

Совокупность влияния этих трех факторов на социальную сеть можно назвать степенью прозрачности социальной сети. Если мы будем говорить о поведении человека, которого все вокруг знают, то есть у нас наблюдается большая плотность сети, к тому же в этой сети информация распространяется мгновенно, и сам человек, о котором идет речь, часто сталкивается с другими членами сети, то новости о том, что он, скажем, отобрал конфетку у ребёнка, распространятся мгновенно.

Вместе с тем реальные социальные сети не являются прозрачными по ряду причин. Тут играет свою роль и число Данбара, ограничивающее количество связей для каждого игрока и скорость передачи информации между людьми. Сами люди не являются совершенным хранилищем и передатчиком информации и могут забыть или исказить те или иные данные о других людях, да и вовлеченность людей в собственную социальную сеть далека от 100%.

В таких условиях репутационный механизм является отличным «противоядием» оппортунизму в небольших, взаимно прозрачных группах, где можно ожидать, что первый игрок вступит в транзакцию со вторым уже после того как узнает о результатах его предыдущих транзакций с другими участниками.

Ограничения реальных социальных сетей по скорости и количеству взаимодействий оказываются не столь жесткими, если мы посмотрим на виртуальные социальные сети. Сообщение, которое один пользователь компьютерной социальной сети пишет другому, может быть моментально доступно всем знакомым автора. Уже не нужно все время повторять одну и ту же новость. Достаточно изложить мысль один раз, и она становится доступна сразу всем. Те люди, которые получили новость, также способны передать её дальше, не внося никаких искажений, нажатием одной кнопки. Число «друзей» в виртуальной социальной сети может быть намного больше, чем число Данбара. Скорость, качество и охват, достижимые в компьютерных сетях, теоретически позволяют использовать репутацию как инструмент противодействия оппортунизму даже в больших латентных группах.

В интернете уже существуют сообщества, которые, так или иначе, создают некое общественное благо. Это может быть коллективный новостной ресурс или блог, например, dirty.ru, habrahabr.ru, digg.com, photosight.ru, leprosorium.ru. И такие сообщества используют репутацию как инструмент борьбы с оппортунизмом, который проявляется, в данном случае как попытки использования коллективного блога для спама, рекламы или назойливого самоутверждения. Число членов таких сообществ может составлять десятки и сотни тысяч человек.

Системы подсчета репутации^[114] и использования ее для самоорганизации сообщества все еще несовершенны, однако ясно одно, что метод проб и ошибок, которым пользуются администраторы ресурсов, рано или поздно приведет к приемлемому универсальному решению.

Как пример несовершенства репутационных оценок, можно привести их двоичность. По «плюсикам» мы можем получить лишь оценку «хорошо» или «плохо». А почему «плохо» или «хорошо», нигде не написано. В то же время репутация это не просто «хорошо» или «плохо» — это ожидание определённого поведения человека или результатов взаимодействия с ним. Таким образом, "Карма" может выглядеть как список предполагаемых оценок результатов транзакций с человеком. Например: «знающий филателист» (+345), «интернет-троль» (+467), «специалист по украино-российским взаимоотношениям» (+1456). В таком случае «отрицательная карма» смысла просто не имеет. Если будет очень нужно, то кто-то поставит кому-то еще одну оценку типа «не выполняет обещания» и остальные могут присоединиться к ней или нет.

Переходы к «многомерной карме» наблюдаются уже на некоторых сервисах. Существуют отдельно оценки человека как такового; его как автора постов и комментариев; его активности в блоге, популярности его записей и т.п.

Видимо, ввиду несовершенства механизма цифровой репутации, коллективные блоги до сих пор требуют для своего нормального функционирования модераторов, которые либо выбираются самостоятельно участниками блога, либо назначаются администраторами, либо права модерирования предоставляются автоматически, по уровню кармы, либо образуются мобилизованные группы пользователей, берущие на себя «санитарные» или даже «полицейские» функции ресурса, используя доступные простым пользователям методы, которые, однако, будучи примененными скоординированной группой, превращаются в инструмент модерации.

Если же мы говорим о функционировании заранее лишенных администраторов одноранговых сетей, то в них цифровая репутация является практически единственным инструментом, создающим атмосферу доверия и противостоящим попыткам распространения некачественного материала, компьютерных вирусов или спама^[116].

Следует ожидать развития информационных технологий до такой степени, что они позволят отслеживать цифровую репутацию не только в виртуальных, но и в реальных сообществах.

Предпосылкой к такому развитию информационных технологий может служить латентный спрос членов общества как на информацию о репутации других лиц, так и на выстраивание и дальнейшую эксплуатацию собственной репутации с целью сокращения как собственных издержек на нежелательные транзакции с другими членами общества, так и на уменьшение издержек других членов по отношению к себе, что делает лицо с хорошей репутацией более привлекательным для сделок.

Механизмы отслеживания репутации и моментального информирования остальных членов общества о результатах той или иной сделки или последствиях того или иного поведения участников группы, позволили бы отказаться от использования государственного аппарата с его системой принуждения как единственного средства сдерживания оппортунистического поведения. Такие механизмы, разумеется, должны будут предполагать наличие систем наблюдения за поведением индивидов с организацией их взаимной подотчетности и взаимной прозрачности.

Стоит оговориться, что мы не знаем, каким образом можно отказаться от механизма принуждения с целью получения общественного блага абсолютно во всех сферах жизни общества. Также мы не уверены, что можно будет до конца избавиться от роли государства как борца с «безбилетниками». Та же армия должна защищать сразу всех, а не выяснять, кто платил за ее содержание, а кто нет. Возможно, механизмы функционирования неких частных силовых образований, оплачиваемых за счет репутационно-зависимых общин, и будут когда-то изобретены. Возможно, армия останется единственным «необсчитываемым» общественным благом. Не обязательно, чтобы абсолютно все было децентрализовано. Идеальные схемы не работают. Какие-то функции останутся за государством. Ясна тенденция — государство будет становиться все менее нужным обществу. Станет ли оно совсем ненужным? Не важно. Важно то, что оно потеряет большую часть своей значимости и силы.

Общество

Эрих Фромм — немецкий социолог, философ, социальный психолог, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неопрейдизма и фрейдомарксизма — использовал понятие «общественного характера»^[19]. Речь идет о наборе ценностей и правил поведения, характерных для общества, а не для индивида, однако сильно влияющих на поступки этого индивида. Общественный характер, по Фромму, полностью зависит от формы бытия общества и, получается, от общественного и экономического уклада. Например, если раньше в цене были бережливость и владение, то теперь — возможность пользования и жизнь в кредит.

В эпоху феодализма и натурального хозяйства торговлей занималась лишь узкая прослойка купцов, которые не были уважаемы обществом. Уважение они снискали потом, уже в следующих поколениях и уже на другом витке исторической спирали. Спрашивается, почему феодалы, имея явное преимущество в финансировании и возможности привлечь более мощный финансовый рычаг, не занимались торговлей? Ведь в торговле главное — оборот. И чем больше денег вложено в оборот, тем эффективнее бизнес. Очень просто — не к лицу аристократу заниматься таким низменным делом как торговля.

В наше же время торговлей занимаются все. Мы всегда знаем, сколько стоит наша квартира, купив машину, мы сразу думаем о том, когда и за сколько мы ее продадим, мы даже свое трудоустройство воспринимаем как продажу или аренду самого себя.

При смене общественного уклада, естественно, меняется и общественный характер. То, что раньше было абсолютно нормальным (работоторговля, например), сегодня смотрится дико, и наоборот — понятие прав человека показалось бы рабовладельцу оскорбительным вмешательством в его хозяйственную деятельность. Так же и при переходе к реконизму некоторые привычные сегодня вещи станут недопустимыми, а многое из того, что немисливо сейчас, станет вполне обычным делом.

Общественный характер возникает как инструмент приспособления индивида к принятым в обществе нормам. Вместо того чтобы анализировать каждый свой шаг с точки зрения его допустимости или целесообразности, мы просто делаем «как принято», «как всегда». Это здорово экономит силы. Но, когда внешние условия меняются, это так же здорово мешает. вспомните как, сменив место работы, вы иногда «на автопилоте» шли или ехали не туда, куда вам теперь надо, а туда, куда было надо последние несколько лет.

Очень трудно спокойно обсуждать вещи, ставшие частью общественного характера, так как с детства нам прививается мысль, что они незыблемы и естественны. Но сменяется всего несколько поколений, и то, что считалось преступлением, становится добродетелью, и наоборот.

Джим говорил, что его бросает то в жар, то в холод оттого, что он так скоро будет на свободе. И меня тоже, скажу я вам, бросало то в жар, то в холод; я только теперь сообразил, что он и в самом деле скоро будет свободен, а кто в этом виноват? Я, конечно. Совесть у

меня была нечиста, и я никак не мог успокоиться. Я так замучился, что не находил себе покоя, не мог даже усидеть на месте. До сих пор я не понимал, что я такое делаю. А теперь вот понял и не мог ни на минуту забыть — меня жгло как огнем. Я старался себе внушить, что не виноват; ведь не я увел Джима от его законной хозяйки. Только это не помогало, совесть все твердила и твердила мне: «Ведь ты знал, что он беглый, мог бы добраться в лодке до берега и сказать кому-нибудь». Это было правильно, и отвертеться я никак не мог. Вот в чем была загвоздка! Совесть шептала мне: «Что тебе сделала бедная мисс Уотсон? Ведь ты видел, как удирает ее негр, и никому не сказал ни слова. Что тебе сделала бедная старуха, за что ты ее так обидел? Она тебя учила грамоте, учила как надо себя вести, была к тебе добра, как умела. Ничего плохого она тебе не сделала».

Мне стало так не по себе и так стыдно, что хоть помереть. Я бегал взад и вперед по плоту и ругал себя, и Джим тоже бегал взад и вперед по плоту мимо меня. Нам не сиделось на месте. Каждый раз, как он подскакивал и кричал: «Вот он, Каур!» — меня прошибало насквозь точно пулей, и я думал, что, если это и в самом деле окажется Каур, я тут же умру со стыда.

Джим громко разговаривал все время, пока я думал про себя. Он говорил, что в свободных штатах он первым делом начнет копить деньги и ни за что не истратит зря ни единого цента; а когда накопит сколько нужно, то выкупит свою жену с фермы в тех местах, где жила мисс Уотсон, а потом они вдвоем с ней будут работать и выкупят обоих детей; а если хозяин не захочет их продать, то он подговорит какую-нибудь аболициониста, чтобы тот их выкрал.

От таких разговоров у меня по спине мурашки бегали. Прежде он никогда не посмел бы так разговаривать. Вы посмотрите только, как он переменялся от одной мысли, что скоро будет свободен! Недаром говорит старая поговорка: «Дай негру палец — он заберет всю руку». Вот что, думаю, выходит, если действовать сгоряча, без соображения. Этот самый негр, которому я все равно, что помогал бежать, вдруг набрался храбрости и заявляет, что он украдет своих детей, а я даже не знаю их хозяина и никакого худа от него не видал.

Мне было обидно слышать это от Джима — такая с его стороны низость. Совесть начала меня мучить пуще прежнего, пока, наконец, я не сказал ей: «Да оставь ты меня в покое! Ведь еще не поздно: я могу поехать на берег, как только покажется огонек, и заявить». Я сразу успокоился и повеселел, и на душе стало куда легче. Все мои огорчения словно рукой сняло.

Марк Твен, «Приключения Гекльберри Финна»

Многое из того, что сейчас считается естественным и правильным, на самом деле лишь рудимент или вообще, проявление «Стокгольмского синдрома»^[117], когда жертва оправдывает своего мучителя, чтобы скрыть от самой себя невыносимо унижительное и болезненное реальное положение вещей. «А может быть, так надо? ...Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва...», вслед за Васисуалием Лоханкиным думаем мы, подвергаясь очередной «порке».

Например, мы вполне спокойно относимся к цензуре. Просто потому, что она была всегда. Но много ли существует доказательств, что свободный доступ к любой информации приносит больше вреда, чем пользы? Власть обычно стремится ограничить распространение информации, которая способна сильно осложнить её жизнь. Но ведь это не наши проблемы, правильно? Что с того, что одна шайка потеряет привилегии, а другая

— приобретёт? Это важно только для них самих, но так как у них в руках мощные информационные потоки, им довольно неплохо удается пугать людей экстремизмом и сепаратизмом. Старая как мир сказка о «безопасности» и «стабильности».

Практика показывает, что спокойное обсуждение любой проблемы скорее приводит к её решению, чем запреты и цензура. Так, в Японии один из самых низких в мире показателей подростковой беременности, при этом порно продаётся на каждом углу (естественно, при этом действуют программы полового просвещения в школах). Страны, в которых можно свободно критиковать власть любого уровня, как правило, более стабильны и устойчивы. Причём этот принцип работает не только в отношении информации — неэффективны любые абсолютные запреты. Успехи в борьбе с табакокурением в развитых странах куда более заметны, чем в борьбе с нелегальными наркотиками. Катастрофический опыт «сухого закона» в США говорит о том же. Любое нежелательное явление легче поддаётся контролю, если всё на виду и есть легальная альтернатива. Невозможно победить незаконный оборот наркотиков, не создав рядом законного. Невозможно контролировать распространение информации, если запрещено даже рот раскрыть.

Преступление и наказание

Пристрастие к запретам и табу — очередной атавизм из тех времён, когда словам придавалось магическое значение, когда люди ещё не вполне понимали разницу между предметом и словом, который это слово обозначает. Наши предки боялись произносить названия опасных животных, веря, что они могут прийти, услышав своё имя. Сегодня вместо змей и медведей у нас наркотики, детская порнография и экстремизм.

Власть имущие создают очередные комитеты по защите общественной морали и списки запрещённых к распространению материалов так же как древние шаманы следили за соблюдением табу. Эффективность таких мер не просто нулевая, она отрицательная — запретный плод сладок. Плюс «побочный эффект» в виде огромного количества «преступников», нарушающих бессмысленные запреты. А может это не побочный, а основной эффект? Всё-таки нынешние вожди не так наивны как шаманы древности. Очень удобно, когда почти любого есть за что прижать к ногтю, правда?

В прозрачном обществе свободная циркуляция любой информации подразумевается по определению. Но так как прозрачность взаимная, сам факт запроса, например, рецептов изготовления взрывчатки, тоже не скроешь. Таким образом, опасная информация надёжно охраняет саму себя. Тот, кому эта информация нужна по вполне законным причинам, или вообще просто так, из праздного любопытства, получит её без проблем. А потенциальный террорист будет держаться от неё подальше — зачем оставлять такой след? Естественным последствием доступа к такой информации станет невозможность ею безнаказанно злоупотребить. И зачем тогда нужны запреты?

Тот же самый механизм применим в более широком контексте преступности вообще. Общепринятая практика борьбы с преступностью сегодня — запреты и наказания. Но наказание не исправляет содеянного. Наказание не предупреждает повторение содеянного. Наказание не воспитывает наказываемого. На исполнение наказания расходуются серьёзные ресурсы.

Власть использует наказания не как средство управления, а как средство коммуникации, самовыражения. Как маленький ребенок, если его попросить: покажи руками, как сильно ты расстроен, — он раздвинет руки во всю ширь. Мы живем в обществе, оценивающем степень неприятия проступка «по-научному», в цифрах: «от 8 до 15 с конфискацией». И нам кажется это уместным и справедливым.

Отмотаем историю на 500 лет назад и вспомним некоторые архаичные системы права. Например, считалось нормальным отомстить владельцу осла, если этот осел, будучи взят напрокат или даже украден, сбросил наездника или убил его копытом. Как вам применение такой нормы сегодня, скажем, выставить иск лизинговой компании за то, что взятый в лизинг экскаватор задел ЛЭП и убил водителя?

Смешно, нелепо? Так вот, наказывать — тоже нелепо. Ни штрафы внутри компании, ни тюрьма в обществе не решают главных задач: ликвидация последствий, искреннее раскаяние и недопущение в будущем. Основной смысл наказания — эмоциональная демонстрация и ничего больше! Ведь наказание сосредотачивает наказанного на избегании наказания в следующий раз, а не на совершении проступка. Оно озлобляет, и человек начинает вынашивать (как правило, умозрительно) планы мести. Ни о какой лояльности к тем, кто его наказал, речь идти уже не может. Наказание не вызывает ни доверия, ни уважения как у наказываемого, так и у наказывающего, выстраивает враждебную антагонистическую среду, заставляет человека внушать себе, что это «он такой плохой», вместо совсем других, необходимых в данном случае внушений. Наказание не заставляет думать об искуплении проступка. Наказываемый, наоборот, считает, что раз его наказали, то он заплатил за проступок и больше не раскаивается. То есть заплатил и волен повторить. Кроме того, система, в которой применимы наказания, требует постоянного внешнего контроля.

Так почему же у нас так популярно наказывать? Почему руководители штрафуют подчиненных, заставляют их писать объяснительные, сочиняют выговоры? Почему вся наша система борьбы с преступностью основана на применении наказаний? Или она именно потому и существует, что сама себе работу создает? Или «так здесь заведено»?

Полная взаимная прозрачность даёт куда более действенные механизмы борьбы с преступностью. Прежде всего, она затрудняет совершение преступлений вплоть до практически полной невозможности. Когда везде камеры, сканеры и датчики, когда «все ходы записаны», мелкая кража становится сложнее ограбления банка. Если ты что-то взял на полке супермаркета — стоимость спишется с твоего счета автоматически. Можно ли думать о воровстве в условиях, когда воровать нечего, неоткуда и не у кого?

Конечно, можно возразить, что невозможность преступления — чисто внешний фактор, и, в отличие от моральных запретов или страха наказания, не может дать гарантии того, что человек не стырит что-либо, как только будет уверен, что за ним никто не следит. Но так ли это? На «Диком Западе», где было много места, чтобы спрятаться, и мало полиции, убийцы и грабители чувствовали себя вполне комфортно. Убить могли буквально за пригоршню долларов. Сегодня совершить убийство и уйти от наказания намного труднее. И что, современный человек более кровожаден? Наоборот — мы отвыкли от убийств. Цивилизованному человеку просто не приходит в голову применить насилие там, где герой вестерна уже давно выхватил бы револьвер. Почему в будущем должно быть иначе? Отсутствие примеров преступных действий с самого детства — лучшая защита от преступности.

Теория разбитых окон — теория, сформулированная Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом в 1982 году^[118]. Согласно данной теории, если кто-то разбил стекло в доме, и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в этом доме не останется, а потом начнется мародёрство. Иными словами, явные признаки беспорядка и несоблюдения людьми принятых норм поведения провоцируют окружающих тоже забыть о правилах. В результате возникающей цепной реакции «приличный» городской район может быстро превратиться в клоаку, где людям страшно выходить на улицу.

Теория нашла широкое применение на практике — сначала в Нью-Йорке, а затем и во многих других городах США, Европы, Южной Африки, Индонезии и т.д. Тщательно следя за чистотой улиц и смывая граффити со стен, нью-йоркские власти не только приучили граждан вести себя культурнее, но и добились значительного снижения преступности в городе^[119].

Социологи Гронингенского университета (Нидерланды) провели серию экспериментов по проверке истинности теории разбитых окон^[120]. Первый эксперимент проводили на улице, где много магазинов, у стены дома, где гронингенцы, приезжая за покупками, паркуют свои велосипеды. У этой стены стоял яркий, бросающийся в глаза знак, запрещающий рисовать на стенах. Сначала стена была чистой. Экспериментаторы повесили на руль каждого велосипеда бумажку со словами «Желаем всем счастливых праздников!» и логотипом несуществующего магазина спортивных товаров. На улице не было урн, поэтому человек мог либо бросить бумажку на землю, либо повесить на другой велосипед, либо взять с собой, чтобы выбросить позже. Первые два варианта рассматривались как нарушение принятых норм, третий — как их соблюдение.

Из 77 велосипедистов лишь 25 (33 %) повели себя некультурно. Затем эксперимент повторили, при такой же погоде и в то же время дня, предварительно размалевав стену бессодержательными рисунками. На этот раз намусорили 53 человека из 77 (69 %). Таким образом, нарушение запрета рисовать на стенах оказалось серьезным стимулом, провоцирующим людей нарушать другое общепринятое правило — не сорить на улицах.

Второй эксперимент должен был показать, справедлива ли теория разбитых окон только для общепринятых норм или ее действие распространяется также и на локальные правила, установленные для какой-то конкретной ситуации или места. Исследователи перегородили главный вход на автомобильную парковку забором, в котором, однако, была оставлена широкая щель. Рядом с ней повесили знак «Вход воспрещен, обход в 200 м справа», а также объявление «Запрещается пристегивать велосипеды к забору». Опыт опять проводили в двух вариантах: «порядок соблюден» и «порядок нарушен». В первом случае в метре от забора стояли четыре велосипеда, явно к нему не пристегнутые. Во втором случае те же велосипеды пристегнули к забору. Из укромного места экспериментаторы наблюдали, как поведут себя граждане, пришедшие за своими автомобилями: пойдут обходить забор или пролезут в дырку. Результат оказался положительным: в ситуации «порядок соблюден» в дырку пролезли только 27 % автовладельцев, а в ситуации «порядок нарушен» — 82%.

Третий эксперимент проводили в подземной парковке у супермаркета, где висело большое и хорошо заметное объявление «Пожалуйста, возвращайте взятые из магазина тележки». В ситуации «порядок соблюден» на парковке не было тележек, в ситуации «порядок нарушен» там находились четыре тележки. К машинам прикрепляли такие же бумажки как в первом эксперименте. Результат получился аналогичный: в первой ситуации бросили бумажку на землю 30% водителей, во второй — 58%.

Четвертый эксперимент напоминал первый, с той разницей, что признаки «нарушения норм другими людьми» были теперь не визуальные, а звуковые. В Нидерландах закон запрещает использование петард и фейерверков в предновогодние недели. Оказалось, что велосипедисты намного чаще бросают бумажки на землю, если слышат звук разрывающихся петард.

В пятом и шестом экспериментах людей провоцировали на мелкую кражу. Из почтового ящика торчал конверт с прозрачным окошком, из которого явственно проглядывала купюра в 5 евро. Экспериментаторы следили за проходящими мимо людьми, подсчитывая число краж. В ситуации «порядок соблюден» почтовый ящик был чистый, и мусора вокруг не было. В ситуации «порядок нарушен» либо ящик был разрисован бессмысленными граффити (эксперимент 5), либо кругом валялся мусор (эксперимент 6).

В ситуации «порядок соблюден» только 13% прохожих присвоили конверт. Однако из разрисованного ящика конверт украли 27% прохожих, а разбросанный мусор спровоцировал на кражу 25% людей.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_разбитых_окон

В соответствии с «Теорией разбитых окон», сам факт уменьшения количества преступлений ввиду их невозможности или невыгодности (а не только вследствие моральных внушений или строгих наказаний) ведёт к дальнейшему падению преступности. Сегодня Нью-Йорк — город, где наиболее массово и последовательно применялась эта теория — один из самых спокойных и безопасных городов США, а в 80-е годы прошлого века там совершалось более 1500 тяжких преступлений каждый день и 6-7 убийств в сутки^[121].

Но что делать, если преступление совершено? Неотвратимость наказания, почти на 100% гарантированная отслеживающей информационной системой, позволяет регулировать строгость этого наказания естественным путём с помощью механизма учёта репутации. Чем более неприемлемым будет поступок, тем большее пятно останется на репутации преступника. Его не возьмут на хорошую работу, ему не дадут кредит, пока он не «отмоется». Он будет в каком-то смысле на время изолирован, «изгнан» из общества.

Кроме того, неизбежно наступят естественные последствия поступка. Украденное должно быть возвращено, любой ущерб возмещён за счёт преступника, если это невозможно — например, в случае убийства, убийца будет обязан платить алименты семье убитого. При такой системе практически не нужны будут писанные законы или суд. Вопрос «Совершал или нет?» разрешается тривиально, с помощью анализа записей ОИС, так же как и вопрос о степени вины, мотивах поступка и смягчающих или отягчающих обстоятельствах. А мера наказания определится автоматически через репутацию и естественные последствия. Этот механизм гарантирует невозможность сегодняшней ситуации, когда по закону можно посадить человека на несколько лет за действия, которые большинство людей не считают опасными и заслуживающими такого наказания, и наоборот, можно избежать последствий преступления, используя дыры в законодательстве.

Остаётся мизерный процент психопатов и маньяков, которых ничто не остановит. Но этот вопрос имеет больше отношения к медицине, чем к криминологии. Смирительные рубашки и закрытые психиатрические лечебницы никуда не денутся.

Международная политика и национальная идея

Уже сейчас в развитых странах понятие государственной границы не имеет существенного значения. Корпорации ведут бизнес по всему миру, люди ездят в отпуск на противоположную сторону земного шара и бесплатно звонят по Скайпу на другой континент. Мир постепенно движется в сторону глобального общества с единым политическим, экономическим и культурным пространством. Причём этот процесс идёт ненасильственным путём, чего никогда ещё не было в истории человечества. Именно отказ от насильственных методов и гарантия соблюдения прав и свобод человека сделали возможным такое объединение. Разделение по принципу «свой-чужой» в таких условиях теряет смысл. Международная политика из вопроса жизни и смерти превращается во что-то вроде спора соседей о том, кто и сколько должен платить за уборку подъезда.

Кроме того, публичная политика, как внутренняя, так и внешняя до сих пор часто служит площадкой для выяснения отношений между альфа-самцами, мерянья радиусом действия баллистических фаллосов, дележа территории и прочих увлекательных занятий высших приматов. К счастью, животная составляющая политики постепенно сходит на нет в связи с общим уменьшением роли государства и ослаблением вертикалей власти. Что приводит к размыванию национальных и культурных границ. Ведь ничто не способствует росту национального самосознания и патриотизма так, как жестокая оккупация и геноцид.

Привязанность людей к национальной идее часто так же болезненно сильна, как и к идее приватности. И главная причина тому — страх. И приватность, и патриотизм — защитные реакции на внешнюю угрозу. Попытка отстоять индивидуальную или коллективную независимость во враждебной среде. Это — святое. За это можно умереть или убить. Но если устранить угрозу, то исчезнет необходимость в защите. Останется только неадекватная реальности привычка. Что мы и наблюдаем сегодня. Война между развитыми государствами сейчас невозможна по экономическим причинам. Современные вооружения способны причинить такой ущерб экономике воюющих сторон, что для них единственной разумной стратегией является категорический отказ от войны. Воюют только с теми, кто не в состоянии дать сдачи. То же и на индивидуальном уровне. Производительность труда и ущерб от забастовок или саботажа сегодня настолько велики, что даже самый жадный эксплуататор понимает, что высокая зарплата, социальные гарантии и строгое соблюдение прав и свобод работника куда выгоднее жестокого принуждения и рабства.

В современном мире человек, живо интересующийся национальным вопросом, напоминает гопника, который первым делом стремится узнать «С какого ты района?» А какая, собственно, разница? Русский, китаец, еврей, украинец — не всё ли равно? Не всё равно только тем, у кого друг к другу есть претензии — арабам и евреям, например. Для всех остальных это скорее личное дело. Встретить в чужой стране человека своей национальности — то же самое, что встретить земляка или одноклассника. Ну, приятно первые несколько минут, а потом выясняется, что у тебя с ним гораздо меньше общих интересов, чем с коллегой откуда-нибудь из Австралии.

Самое страшное, что патриотизм^[122] не только возникает из вражды и разобщенности, он ещё и поддерживает и провоцирует их. Националистическая риторика — конёк всех

диктаторов и политических жуликов. С маниакальным упорством они сообщают нам, что умереть, защищая Родину — это круто. Хотя она уже давно нуждается в защите только от таких политиков, а не от внешних врагов, которым на самом деле выгоднее и интереснее торговать, а не воевать с нами.

Людям очень хочется доверять друг другу, чувствовать единство, быть среди своих. Патриотизм и национализм делает «своими» большую группу людей, которые обладают некими общими признаками, вообще-то говоря, далеко не самыми важными — язык, цвет кожи, религия, ритуалы и обычаи. В современных многонациональных мегаполисах ту же роль играет принадлежность к субкультурам, любимая футбольная команда или музыка. Сталкиваясь с новым человеком мы, чтобы решить, как к нему относиться, стоим перед выбором — попытаться глубоко понять и узнать его, или ограничиться примеркой шаблонов — «интеллигент», «быдло», «еврей», «кавказец», «эмо» и так далее. Естественно, второй подход «лидирует по издержкам» с большим отрывом.

В реконистическом обществе появляется третий вариант — мгновенно получить подробную информацию о человеке из сети. Вместо приблизительных эвристик — национальных, религиозных и других стереотипов — сразу получить точный ответ на большинство вопросов.

Ещё один аргумент в пользу патриотизма и национального самосознания — культурное разнообразие. Представление о ценности этого разнообразия возникло в эпоху, когда страны-завоеватели предпочитали не церемониться с местным населением и силой уничтожали это самое разнообразие. Естественно, многие уникальные элементы культур завоёванных народов бесследно исчезли. Но даже в таких условиях бывало потеряно далеко не всё. Например, европейские варвары, разорившие Рим, фактически стали его культурными наследниками. Ни одна культура не погибает бесследно, она обогащает поглотившую её более молодую или более агрессивную.

Кроме того, уникальность и неповторимость культур часто переоценена. Разные культуры пересекаются очень сильно. Одни и те же сюжеты сказок и легенд, похожие языковые структуры, музыка, архитектура — всё это многократно дублируется с минимальными вариациями. Пропагандистская картинка исключительной роли одной конкретной культуры служит корыстным и агрессивным целям и имеет мало общего с реальностью.

Таким образом, сейчас и в обозримом будущем слияния и поглощения культур не приведут к большим потерям. Уникальные и востребованные элементы поглощённой культуры включаются в состав культуры общемировой. В этом нет никакой трагедии, скорее наоборот. Тем, кто сокрушается о том, что в мире каждый год исчезают десятки языков, стоит вспомнить, что создание всеобщего языка — заветнейшая мечта человечества с древних времён. А наличие культурных и языковых барьеров служит постоянным источником конфликтов и войн. Культурная глобализация не означает унификацию и стандартизацию. Современная глобальная культура гораздо богаче и разнообразнее любой отдельной национальной культуры.

Новая элита

При переходе от одной общественной формации к другой состав элит расширялся, а методы правления смягчались. Рабовладельцы опирались на силу, при феодализме строго контролировался доступ к земле — основному источнику пищи, и кроме монарха или императора, изрядной долей властных полномочий обладали землевладельцы. Капиталисты были ещё многочисленнее, а их методы эксплуатации — мягче. Наконец, эпоха информизма позволила влиться в состав элит чиновникам и наёмным менеджерам, прямое насилие окончательно вышло из моды, и даже денежные стимулы уже не так актуальны — в развитых странах на жизнь вполне хватает и минимальной зарплаты. Основным инструментом управления сейчас — манипуляция сознанием и искусственная стимуляция потребностей с помощью рекламы. Логично предположить, что при реконизме правящий класс станет ещё более многочисленным, а методы воздействия — ещё гуманнее.

Нам сегодняшним может показаться, что в будущем вообще исчезнет понятие правящего класса. Граница его будет настолько размыта, а преимущества и привилегии настолько несущественны на фоне общего высокого уровня жизни, что никакой разницы между «ведущими» и «ведомыми» заметить мы не сможем. Впрочем, то же самое мог бы сказать феодал или рабовладелец о сегодняшнем мире — полный бардак, чернь живёт как короли и не выказывает никакого почтения перед начальством, а начальник не может даже высечь подчиненного, не говоря уже о том, чтобы казнить. Беспредел!

Кто же будет правящим классом в реконистическом обществе? Декларировать абсолютное равенство как-то не хочется, ввиду его утопичности. Можно сказать, что современные распорядители капитала уже сейчас работают не со средствами производства, а с информацией, и информацией живут. При этом им будет совершенно не выгодно, чтобы все остальные знали то, что знают они. Куда же они денутся? Они уйдут или тихо как ушли рабовладельцы или громко как дворяне. Речь не идет об их физическом исчезновении. Просто их роль в обществе постепенно будет уменьшаться. Чья же роль будет расти? Разумеется, в обществе, живущем информацией, будет расти роль генераторов информации. Исследовательские лаборатории, университеты, производители программного обеспечения, проектной документации, дизайнерские бюро, медийные компании и даже интернет-проекты. Хозяева этих компаний будут править миром будущего и уже, собственно, с недавних пор, правят миром настоящего.

Чтобы найти источники новой элиты, стоит посмотреть на современные реалии. Википедию читают все. Многие в нее пишут, а некоторые следят за контентом и активно участвуют в проекте, сбиваясь в кланы и клики. Именно эти некоторые и являются, по сути, решателями вопроса о том, чему быть в википедии и в какой форме, а чему не быть. Получается, будет некий класс «модераторов»? Их явно будет больше, чем бюрократов сейчас, и методы управления, которыми они смогут распоряжаться, будут мягче. То есть основная тенденция сохранится.

Ключевым ресурсом будущего, скорее всего, станет репутация, которая станет, в том числе численным выражением качества и количества информации, произведённой индивидом, то есть производным ресурсом по отношению к информации. Она обладает очень интересными свойствами. В отличие от ключевых ресурсов прошлого и настоящего репутация в принципе неотчуждаема, ею невозможно торговать и обмениваться. Её невозможно отнять или спрятать. Она имеет свойство таять со временем — люди

меняются, и поступки, совершенные много лет назад, имеют меньшее значение, чем сегодняшние. Это напоминает инфляцию, но без вредных последствий, так как репутация не является средством обмена и накопления. Если все остальные ресурсы необходимо каким-либо образом конвертировать во власть и влияние, то репутация в такой конвертации не нуждается, она сама — власть и влияние в чистом виде. Причем власть в самой высшей и совершенной форме — власть, не взятая силой, не купленная за деньги, не полученная обманом, а добровольно и сознательно врученная самими подчинёнными. Власть, которая мгновенно испаряется при попытке ею злоупотребить, а потому обладающая огромным моральным авторитетом и доверием.

Будущая элита — это те, чьей репутации в какой-то момент будет достаточно, чтобы оказывать влияние на какие-либо общественные процессы. Именно так, размыто и нечётко. Практически любой иногда будет входить в состав элиты. Войти в неё легко, а вылететь — ещё легче.

Скучающие аристократы

Наши представления о будущем обществе обычно сводятся к трём вариантам, которые многократно описаны в фантастической литературе и кино. Первый вариант — утопия, как в книгах советских фантастов о наступившем коммунизме. Второй — антиутопия, как в книгах фантастов антисоветских о нём же, или пара-тройка популярных антиутопических вариаций — «мир после ядерного апокалипсиса», «мир после бунта машин», «мир, в котором все деградировали до скотского состояния, потому что всю работу делают роботы». Третий вариант — всё то же самое, что и сегодня, только со звездолётами и бластерами.

Скорее всего, при чтении этой книги у вас сложилось впечатление, что авторы склоняются к первому, утопическому варианту. На самом деле всё не так просто. Мы действительно описываем оптимистичный вариант развития событий. Во-первых, потому что пессимистичных сценариев будущего — пруд пруди. Человеку свойственно заранее продумывать опасные и сложные ситуации, чтобы подготовиться и тем самым увеличить шансы на выживание. А если в будущем всё хорошо, то и беспокоиться не о чем. Во-вторых, несмотря на все жалобы и критику современного мира, представление о том, что наши предки были «мудрее» и жили в какой-то особенной «гармонии с природой», были «духовнее», мягко говоря, не соответствует действительности. Ещё каких-то пару веков назад подавляющее большинство населения планеты жило в ужасной нищете, бесправии, болезнях и невежестве. Люди работали с утра до ночи за гроши, беспробудно бухали, били друг другу морды, грабили и убивали гораздо больше, чем сейчас. Жизнь была короче, бестолковее и беспросветнее. Так что оптимизм авторов — всего лишь экстраполяция изменений, происходивших с человечеством за последние сто — двести лет.

Кроме того, мы без особого восторга относимся к «обществу тотальной слежки», в нас сидят те же табу и комплексы, что и в большинстве людей. Просто это — меньшее из зол. Всеобщий учет с помощью компьютеров — настолько удобная и эффективная вещь, что отказаться от него люди вряд ли смогут. А сочетать его со строгим соблюдением приватности и анонимности невозможно физически. Общество, которое блокирует развитие технологий отслеживания и учёта в угоду приватности, через несколько десятилетий безнадежно отстанет от более открытого и прозрачного. Его экономика

будет работать далеко не так хорошо, будет выше преступность и коррупция. Так что этот процесс не остановить. Значит, его нужно возглавить. Всеобщая взаимная прозрачность — лучше, чем прозрачность односторонняя. Камеры и сканеры будут везде, хотим мы того или нет. Вопрос лишь в том, кто будет их контролировать.

На наш взгляд, реконистическое общество больше всего будет похоже на «высший свет» прошлого — сообщество аристократов и близкого к нему круга людей, которые могли себе позволить не заниматься тяжёлым трудом ради пропитания. Благодаря машинам сегодня уже почти исчезла необходимость в тяжелом физическом труде. Компьютеры стремительно занимают нишу нетворческого умственного труда — администрирование, распределение ресурсов, бухгалтерия, учёт — всё то, чем занимались служащие и управляющие при аристократах. Не за горами появление доступных домашних роботов, которые будут выполнять работу слуг и лакеев. И тогда аналогия станет практически стопроцентной.

Высший свет был вполне самодостаточным и замкнутым сообществом. Часто аристократы даже общались друг с другом и с простолюдинами на разных языках. Если бы вместо крестьян и прислуги появились машины и роботы — хозяева бы не ощутили практически никакой разницы, так что это очень удобная модель. Репутация играла среди дворян огромную роль, все знали друг друга или могли быстро навести справки. За один-единственный неблагоприятный поступок высшее общество вполне могло изгнать человека из своих кругов навсегда. Знать круглосуточно была «под колпаком» наблюдения со стороны прислуги, личная жизнь знатных людей служила популярным предметом сплетен и газетных новостей. В Великобритании с конца XIX века даже издаётся справочник «Кто есть кто», содержащий краткие биографии, адреса и многие другие сведения, включая хобби и клубы, членами которых состоят представители высшего общества. Само слово «знатный» означает «знаменитый», «известный».

Итак, как же жила знать? Во-первых, отсутствие необходимости работать вовсе не приводило к всеобщей деградации, хотя бы потому, что деградация — это очень скучно. Во-вторых, родительский инстинкт заставлял давать своим детям достойное образование и воспитание. А образованному человеку тратить жизнь на примитивные развлечения скучно вдвойне. Эти факторы без изменений можно перенести в будущее. Скуку и заботу о детях никто не отменит. Конечно, всегда будут люди, которых вполне устраивает пиво и футбол по телевизору в качестве основных жизненных ориентиров, но их количество не будет подавляющим и, скорее всего, будет даже меньше, чем сейчас. Ведь стремление регулярно отключаться от реальности с помощью наркотиков, телесериалов или азартных игр напрямую зависит от состояния этой реальности. Чем тяжелее и безнадежнее жизнь, тем больше хочется забыться.

«Дно» общества при реконизме будет относительно комфортным и безопасным. К этому всё идёт уже сейчас — в современной Европе на пособие по безработице можно прожить лучше, чем сто лет назад на среднюю зарплату. Такое положение вещей часто критикуют за то, что люди на дне, таким образом, становятся паразитами и даже не пытаются найти работу. Доля правды в этом есть. Но, во-первых, такие пассивные паразиты гораздо менее вредны, чем паразиты активные, живущие за счет воровства, коррупции или продажи продуктов в упаковках по 900 грамм под видом килограммовых. Во-вторых, по мере роста производительности труда обществу становится всё легче и легче содержать балласт. Главное, чтобы жители дна не доставляли неудобств

окружающим и имели возможность с этого дна всплыть, как только у них появится желание взяться за ум.

Следующий слой общества — «обыватели». Те, кто хочет жить тихо и спокойно, быть не хуже соседей и обеспечить нормальное будущее детям. Таких будет большинство, и это совершенно нормально. У нас нет иллюзий, подобных коммунистическому «светлому будущему», мы не считаем, что все поголовно будут писать картины, сочинять стихи, двигать вперёд науку и покорять космос.

Ну и, наконец, «сливки» общества. В аристократических кругах прошлого было достаточно людей, которые совершенно искренне служили отечеству, занимались благотворительностью, писали книги, совершали открытия. Или хотя бы активно преумножали своё богатство, развивая тем самым экономику. У многих из них было всё, но им не сиделось на месте. В будущем таких людей станет больше, потому что уже сегодня очень редко богатство достаётся по наследству. И чтобы у тебя «было всё», нужно изрядно потрудиться. К тому же, за науку или литературу, которые раньше были не более чем хобби, сегодня всё чаще неплохо платят. Кроме бескорыстного «шила в заднице», людей будут заставлять заниматься наукой, искусством и общественной деятельностью вполне ощутимые материальные стимулы и желание повысить репутацию.

Главное отличие реконистического общества от дворянских кругов прошлых веков будет состоять в том, что война и политика потеряют своё значение и авторитет. В обществе, где преобладают горизонтальные связи и прозрачные методы принятия решений, не будут востребованы специалисты по интригам, манипуляциям и насилию.

Так что же это, утопия, антиутопия, или что-то ещё? Всего понемножку. Да, возможно общество будущего кому-то покажется похожим на комфортабельный и безопасный зоопарк, в котором можно прожить жизнь без особых усилий. Но разве такой зоопарк не лучше скотного двора, где кормят досыта только ради того, чтобы потом пустить под нож, и крутят симфонии Моцарта в коровнике, потому что это увеличивает надои? Причём на нашем скотном дворе бывает так, что потрошат чаще, чем кормят, а вместо Моцарта — блатной шансон. Опасения, что все поголовно превратятся в пассивных потребителей, совершенно беспочвенны. Ведь человек всегда стремится к вершине пирамиды Маслоу^[123], если ему ничего не мешает.

Несмотря на большую хаотичность и неустроенность, у сегодняшнего общества куда больше сходства с зоопарком, чем у реконистического. Мы с детства привыкаем, что вокруг полно «бесплатных» общественных благ. Над нами всегда есть начальство, которому лучше знать, как и зачем нам жить. Наши желания и прихоти в готовом виде поставляют реклама. Чтобы заставить нас действовать сообща или хотя бы не мешать друг другу, часто не находится лучшего способа, чем принуждение и насилие.

Мы отчуждены друг от друга и от созданных нашим же трудом общественных благ. Реконизм убирает это отчуждение. Он позволяет видеть и ощущать связь между нашими поступками и их последствиями. Когда можно проследить путь каждой копейки, никто не сможет оправдать неуплату налогов тем, что их всё равно разворуют. Когда власть понемногу распределена между всеми, нет смысла против неё бунтовать. Когда ты сам установил правила, нет смысла их нарушать.

Когда-то понимание того, что надо вести себя друг с другом по-человечески либо внушалось с детства как абсолютная, религиозная истина, либо прививалось под угрозой наказания (ещё чаще применялась комбинация этих методов). Это работало далеко не всегда. Когда ты не знаешь почти ничего о своих врагах, легко дать убедить себя, что они

— чудовища и нелюди, которых можно и нужно убить во славу Господа, который учил любви. Религия и культура, существующие в виде не подвергаемых сомнению догм, слабо различают утверждения «Не убий» и «Не носи юбку выше колен», «Не укради» и «Не работай в субботу», «Не бросай мусор на пол» и «Не свисти, а то денег не будет». Почему? Потому что!

Конечно, переход от слепого следования догме к сознательному следованию законам начался не сегодня. С развитием торговли и мореплавания племена и народы с различными системами табу всё чаще стали вступать в контакт и стало понятно, что общественные законы не абсолютны^[109]. Появилось понимание существенной разницы между законами природы, например, закона, по которому Солнце восходит каждый день, и законами общественными. Люди осознали, что некоторые табу можно нарушать без особых последствий.

Всеобщая взаимная прозрачность способна заменить это причудливое сочетание разумных правил поведения и нелепых суеверий простым пониманием того как всё взаимосвязано. Почему «не сори»? Потому что и урна, и работа дворника оплачивается из твоего кармана без посредников. Почему «не укради»? Потому что у тебя нет причин считать, что тебя обделили, ведь каждый вор в душе уверен, что лишь восстанавливает справедливость. Почему «не убий»? Потому что вот он, тот, кого хочешь убить, как на ладони — такой же человек как ты, не монстр, не чудовище, не робот.

Заключение

Когда ветра меняют курс, кто-то строит стены, а кто-то — ветряные мельницы

Китайская пословица.

Возможно, не раз и не два при чтении этой книги вы чувствовали себя неуютно, представляя мир, в котором все друг у друга на виду. Нравится ли нам самим этот мир? Не то чтобы очень. Никто не хочет, чтобы все вокруг могли круглосуточно наблюдать за нами. Но, с другой стороны, большинство людей на этой планете, практически не задумываясь, способно отказаться не только от приватности, но и от свободы в обмен на скидку в 5% и обещания каких-то тёмных личностей с политтехнологическими улыбками обеспечить безопасность и стабильность. И с этим приходится считаться. Вопрос стоит так: «Большой Брат» появится или нет? Да. Завтра будут люди, которые смогут узнать о вас всё? Будут. В такой ситуации уместно сделать так, чтобы вы тоже знали все о них? Уместно.

Мы считаем, что бороться с размыванием приватности не только невозможно, но и не нужно. Что нужно, так это направлять развитие событий в более честную и гуманную сторону. Чем отличается консьержка кондоминиума Клавдия Ивановна от вахтера общежития Серпентины Адольфовны? Они же выполняют одинаковые функции. Но к первой отношение благодушное, а вторая воспринимается как враг. Мы первой даже платим деньги за ее работу. А вторую пытаемся обмануть. Если, скажем, поставить в лифте видеорегистратор, кто будет против в первую очередь? Разумеется, те, кто поджигают кнопки и гадят в лифтах. Получается, вопрос — в понимании членами общества своей ответственности и причастности к общему имуществу. Если ты сам себе оплачиваешь консьержку, то ты контролируешь ситуацию. Она — твоя консьержка. А в доме — твой лифт. До такого мышления очень далеко в странах третьего мира, и такое мышление, разумеется, в развитых странах. Чем выше уровень развития общества, тем больше консьержей и меньше вахтёров. Ответственность и причастность, а не отчуждение.

Для нас сейчас неприемлем тотальный контроль только потому, что мы все еще боимся «майора КГБ Иванова», который передаёт нам привет из оруэлловского 1984 года. Но в мире реконизма «системы» как таковой не будет. Не будет «майоров Ивановых».

Деанонимизация общества будет происходить постепенно и добровольно. Посмотрите на «столп анонимности» — интернет. Где сейчас самое большое движение? В социальных сетях. Там, где анонимность уже не к месту. Там, где люди делятся между собой добровольно весьма интимными вещами, вплоть до постоянного отслеживания текущего местоположения. И ничего. Всем нравится.

Прозрачный мир будет хорошим местом для жизни, если исчезнут многие табу и предрассудки морального и религиозного характера. Это, в частности, подразумевает, что если чьи-то слова или действия оскорбляют или возмущают другого человека — то это

проблема самого обиженного (естественно, кроме тех случаев, когда вред носит вполне материальный, измеримый характер — дали в морду, побили стекла, подожгли дверь). Если мы будем устраивать погромы в ответ на карикатуру в газете и разгонять гей-парады, то нам пока рановато становиться прозрачными. В прозрачном обществе допустим лишь один вид нетерпимости — нетерпимость к насилию.

В прозрачном мире придётся окончательно отказаться от первобытного, магического взгляда на слово — запрет на публичное обсуждение каких-то тем или на произнесение каких-то слов полностью лишён смысла. Слон, яростно топающий ногами, и требующий оштрафовать Моську за оскорбление, выглядит нелепо. Если ты прав, то агрессивное твяканье лишь выгодно оттеняет твою правоту, а если нет — то и нет никаких оснований запрещать другим говорить тебе в лицо неприятную правду. Никакие оскорбления, никакие агрессивные лозунги неспособны причинить вред, если строго соблюдать два фундаментальных правила — противоположную позицию можно защищать так же свободно и категорически нельзя переходить к насильственным действиям. Все кровавые бунты, погромы, революции и убийства случались, только если нарушалось первое, а затем и второе правило.

В книге мы описали множество аспектов предполагаемого реконистического будущего. Но не привели конкретного плана действий по построению реконизма. Дело в том, что мы вообще не считаем возможным как-то искусственно построить реконизм. «Великой Реконистической революции» не будет. Если стремиться к реконизму намеренно, то можно под видом реконизма построить абсолютный информизм, как когда-то под видом социализма построили абсолютный капитализм — мегамонополию, одну на всю страну. Как большинство капиталистических стран не дошли до абсолютного капитализма и стали развивать социалистические принципы — профсоюзы, бесплатное образование, социальную медицину, пенсии эволюционным путем, так и сегодня самые вероятные сценарии смены строя будут тихими, медленными и незаметными.

Стремление общества к прозрачности заметно уже сейчас. Разного рода антикоррупционные законы требуют прозрачности финансов чиновников и их семей. Производители печатают состав своей продукции на этикетках. Родители выдают детям «следающие» телефоны. Корпоративное право год за годом становится все более требовательным к прозрачности. В некоторых странах, например в Сингапуре, все корпоративные записи ведутся онлайн. В Бразилии в интернет выкладываются все бюджетные расходы каждого административного образования. Причем в реальном времени. В мире с каждым днем появляются проекты, так или иначе относящиеся к реконизму.

Требования к прозрачности будут становиться все жестче, так как неблагоприятная и преступная деятельность будет всегда оставаться в тени. Таким образом, со все большим раскрытием постоянно будет повышаться «концентрация» плохих вещей в пока еще закрытой информации и, таким образом, будут повышаться требования к ее раскрытию. Рано или поздно в обществе сформируется стереотип: «закрытый — значит преступный». Это будет поворотным моментом в общественном сознании.

Все прозрачнее становятся отношения в чисто информационной сфере. Нет физических препятствий для того, чтобы люди свободно делились друг с другом программным обеспечением, видео, музыкой. Поэтому и появляются свободные лицензии и бизнес-стратегии, заранее рассчитанные на беспрепятственное копирование, а не на запреты. Большинство дальновидных производителей контента уже частично или

полностью переориентировалось на извлечение прибыли с помощью пряника — онлайн-приложений, подписки, низких цен, а не кнута в виде угроз и показательных процессов над «пиратами».

Постоянно увеличивается технологическая сложность и информационная насыщенность конечного продукта. Внешний вид уже давно не является показателем качества и для того, чтобы понимать, чем отличается «дешевое китайское» от «дорогого немецкого» требуется независимая репутационная оценка.

Открытость тем более важна на рынке, который все больше и больше викифицируется, на рынке, где потенциально даже автомобили могут выпускать маленькие фирмы мелким тиражом, имея дизайн, станки с ЧПУ и промышленных роботов. Большое количество новых производителей могут вызвать доверие потребителей, только открывая себя и показывая, почему стоит покупать именно у них. Прозрачность становится частью добавочной стоимости товара.

Маркетологи, вынужденные идти за требованиями потребителей к прозрачности, понимают, что мутной надписи о составе продукта с «ароматизатором, идентичным натуральному» уже не хватает. Они вынуждены не хранить «секреты фирмы», а наоборот, раскрываться. Сейчас это происходит в виде организации экскурсий блогеров. Рано или поздно веб-камеры на производстве станут нормой, частью PR-стратегии любого серьезного бизнеса.

Политики тоже должны будут думать о своей прозрачности. Отсутствие скелетов в шкафу, а не связи и не умение плести интригу и врать, не краснея, станет самой важной составляющей политического капитала. При этом сама потребность в политиках как в администраторах общественного ресурса, будет постепенно падать. Люди будут в состоянии сами принимать решения и сами их воплощать, как уже происходит сейчас в общинах уровня многоквартирного дома или садового кооператива. Политикам станет нечего «пилить» и «трамбовать», и борьба за кресло перестанет быть актуальной.

Катализатором перехода к реконизму может оказаться и растущая асимметрия в доступе к информации. Правительственные и корпоративные системы слежения будут всё чаще провоцировать недовольство, информация будет всё чаще неконтролируемо утекать из них — Робин Гуды всегда найдутся. В конце концов, во власть придут те, кто не побоится выложить всё в открытый доступ.

Наконец, люди не только станут требовать прозрачности от других, но и сами станут раскрывать информацию о себе для подстраховки и безопасности. Видеорегистраторы помогут защитить себя от ложных обвинений, не дать преступникам уйти от наказания, обеспечить алиби.

В какой-то момент концентрация средств наблюдения и регистрации станет настолько высока, что, с одной стороны, люди просто перестанут обращать на них внимание, а с другой — человек, избегающий наблюдения и скрывающий личную историю будет выглядеть в лучшем случае эксцентричным чудаком. В худшем — подозрительной и ненадёжной личностью. Начнётся стремительная кристаллизация в целом непрозрачного и фрагментированного информационного пространства, состоящего из множества отдельных сообществ, организаций, клубов, общин, прозрачных внутри, но не снаружи, в единое прозрачное пространство. Произойдёт нечто вроде фазового перехода. Естественно, некоторые сплочённые группы, субкультуры и территории будут держаться за идею приватности, но они уже не будут составлять большинства и не смогут играть существенную роль в жизни общества. Так же как сейчас кое-где ещё сохранились

племена, живущие при первобытнообщинном строе или религиозные поселения, отвергающие электричество, телефон и автомобили.

Несмотря на то, что мы считаем непродуктивным и даже ненужным делом «строить реконизм», вполне можно немного помочь ему вырасти. И заодно помочь себе приспособиться к изменениям заранее. Если есть основания полагать, что скоро всё вокруг зальёт водой — стоит научиться плавать. В данном конкретном случае это означает строить надёжные горизонтальные связи с другими людьми, как можно меньше полагаться на любые тайны и секреты и просто вести себя по-человечески в любых ситуациях, даже без свидетелей. Любопытно, что для того, чтобы преуспеть в закрытом иерархическом обществе, необходимо делать всё наоборот: вертикальные связи ценнее горизонтальных, язык лучше держать за зубами, а вести себя прилично необходимо только на людях.

Прежде было дешевле и выгоднее иметь несколько социальных масок, отдельно для внутреннего и публичного использования, чем быть искренним. А сегодня мы вплотную подошли к точке, когда лицемерие будет не по карману почти никому. Если раньше для того, чтобы «жизнь удалась» нужно было любой ценой заполучить больше рабов, больше земли, больше денег, больше информации, лишь для вида прикрываясь маской праведника, то скоро ради успеха придётся так же меркантильно, хитро и цинично служить обществу, быть честным и порядочным человеком и творить добро, чтобы заполучить больше доверия и репутации. Маска сольётся с лицом и перестанет быть просто маской. На этот раз «изошрённые подлецы», лучше других чующие, откуда ветер дует, могут оказаться вовсе не подлецами.

Приложение

Мы не можем достоверно узнать заранее, ждёт ли нас в будущем утопический сценарий или антиутопический, ждёт ли нас устойчивое процветание или жалкое прозябание. Однако мы можем присмотреться к тому, что сейчас происходит в мире и попытаться из кирпичиков настоящего построить будущее. Это приложение — наш маленький кирпичный склад.

Прозрачность госструктур

В Бразилии вступил в силу так называемый Закон о Прозрачности, обязавший все уровни власти вплоть до муниципалитетов до 100 000 жителей в реальном времени сообщать обо всех своих доходах и расходах. Для этого созданы тысячи Порталов Прозрачности, где можно найти удивительные вещи.

Например, список всех физических лиц, которым что-то заплатило федеральное правительство, из которого можно узнать, например, что некая Abelina Rosa Dos Santos Barros в 2010 году получила социальное пособие в размере 68 реалов.

Или можно узнать, какие были закупки за государственный счет, кто выиграл конкурс и на какую сумму — с точностью до копейки. Все договоры со сторонними компаниями и организациями, куда пошли бюджетные деньги, бюджет штата или муниципалитета, зарплаты, выплаченные в подразделениях правительства штата. И так везде — по всей стране и на всех уровнях.

Источники: <http://brasileiro-ru.livejournal.com/163979.html> ,
<http://www.transparencia.goias.gov.br/>

* * *

Средства массовой информации Чехии получили возможность публиковать информацию, полученную в результате прослушиваний телефонов политиков.

Согласно поправке к Закону «Об охране персональных данных», которая вступила в действие 1 августа 2011 года, чешские СМИ получили возможность обнародовать материалы, полученные в результате прослушиваний, в том числе, прослушивания телефонных переговоров.

Обнародование этих сведений считается оправданным исключительно в случае так называемого «общественного интереса» и касается, например, преступной деятельности чешских политиков и иных государственных функционеров.

При этом запрет на публикацию информации, связанной с проходящим уголовным расследованием, принципиально сохраняется. Исключение допустимо только в том случае, если общественный интерес преобладает над принципом неприкосновенности частной жизни.

Действия СМИ, связанные с публикацией «прослушки», могут быть обжалованы в суде. Согласно поправке к закону, окончательной инстанцией, которая оценивает цель, способ и результат подобных действий со стороны прессы, является исключительно суд.

Источник: <http://ria.ru/world/20110802/410650327.html>

* * *

Граждане Словении смогут контролировать расходы государственных структур через Интернет. Действующая в республике Комиссия по борьбе с коррупцией в рамках программы «Прозрачность» запустила портал под названием «Надсмотрщик». С его помощью граждане страны смогут узнать, как госструктуры распоряжались деньгами налогоплательщиков.

Для получения интересующих сведений пользователю достаточно в специальном поле ввести название определенной госструктуры, например, одного из министерств, и в ответ на запрос появится список произведенных организацией расходов. Более того, из списка легко узнать, кому были выплачены деньги за ту или иную работу.

Сейчас разработчики «Надсмотрщика» трудятся над приложением, которое будет предоставлять пользователям информацию о лоббистской деятельности в Словении. Она позволит понять, кто в структурах власти отстаивает интересы тех или иных бизнес кругов.

Источник: <http://tasstelecom.ru/news/one/4025>

* * *

26 сентября 2011 года Президент Эстонии Томас Хендрик Ильвес сделал доклад о развитии в стране в отношении развития концепции электронного государства. Эстония — один из мировых лидеров этой области.

Считается, что любые формы государственных систем учета людей, избирателей, голосов, данных медицинских карт, денежных транзакций и прочего ведут прямым путем к тоталитаризму. «Большой Брат» становится реальностью. В Эстонии эту проблему решили следующим образом:

Базовая инфраструктура всей системы, так называемый проект X-road, децентрализована и принадлежит не государству, а гражданам. Информация, касающаяся граждан, принадлежит им по закону, и они имеют полный доступ к любым данным. К тому же законодательно запрещено создавать базы данных, хранящие дублирующуюся информацию. Если тебе нужна какая-то информация о гражданине — бери ее в X-road, а не создавай собственную копию.

Все транзакции с данными отслеживаются. Каждый может посмотреть, кто и по какому поводу интересовался его данными. И тот, кто интересовался, обязан, по запросу, доказать легитимность своего интереса.

Журналист пишет статью и хочет узнать происхождение доходов чиновника, катающегося на Кайене — запросто! Полицейский хочет помочь своей подруге найти мужа-алиментщика, не открывая официально дело — ни в коем случае! Вон из полиции и еще штраф заплати. Потому что именно тот самый муж смог (был реальный случай!) отследить через X-road, кто и когда интересовался его данными. В этом смысле электронные данные лучше, чем бумажные файлы, защищают приватность. Так как если

тот же полицейский будет рыться в бумажных файлах в своих целях, то это останется незамеченным.

Позволим себе процитировать фрагмент президентского доклада:

«В Эстонии разработана децентрализованная, принадлежащая гражданам система x-road и в настоящее время ведутся исследования в создании ряда аналогичных систем, что противопоставляет эстонскую модель модели Оруэлла, хотя опасения людей, связанные с государственными базами данных кажутся непреодолимыми. Мы внедрили гарантии того, что какой-либо несанкционированный доступ к данным будет обнаружен. Каждый раз, когда некие лица обращаются к данным, их действия записываются автоматически. Также автоматически записываются попытки доступа к чужим данным в отсутствие необходимых полномочий.

В чрезвычайных случаях доступ к приватным данным, скажем, к медицинской карте, может быть произведен и без разрешения гражданина, например, когда он доставлен в реанимацию без сознания. Вместе с тем когда он придет в себя, он сможет узнать кто, с какой целью и в каком объеме изучал его личные данные.

Давайте будем откровенными. Люди будут пытаться воровать данные. Но электронные данные гораздо лучше защищены. Полицейская служащая, роющаяся в делах своего бойфренда будет поймана, если речь идет об электронной базе данных, но не оставит никаких записей или следов, если мы жили все еще в те дни, когда дела велись в бумажных папках. Децентрализация и жесткий контроль доступа, отметки о попытках доступа и т.д., я считаю, играют главную роль в завоевании доверия пользователей к базам данных любого правительства или государственной службы».

Источник: <http://www.president.ee/en/official-duties/speeches/6512-president-toomas-hendrik-ilves-at-icegov-conference-international-conference-on-theory-and-practice-of-electronic-governance-september-26-2011-viru-conference-center/index.html>

24 марта 1992 в Хельсинки 27 государствами-участниками ОБСЕ был принят "Договор по открытому небу.

Цель договора - обеспечить его участникам возможность совершать незапланированные облёты территорий друг друга. Это должно способствовать укреплению доверия между государствами. На сегодняшний день договор подписали уже 34 страны.^[124-125]

Источник: <http://www.president.ee/en/official-duties/speeches/6512-president-toomas-hendrik-ilves-at-icegov-conference-international-conference-on-theory-and-practice-of-electronic-governance-september-26-2011-viru-conference-center/index.html>,
http://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_по_открытому_небу

Электронная демократия

Российский блогер, юрист и оппозиционер Алексей Навальный приобрёл известность в интернете в основном благодаря проекту rospil.info — сайту, на котором публикуется информация о сомнительных и явно коррупционных закупках и тендерах

государственных структур. Команда юристов проекта «РосПил» через суд добивается отмены или приведения в соответствие с законом и здравым смыслом подозрительных тендеров.

Ещё один проект Навального — РосЯма. Он помогает доводить до сведения госавтоинспекции и местных властей информацию о ямах, колдобинах и рытвинах на дорогах, и контролировать устранение недостатков. Недавно открылся украинский «филиал» сайта — УкрЯма.

Источники: <http://navalny.livejournal.com> , <http://rospil.info/> , <http://rosyama.ru/> , <http://ukryama.com/>

* * *

Ещё один российский интернет-проект напоминает РосЯму, но имеет более широкое поле деятельности. «Моя территория» служит для решения любых местных проблем. Кроме граждан, на нём могут регистрироваться официальные представители органов власти, чтобы оперативно и без посредников получать обратную связь, контролировать работу подрядчиков и так далее.

Естественно, в англоязычном интернете подобные проекты появились гораздо раньше, например, английский сайт MySociety.org зарегистрирован в 2003 году. Он объединяет несколько сервисов, направленных на развитие электронной демократии и на обеспечение прямой связи граждан с местными властями и депутатами парламента.

Источник: <http://streetjournal.com>

* * *

Книга Леонида Волкова и Фёдора Крашенинникова «Облачная демократия»^[127] — попытка смоделировать будущее демократии с учётом возможностей интернета. Авторы предлагают отойти от привычной модели представительной демократии и построить более динамичную и прозрачную систему на основе информационных технологий.

Практическая реализация идей, изложенных в книге — интернет-сайт democratia2.ru, на котором можно в реальном времени объединяться в группы и партии, обсуждать идеи и проекты и голосовать за них.

Источник: <http://cdem.ru/>

* * *

Сайт DalSlovo.ru фиксирует обещания, щедро раздаваемые политиками и чиновниками и контролирует их выполнение (или невыполнение).

* * *

Мэр Винницы Владимир Гройсман, в 2010 году переизбранный на второй срок с рекордным в Украине результатом в 78% голосов, впервые занял этот пост в 2006, в возрасте 28 лет. За несколько лет он сломил сопротивление бюрократов и превратил постсоветский чиновничий аппарат города в муниципальную службу западноевропейского образца. Прием граждан по всем вопросам — от выдачи справок до регистрации предприятия — проводится в одном помещении с прозрачными стенами. Возможность кулуарного решения вопросов сведена к нулю.

Штат чиновников в городе значительно сокращён, количество ЖЭКов уменьшилось втрое, сведены к минимуму разрешительные процедуры, объединены базы данных разных коммунальных структур, интегрированы диспетчерские службы, мэрия переходит на электронный документооборот. Сроки оформления большинства документов уменьшены в несколько раз.

С Винницей охотно работают крупные инвесторы. В городе строится крупнейшая в Европе кондитерская фабрика и молочный комбинат корпорации Roshen, реконструируется фармацевтический завод Сперко-Украина и масло-жировой комбинат. Суммарно инвестиции превышают \$ 100 млн. — огромная сумма для провинции.

Источник: <http://korrespondent.net/business/economics/1273438-korrespondent-revolyuciya-gorodskogo-masshtaba-mer-vinnicy-prevratil-postsovetskij-chinovnichij-apparat>

* * *

Проект <http://alterrussia.ru> создан в апреле 2011 г. как демократическая Интернет-площадка для обсуждения и разработки инициатив граждан. Каждый зарегистрированный пользователь портала может предложить свой закон или свою поправку к уже действующим Законам Российской Федерации. Все предложения, принятые большинством голосов сообщества пользователей, получают статус Закона виртуальной республики. Они доводятся до сведения чиновников, министров, депутатов и лидеров политических партий Российской Федерации.

Распределение ответственности основано на доверии граждан друг к другу. Основываясь на личном мнении о том или ином гражданине, пользователи AlterRussia могут доверить свои голоса другим гражданам — тем, кого считают наиболее компетентными. Таким образом, формируется «пласт» Экспертов и «пласт» Министров — самых авторитетных пользователей с наибольшим числом делегированных голосов и лидеров по числу делегированных голосов в том или ином виртуальном Министерстве.

ОИС

Открытый национальный проект российских блогеров «Страна без глупостей», основанный фото-блогерами Дмитрием Терновским и Ильёй Варламовым, направлен на защиту утвержденных Конституцией и действующим законодательством Российской Федерации прав и свобод человека. Одна из основных задач проекта — борьба за свободу фото- и видеосъемки в общественных местах. В рамках проекта проходит акция «Фотографировать разрешено». Кафе, магазины и любые другие организации, желающие участвовать в акции, официально разрешают съемку на своей территории и наклеивают, наклеивая на видном месте знак «Фотографировать разрешено» в виде зелёного фотоаппарата. Знак разработан и бесплатно распространяется студией Артемия Лебедева. *«Здравый смысл продолжает распространяться по стране. Клиническая тупость, идиотские ограничения, комплексы охранников и вахтеров чахнут и отступают»* — пишет он в своём блоге.

Источник: <http://ternovskiy.livejournal.com/83332.html>

* * *

Охранная фирма Portoss совместно с производителем биометрического оборудования GRI при поддержке местных властей обещает сделать город Леон в мексиканском штате Гуанахуато «самым безопасным городом в мире». Организаторы планируют выдать каждому жителю города биометрический паспорт, а сам населенный пункт превратят в один большой эксперимент: город будет нашпигован аппаратурой слежения, датчиками и сканерами. Также будет создана централизованная база данных, где будет храниться информация о каждом жителе города.

Планы компаний не ограничиваются одним городом — в официальном пресс-релизе говорится, что «каждый гражданин, место или вещь на этой планете будут подключены к нашей системе в течение 10 лет. Если вы магазинный воришка, при вашем попадании в любой магазин охрана получит полную информацию о вас, если вы преступник, вы не сможете попасть на борт самолета». Создатели проекта считают, что скорость работы систем автоматического мониторинга на основе считывания карты сетчатки глаза позволяют повсеместно внедрить их.

Мексика не случайно стала пионером относительно внедрения подобной системы — уровень преступности в стране один из самых высоких в мире.

Источник: <http://www.3dnews.ru/news/Meksikanskiy-gorod-stanet-samim-bezopasnim-v-mire-Bolshoy-brat-uzhe-zdes>

1 декабря 2011 года сайт Wikileaks.org начал публиковать документы о компаниях, которые предоставляют технологии для слежки за гражданами — мониторинг интернета и телефонных сетей, распознавание голоса и отслеживание перемещений мобильных телефонов. Услугами таких компаний активно пользуются как диктаторские режимы, так и демократические страны. И в тех и в других власть предпочитает не распространяться на подобные темы — «секретность» и «безопасность» превыше всего.

Источник: <http://wikileaks.org/the-spyfiles.html>

Концепции «обратного»^[126] и «равновесного» наблюдения (англ. *sousveillance* и *equiveillance*) подразумевают уравнивание граждан в правах с государством и спецслужбами путем фиксации с помощью технических средств всего происходящего вокруг человека. Эти явления уже прочно вошли в нашу жизнь — всё больше людей устанавливают в машинах видеорегистраторы, съемка на камеры мобильных телефонов во время выборов или массовых акций протеста способствует снижению уровня фальсификаций и насилия со стороны властей. Энтузиасты обратного наблюдения создают индивидуальные «чёрные ящики» с камерами и другими датчиками для постоянного ношения.

Источники: <http://en.wikipedia.org/wiki/Sousveillance>, <http://en.wikipedia.org/wiki/Equiveillance>, http://ru.wikipedia.org/wiki/Прозрачное_общество

Так называемые «гиперссылки в реальном мире» представляют собой метки, наносимые на предметы, которые можно считать специальным сканером или фотокамерой. Они позволяют получить информацию об объекте из интернета или отследить перемещения объекта. Прототипом таких меток является обычный штрихкод. Его более современные варианты — QR-код, или двухмерный штрихкод, который может содержать гораздо больше информации, или RFID — радиочип. Эти метки широко используются в логистике и торговле для отслеживания перемещений товаров. В последние годы QR-коды стали печатать на рекламе и афишах, чтобы владельцы смартфонов могли попасть на сайт компании, просто сфотографировав код.

Эта технология работает и в обратную сторону — с помощью того же смартфона можно в магазине снять код любого товара и получить в интернете его подробное описание или сравнить цены.

Активно разрабатываются технологии связывания объектов реального мира с информацией в интернете без каких-либо искусственных меток, с помощью технологий компьютерного зрения.

Источники:

http://www.pcworld.com/article/236573/15_shopping_apps_that_can_save_you_big_bucks.html,

<http://www.technologyreview.com/Biztech/17807/>,

http://www.technologyreview.com/read_article.aspx?id=18368&ch=infotech,

http://en.wikipedia.org/wiki/Physical_world_hyperlinks

Осенью 2011 года Facebook ввёл функцию восстановления пароля «trusted friends» — «доверенные друзья». Вы можете выбрать среди своих друзей от трёх до пяти наиболее близких, и оставить им «запасные ключи» от вашего аккаунта. Если он будет взломан, или вы забудете пароль, доступ можно восстановить, попросив друзей передать вам специальные коды доступа. Таким образом, в аварийной ситуации аутентификация осуществляется не с помощью технических средств или официальных документов, а с помощью ваших социальных связей.

Источник: <https://www.facebook.com/help/?faq=119897751441086>

С 1 января 2013 года Европейский союз будет допускать в аптеки только такие рецептурные медицинские препараты, которые будут иметь на упаковке уникальный номер^[81], закодированный в двумерном штрихкоде или RFID метке, позволяющий однозначно идентифицировать отдельную упаковку, а не партию или категорию препарата. Делается это в целях защиты от подделок. Следующим шагом в ЕС видят массовое применение этой технологии для еды, а затем и других товаров. Это означает, что в ближайшее время каждый товар будет иметь уникальный идентификатор, и процедура продажи товаров будет включать в себя проверку их происхождения^[81]. Если конкретная упаковка товара имеет некорректный код или помечена в базе данных как уже проданная, её будет невозможно продать. До этого такая практика имела место только при обороте автомобилей и некоторых других дорогостоящих товаров.

Источник: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/dir_2011_62/dir_2011_62_en.pdf.

Распределённые финансы и управление

Краудфандинг (англ. Crowd funding) — совместный сбор средств на развитие или создание какого-либо проекта — всё шире используется в интернете. За счёт краудфандинга существует Википедия, антикоррупционный проект РосЯма и многие другие. Сайт kickstarter.com специализируется на запуске разнообразных проектов с помощью краудфандинга. С помощью этого сайта создаются книги, фильмы, музыка, игры, запускаются в производство материальные товары — одежда, гаджеты, бытовая техника. Многие проекты собирают десятки и сотни тысяч долларов.

Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki/краудфандинг>

* * *

Ближайший спутник краудфандинга — краудсорсинг, то есть создание чего-либо силами большого числа людей на безвозмездной основе. Он распространён гораздо шире, практически всё популярное ПО с открытым исходным кодом создаётся именно так. Все социальные сети, коллективные блоги, все вики-проекты, включая саму Википедию, созданы с помощью краудсорсинга.

Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki/краудсорсинг>

* * *

Проект quirky.com переносит идеи краудсорсинга в реальный мир. На этом сайте любой может предложить идею изобретения и с помощью сообщества довести её до реализации. Quirky отбирает наиболее популярные и перспективные проекты и обеспечивает производство и продажи. Среди вещей, созданных на quirky, бытовая техника, игрушки, предметы обихода, спортивные снаряды и многое другое.

* * *

<http://www.thepoint.com> — это платформа для совместных действий, напоминающая [kickstarter](http://kickstarter.com), но в более общем виде. Поддержать понравившийся проект вы можете не только деньгами, но и прямыми действиями. Thepoint часто используется для организации политических или общественных кампаний.

* * *

Система социальных микроплатежей flattr.com предлагает вариант решения проблем авторов в интернете — блогеров, фотографов, писателей, музыкантов. Она предоставляет исключительно удобный способ вознаградить понравившегося автора. Регистрируясь в системе, вы платите каждый месяц фиксированную сумму денег, а авторы размещают на своих страничках кнопки наподобие «Мне нравится» или «+1» в социальных сетях. Ежемесячный платеж распределяется между всеми авторами, на чьих кнопках вы щёлкнули.

* * *

В последние годы быстро набирают популярность сайты, предоставляющие финансовые услуги на принципах P2P — peer to peer banking или peer to peer lending. Такие финансовые системы основываются на социальных связях и репутации, а алгоритмы их работы напоминают принципы страхового рынка Lloyd's

Источники: http://en.wikipedia.org/wiki/Peer_to_peer_banking, <http://www.wiseclerk.com/group-news/>

Литература

1. Marks Jonathan, What it Means to be 98% Chimpanzee: Apes, People, and their Genes. - Berkeley : University of California Press, 2002.
2. Зорина З. А., Полетаева, И., Резникова, И. И.. Основы этологии и генетики поведения. Москва : Издательство Московского университета «Высшая школа», 2002. - 2. - Web. 13 Dec. 2011. <<http://groh.ru/gro/zorina/zorina.html>>.
3. Rousseau Jean-Jacques Du Contrat Social: Ou, Principes Du Droit Politique. - Paris : Editions Garnier Frères, 1962.
4. Hobbes, Thomas. Leviathan Or The Matter Form and Power of a Common-wealth Ecclesiastical and Civil. London: Printed for Andrew Crooke , 1651.
5. Locke, John. The Second Treatise of Government. New York: Liberal Arts, 1954.
6. Morris Henry. Scientific Creationism- San Diego, CA : Creation-Life, 1974.
7. Carneiro, Robert E. Slash-and-burn Agriculture: Closer Look at Its Implications for Settlement Patterns.: S.l., 1956.
8. Diamond, Jared M. Guns, Germs and Steel: a Short History of Everybody for the Last 13,000 Years. London: Jonathan Cape, 1997
9. Маркс, Карл. К критике политической экономии, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1949 г.
10. Чудинов, Александр Викторович. Французская революция: История и мифы. Москва. Наука. 2007.
11. Васильев, Л. С., Стучевский, И. А. «Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ» Вопросы истории 5 (1966).
12. Bard, Alexander, Söderqvist, Jan. Netocracy: the New Power Elite and Life after Capitalism. London: Pearson Education, 2002.
13. Завалько, Григорий. «Понятие "революция" в философии и общественных науках: Проблемы, идеи, концепции», Москва, Либроком, 2011
14. Schama, Simon. Patriots and Liberators: Revolution in the Netherlands, 1780-1813. New York: Knopf, 1977.
15. Coward, Barry, and Durston, Christopher. The English Revolution. London: John Murray, 2002.
16. Palmer, R. R. The World of the French Revolution. New York: Harper & Row, 1971
17. Olson, Mancur. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard UP, 1965.
18. Ленин, Владимир Ильич. Что делать? Москва. Политиздат. 1968.
19. Fromm, Erich. Beyond the Chains of Illusion: My Encounter with Marx and Freud. New York: Simon and Schuster, 1962
20. Gurley, Fred G. «Unalienable Rights versus Union Shop» Proceedings of the Academy of Political Science 26.1 (May, 1954): 58-70.
21. Киященко, Анна. «Изменение системы управления жилищным фондом в Полтаве для повышения качества жилищных услуг и сохранения жилого фонда» Реформа ЖКХ: пути к эффективности и социальной справедливости, сборник публикаций (Киев 2009): 16-21. Local Government and Public Service Reform Initiative. Web. 12 Dec. 2011. <http://lgi.osi.hu/cimg/0/1/2/2/7/Reforma_for_pdf>
22. Møller, Bjørn. Resolving the Security Dilemma in the Gulf Region. Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies and Research, 1997

23. Koers, A. W. Bowett, D.W. The Legal Regime of Islands in International Law...» Netherlands International Law Review 31.02 (1984): 283
24. Семенов, Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. Москва, 1996.
25. Andreau, Jean. Banking and Business in the Roman World. Cambridge, UK: Cambridge UP, 1999
26. Dal Lago, Enrico, Katsari, Constantina. Slave Systems: Ancient and Modern. Cambridge: Cambridge UP, 2008.
27. Bowe, John. Nobodies: Modern American Slave Labor and the Dark Side of the New Global Economy. New York: Random House, 2007.
28. Суриков, И. Е., Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин, Учебное пособие по спецкурсу для исторических факультетов вузов, Москва, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009
29. Blake, William O. The History of Slavery and the Slave Trade, Ancient and Modern; the Forms of Slavery That Prevalled in Ancient Nations, Particularly in Greece and Rome, the African Slave Trade and the Political History of Slavery in the United States. New York: Haskell House, 1969.
30. Цезарь, Гай Юлий, пер. Михаил Покровский «Записки о Галльской войне», Москва, Рипол Классик, 2010
31. Кастельс, Мануэль, Информационная эпоха: экономика, общество и культура Москва, ГУ ВШЭ, 2000, Web http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php 09.01.2012
32. Cordell, Antonio, and Simo, Kai A. "The Impact of Information Technology on Transaction and Coordination Cost" Viktoria Institute Göteborg, IRIS20 Conference, Published in the Proceedings of the Conference. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.instant-science.net/pub/tracost.pdf>>.
33. Simon, H. "Theories of Decision Making in Economics and Behavioural Science" American Economic Review 49.3 (1959): 253-83.
34. Coase, R. "The New Institutional Economics" Journal of Institutional and Theoretical Economics 140 (Coase R. The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics, March 1984, V.140, P.229-231): 229-31.
35. Coase, R. H. "The Nature of the Firm" Economica 4.16 (1937).
36. Funding a Revolution: Government Support for Computing Research. Washington, D.C.: National Academy, 1999.
37. Gerovitch, S. "InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network" History and Technology 24 (2008): 335-50
38. Norberg, Arthur L., O'Neill, Judy E., and Freedman, Kerry J. Transforming Computer Technology: Information Processing for the Pentagon, 1962-1986. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1996
39. Abbate, Janet. Inventing the Internet. Cambridge, Mass. u.a.: MIT, 2000.
40. Bamford, James. Body of Secrets: Anatomy of the Ultra-secret National Security Agency. New York: Anchor, 2002
41. Schneider, G. "Bueno De Mesquita, Bruce (2009) The Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest To See and Shape the Future. New York: Random House. Xxii + 250 Pp. ISBN 9781400067879." Journal of Peace Research 47.4 (2010): 512-13. Print.
Solove, Daniel J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age. New York: New York UP, 2004.
42. Solove, Daniel J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age. New York: New York UP, 2004.
43. Cate, Fred H. Privacy in the Information Age. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1997
44. Federal Government Information Technology: Electronic Record Systems and Individual Privacy. Washington, D.C.: Congress of the U.S., Office of Technology Assessment, 1986.
45. Holtzman, David H. Privacy Lost: How Technology Is Endangering Your Privacy. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.

46. Long, Edward V. *The Intruders; the Invasion of Privacy by Government and Industry*,. New York: Praeger, 1967.
47. Whitaker, Reginald. *The End of Privacy: How Total Surveillance Is Becoming a Reality*. New York: New, 1999.
48. Cohen, Julie E. "Privacy, Visibility, Transparency, and Exposure" *The University of Chicago Law Review* 75.1 (2008): 181-201. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/20141904>>.
49. Orwell, George. *Nineteen Eighty-Four*. London: Penguin, 1954.
50. Brin, David. *The Transparent Society: Will Technology Force Us to Choose between Privacy and Freedom?* Reading, MA: Addison-Wesley, 1998.
51. Arrow, K. J. "Uncertainty And The Welfare Economics Of Medical Care" *Journal of Health Politics, Policy and Law* 26.5 (2001): 851-83.
52. Akerlof, George A. "The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism" *The Quarterly Journal of Economics* 84.3 (Aug., 1970): 488-500.
53. Spence, Andrew Michael. *Market Signaling: Informational Transfer in Hiring and Related Screening Processes*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Pr., 1974.
54. Spence, Andrew Michael. "Job Market Signaling" *The Quarterly Journal of Economics* 87.3 (Aug., 1973): 355-74.
55. Mancini, Anna. *Copyright Law Is Obsolete*. Dover, DE: Buenos America, 2006.
56. Arthur, Robert R. *You Will Die: The Burden of Modern Taboos*. Washington, D.C.: Suburra, 2008.
57. Peters, Iva Lowther. *The Institutionalized Sex Taboo*,. New York, 1921.
58. Global Commission on Drug Policy | Report. Global Commission on Drug Policy. Global Commission on Drug Policy. Web. 10 Dec. 2011. <<http://www.globalcommissionondrugs.org/Report>>.
59. Audi, Robert. *Business Ethics and Ethical Business*. New York: Oxford UP, 2009
60. Bishop, Michael A., and Trout, J. D. *Epistemology and the Psychology of Human Judgment*. New York: Oxford UP, 2005
61. Serge Chakotin, *Rape of the Masses: The Psychology of Totalitarian Political Propaganda (Studies in Philosophy)*, New-York, Haskell House Pub Ltd, 1971
62. "The Budget, Department of Defense" The White House. Web. <<http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/budget/fy2012/assets/defense.pdf>>
63. Mueller, John. "Hardly Existential: Terrorism As A Hazard To Human Life" Department of Political Science and Mershon Center Ohio State University <http://polisci.osu.edu/faculty/jmueller/ISA10.PDF> Prepared for Presentation at the Panel, "Theoretical Pitfalls and Policy Conundrums: Exploring Myths and Realities on Post-9/11 Terrorism and Counterterrorism" National Convention of the International Studies Association New Orleans, Louisiana, February 18, 2010 (February 3, 2010).
64. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Государство. Том. 3. Москва: Мысль, 1994. Философское наследие, т. 117.
65. Castells, Manuel ,*The Collapse of Soviet Communism: A View from the Information Society*, Los Angeles, Figueroa Press, 2003
66. Lorenz, Konrad. *On Aggression*. San Diego, CA: Harvest Book, 1963.
67. Халифман, И. А. Пароль скрещенных антенн. Москва: Детгиз, 1962.
68. Baker, B. W., Hill, E. P. Beaver (*Castor Canadensis*). Pages 288-310 in *Wild Mammals of North America: Biology, Management, and Conservation*. Second Edition. Vol. Pages 288-310. Baltimore, Maryland, USA: Johns Hopkins UP, 2003.
69. Heyne, Paul T. *The Economic Way of Thinking*. Chicago: Science Research Associates, 1973.
70. Акулов, В. Б., Рудаков, М. Н.,. *Теория организации*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.
71. Coase, R. H. "The Nature of the Firm" *Economica* 4.16 (1937).

72. Kotler, Philip, Caslione, John A. *Chaotics: the Business of Managing and Marketing in the Age of Turbulence*. New York: American Management Association, 2009.
73. Егер, Оскар. *Всемирная история в четырех томах*. Санкт-Петербург: Специальная Литература, 1997.
74. Gibbon, Edward, *The Decline and Fall of the Roman Empire*. New York: Harcourt, Brace, 1960.
75. Перельман Я. И. "Занимательная физика", Москва, "Наука", 1979
76. Манен, Бернар "Принципы представительского правления", Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007
77. Kitchen, Martin, *The Cambridge Illustrated History of Germany*: -Cambridge University Press 1996
78. Ambachtsheer, Keith P. *Pension Revolution: a Solution to the Pensions Crisis*. Hoboken, NJ: Wiley, 2007.
79. Johnsson, Richard. "Road Wear and the Kilometre Charge: A Computable General Equilibrium Analysis" *Journal of Transport Economics and Policy* 39.1 (2005): 53-74. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/20053950>>.
80. Barker, Terry, Köhler, Jonathan. "Charging for Road Freight in the EU: Economic Implications of a Weigh-in-Motion Tax" *Journal of Transport Economics and Policy* 34.3 (2000): 311-31. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/20053849>>.
81. Directive 2011/62/EU of the European Parliament And of the Council of 8 June 2011 Amending Directive 2001/83/EC on the Community Code Relating to Medicinal Products for Human Use, as Regards the Prevention of the Entry into the Legal Supply Chain of Falsified Medicinal Products" *Official Journal of the European Union* (2011). European Commission. Europa, Strasbourg, July-Aug. 2011. Web. <http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/dir_2011_62/dir_2011_62_en.pdf>.
82. Ganascia, J.-G. "The Generalized Sousveillance Society" *Social Science Information* 49.3 (2010): 489-507.
83. Tapscott, Don, Williams, Anthony D. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Portfolio, 2006.
84. Gibb, D. E. W. *Lloyd's of London, a Study of Individualism*. London: Macmillan, 1957.
85. DiRienzo, Cassandra E., Das, Jayoti, Cort, Kathryn T., Burbridge, John. *Corruption and the Role of Information* *Journal of International Business Studies* Vol. 38, No. 2 (Mar., 2007), pp. 320-332 Published by: Palgrave Macmillan Journals Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/4540422>
86. Пелевин, Виктор. «Ампир V» Москва, Эксмо, 2006.
87. Dhanjani, Nitesh, Rios, Billy, Hardin, Brett. *Hacking*. Sebastopol (CA): O'Reilly, 2009.
88. Белоглазова, Г. Н. *Деньги, кредит, банки*. Москва: Высшее образование, 2009.
89. Estonia. AS Sertifitseerimiskeskus (www.sk.ee). *The Estonian ID Card and Digital Signature Concept Principles and Solutions*. Ver 20030307. <http://www.id.ee>. Web. 13 Dec. 2011. <http://www.id.ee/public/The_Estonian_ID_Card_and_Digital_Signature_Concept.pdf>.
90. Gilbert, Daniel Todd. *Stumbling on Happiness*. New York: A.A. Knopf, 2006.
91. Bauer, Friedrich Ludwig. *Decrypted Secrets: Methods and Maxims of Cryptology*. Berlin: Springer, 2000.
92. Pilato, C. Michael., Collins-Sussman, Ben, Fit, Brian W. *Version Control with Subversion*. Sebastopol, CA: O'Reilly & Associates, 2008.
93. Silversmith, David. "Google Losing up to \$1.65M a Day on YouTube" *Internet Evolution - The Macrosite for News, Analysis, and Opinion about the Future of the Internet*. Internet Evolution, 2009. Web. 13 Dec. 2011. <http://www.internetevolution.com/author.asp?section_id=715>.
94. Torkington, Nat. "HBO Attacking BitTorrent - O'Reilly Radar" *O'Reilly Radar - Insight, Analysis, and Research about Emerging Technologies*. 4 Oct. 2005. Web. 13 Dec. 2011. <<http://radar.oreilly.com/archives/2005/10/hbo-attacking-bittorrent.html>>.
95. Nakamoto, Satoshi, *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System* Web <http://bitcoin.org/bitcoin.pdf> 09.01.2012
96. Dunbar, R.i.m. "Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates" *Journal of Human Evolution* 22.6 (1992)

97. Carrizales, Tony, Functions of E-Government: A Study of Municipal Practices, State & Local Government Review, Vol. 40, No. 1 (2008), pp. 12-26, Published by: Carl Vinson Institute, University of Georgia, Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/25469771>
98. Aldenderfer, Mark S., Blashfield, Roger K. Cluster Analysis. Newbury Park, Calif. [u.a.: Sage, 2006.
99. Сименко, И.А. "ВикиГуглоМетаТрекерная DNS / Peer-to-Peer / Хабрахабр Web. 16.01.2012. <<http://habrahabr.ru/blogs/p2p/114029/>>.
100. Loomis, Mildred J. Decentralism: Where It Came from - Where Is It Going? Montréal, Quebec: Black Rose, 2005.
101. Olmstead, T. History of the Persian Empire The University of Chicago Press, 1948
102. Gates, Buffet in Delhi with their 'Giving Pledge' - Economic Times. articles.economictimes.indiatimes.com. The Economic Times. 24 March 2011. Retrieved 24 April 2011.
103. Суриков, И. Е., Античная Греция, Политики в контексте эпохи Время расцвета демократии, Москва, Наука, 2008
104. Hayek, Friedrich August Von. Denationalisation of Money: an Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies. London: Institute of Economic Affairs, 1976.
105. Aldridge, Theresa J., Patterson, Alan, LETS Get Real: Constraints on the Development of Local Exchange Trading Schemes, Vol. 34, No. 4 (Dec., 2002), pp. 370-381, Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers), Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/20004268>
106. Spengler, Oswald. The Decline of the West. London: George Allen & Unwin, 1980.
107. Baumol, William J. "On Taxation and the Control of Externalities" The American Economic Review 62.3 (1972): 307-22. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/1803378>>.
108. Бессонов, Б. Н. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). Москва: Мысль, 1975.
109. Popper, Karl R. The Open Society and Its Enemies,. Princeton, NJ: Princeton UP, 1966.
110. Fukuyama, Francis. Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free, 1995.
111. Manuet, F.E. Manuet, F.P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1979.
112. Kreps, D., Wilson, R. "Reputation and Imperfect Information" Journal of Economic Theory 27.2 (1982): 253-79.
113. Homans, George Caspar. The Human Group. New Brunswick, U.S.A.: Transaction, 1992.
114. Solove, Daniel J. The Future of Reputation: Gossip, Rumor, and Privacy on the Internet. New Haven: Yale UP, 2007. <http://docs.law.gwu.edu/facweb/dsolove/Future-of-Reputation/text.htm>.
115. Buskens, Vincent. "Social Networks and the Effect of Reputation on Cooperation" Department of Sociology Utrecht University Prepared for the Proceedings of the 6th International Conference on Social Dilemma (1998). Utrecht University. Department of Sociology Utrecht University, 30 Mar. 1998. Web. <http://www.fss.uu.nl/soc/iscore/papers/paper042.pdf>
116. Wang, Yao, Vassileva, Julita. "Trust and Reputation Model in Peer-to-Peer Networks" Proceedings of the 3rd International Conference on Peer-to-Peer Computing. Washington, DC, USA: IEEE Computer Society, 2003. 150. P2P ´3.
117. Turner, James T. "Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome" Political Psychology 6.4 (1985): 705-11. Web. 12 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/3791024>>.
118. Wilson, James Q., Kelling, George L. Broken Window. The Police and Neighborhood Safety. New-York: Manhattan Institute for Policy Research, 1982. <http://www.manhattan-institute.org>. Manhattan Institute for Policy Research. Web. 13 Jan. 2011. <http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf>
119. Kelling, George L., Coles, Catherine M. Fixing Broken Windows: Restoring Order and Reducing Crime in Our Communities. New York: Simon & Schuster, 1996.

120. Keizer, K., Lindenberg, S., Steg, L. "The Spreading of Disorder" *Science* 322.5908 (2008): 1681-685.
121. Harcourt, Bernard E., Ludwig, Jens. "Broken Windows: New Evidence from New York City and a Five-City Social Experiment" *The University of Chicago Law Review* 73.1 (2006): 271-320. Web. 13 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/4495553>>.
122. Russell, Bertrand. *Marriage and Morals*. New York: Liveright, 1929.
123. Maslow, Abraham H. *Motivation and Personality*. New York: Harper, 1954.
124. Финляндия. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Договор по открытому небу. Хельсинки: <http://www.osce.org>, 24 марта 1992. Web. 13 Dec. 2011. <<http://www.osce.org/ru/library/14131>>.
125. Koplow, David A. "Back to the Future and up to the Sky: Legal Implications of "Open Skies" Inspection for Arms Control" *California Law Review* 79.2 (1991): 421-96. Web. 13 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/3480691>>.
126. Ganascia, J.-G. "The Generalized Sousveillance Society" *Social Science Information* 49.3 (2010): 489-507.
127. Волков, Леонид, Крашенинников, Федор. "Облачная демократия". Web. 12 Dec. 2011. <<http://cdem.ru/>>.
128. Бузескул, В. П. История афинской демократии / Вступ. ст. Э. Д. Фролова; науч. редакция текста Э. Д. Фролова, Х. М. Холода. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. — 480 с. — (Серия «Studia Classica»). Web: http://www.sno.pro1.ru/lib/buzeskul_istoriya_afinskoy_demokratii/
129. Ким, Г.Ф. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). 1966.
130. Кучинский, Александр Владимирович. *Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки*. Донецк: Сталкер, 1997.
131. Илюшечкин, В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. Москва, 1970.
132. Илюшечкин, В. П. Эксплуатация и частная собственность в сословно-классовых обществах. Москва, 1990.
133. Кобищанов Ю. М., Феодализм, рабство и азиатский способ производства. Сomp. Г. Ф. Ким. 1966. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства).
134. Илюшечкин, В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. Москва, 1986.
135. Илюшечкин, В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Москва, 1980.
136. Кейн, Джон. *Общая теория занятости, процента и денег*. Москва: Гелиос АВР, 2002.
137. Маркс, Карл. *Капитал. Критика политической экономии*. Москва: Политиздат, 1983.
138. Сергеев, Александр. "От сигнала к смыслу" *Вокруг света* 5.(2836) (Май 2010).
139. Кузовков, Ю. В. *Мировая история коррупции*. http://www.yuri-kuzovkov.ru/second_book/: Интернет-версия, 2010.
140. Фромм, Эрих. "Человек одинок" *Trans. Р. Облонская. Иностранная литература* 1 (1966): 230-33.
141. Шрайэгг, Г., Носс, К. "Изжила ли себя организационная структура?" *Проблемы теории и практики управления* 4 (1994): 78-83.
142. Юдковски, Е. Систематические ошибки в рассуждениях, потенциально влияющие на оценку глобальных рисков. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. Москва, 2008.
143. Arrow, Kenneth J., Hurwicz, L. *Decision Making under Ignorance*. Oxford: Basil Blackwell, 1972.
144. Arrow, Kenneth Joseph, Debreu, Gérard. *Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy*. Chicago: Cowles Commission for Research in Economics, University of Chicago, 1954.
145. Arrow, Kenneth Joseph. *Social Choice and Individual Values*. New York: Wiley, 1963.

146. Baron, Jonathan. *Thinking and Deciding*. Cambridge, UK: Cambridge UP, 2000.
147. Benkler, Yochai. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, [Conn.: Yale UP, 2006.
148. Bernays, Edward L. *Propaganda*. New York: H. Liveright, 1928.
149. Bishop, Michael A., Trout, J. D. *Epistemology and the Psychology of Human Judgment*. New York: Oxford UP, 2005.
150. Branscomb, Anne W. *Who Owns Information?: from Privacy to Public Access*. New York, NY: Basic, 1994.
151. Brendon, Piers. *The Decline and Fall of the British Empire: 1781-1997*. London: Jonathan Cape, 2007.
152. Cremer, Helmuth, Pestieau, Pierre. "Piracy Prevention and the Pricing of Information Goods" CEPR Discussion Paper 5556 (March 2006).
153. Darwin, Charles Robert. *The Origin of Species: Complete and Fully Illustrated*. New York: Gramercy, 1979.
154. Diamond, Peter A., Mirrlees, James A. *Optimal Taxation and Public Production*. [United States]: American Economic Association, 1971.
155. Drucker, Peter F. "The Next Information Revolution" *Forbes ASAP* [New-York] 24 Aug. 1998.
156. Ferguene, Ameziane, Latouch, Serge. *Socialisme Et Developpement: Essai Sur Les Limites De L'accumulation Socialiste Autocentree a La Peripherie*. S.l.: S.n., 1987.
157. Heywood, Andrew. *Political Ideologies: an Introduction*. New York, NY: Worth, 1998.
158. Kuhn, Alfred. *The Study of Society; a Multidisciplinary Approach*. [London]: Tavistock Publications, 1963.
159. La CIA, Castro Y Bahía De Cochinos: La Llegada De Castro Al Poder. GUERRA ETERNA. Web. <http://www.guerraeterna.com/archives/2005/07/la_cia_castro_y.html>.
160. Lambert-Mogiliansky, Ariane, Majumdar, Mukul, Radner, Roy. "Petty Corruption: A Game-theoretic Approach" *International Journal of Economic Theory* 4.2 (2008): 273-97.
161. Machiavelli, N. *Il Principe*. Giunti Editore, 2004. Biblioteca Ideale Giunti. Web. 10 Dec. 2011.
162. Marx, Karl. *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. London: Lawrence and Wishart, 1970.
163. McConnell, Campbell R., Stanley, L. Brue. *Economics: Principles, Problems, and Policies*. Boston, Mass. [u.a.: McGraw-Hill/Irwin, 2008.
164. McLuhan, Marshall. *The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*. [United States]: University of Toronto, 1965.
165. McLuhan, Marshall. *Understanding Media; the Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill, 1964.
166. Рудык, Николай Борисович. "Экономический эффект "влипания"" *Элитариум: Центр дистанционного образования*. 30 Nov. 2005. Web. 11 Dec. 2011. <http://www.elitarium.ru/2005/11/30/jekonomicheskij_jeffekt_vlipanija.html>.
167. Reis, Harry T., Sprecher, Susan. *Encyclopedia of Human Relationships*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009.
168. Jin, Byounggho, Park, Jin Yong, and Kim, Jiyoung. "Cross-cultural Examination of the Relationships among Firm Reputation, E-satisfaction, E-trust, and E-loyalty" *International Marketing Review* 25.3 (2008): 324-37.
169. Kreps, D., Wilson, R. "Reputation and Imperfect Information" *Journal of Economic Theory* 27.2 (1982): 253-79.
170. Rothschild, Michael, Stiglitz, Joseph. "Equilibrium in Competitive Insurance Markets: An Essay on the Economics of Imperfect Information" *The Quarterly Journal of Economics* 90.4 (Nov., 1976): 629-49.
171. Russell, Bertrand. *A History of Western Philosophy*. New York, NY: Simon and Schuster, 1972.
172. Service, Robert. *A History of Modern Russia: from Nicholas II to Vladimir Putin*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Pr., 2005.
173. Shane, Scott A. "The Effect of Cultural Differences in Perceptions of Transaction Costs on National Differences in the Preference for Licensing" *MIR: Management International Review* 32.4 (1992): 295-311. Web. 11 Dec. 2011. <<http://www.jstor.org/stable/40228115>>.

174. Simon, Herbert A. *Administrative Behavior; a Study of Decision-making Processes in Administrative Organization*. New York: Macmillan, 1957.
175. Smith, Adam. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Vol. 3. Dublin: Whitestone, 1776.
176. Stigler, George J. "The Economics of Information" *Journal of Political Economy* 69.3 (1961): 213.
177. Thompson, John M. *Revolutionary Russia, 1917*. New York: Scribner, 1981.
178. Vickrey, William S., Arnott, Richard. *Public Economics: Selected Papers by William Vickrey*. Cambridge: Cambridge UP, 1996.
179. Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-system*. New York: Academic, 1974.
180. Williamson, Oliver E. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications : a Study in the Economics of Internal Organization*. New York: Free, 1983.
181. Williamson, Oliver E. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York: Free, 1985.
182. Williamson, Oliver E. "The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract" *Journal of Economic Perspectives* 16.3 (2002): 171-95.
183. Biggart, Nicole Woolsey, Delbridg, Rick. *Systems of Exchange*, *The Academy of Management Review*, Vol. 29, No. 1 (Jan., 2004), pp. 28-49, Published by: Academy of Management, Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/20159007>